

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РОССИЙСКОГО ПРАВА

Том 17 № 8 (141) август 2022

В НОМЕРЕ:

Ершова И. В., Енькова Е. Е.

Санкционный комплаенс,
или внутрифирменное управление
рисками от рестрикций

Жаворонкова Н. Г., Шпаковский Ю. Г.

Правовое обеспечение экологической безопасности
в условиях влияния внешних экономических санкций

Пржиленский В. И.

Идея права в контексте эволюции
техносоциальных систем

LEX RUSSICA

- ✓ Свидетельство о регистрации СМИ — ПИ № ФС77-58927 от 5 августа 2014 г., ISSN 1729-5920 (Print), ISSN 2686-7869 (Online);
- ✓ издается с 2004 г., с 2013 г. — ежемесячно;
- ✓ является преемником научных трудов ВЮЗИ-МЮИ-МГЮА, издаваемых с 1948 г.;
- ✓ входит в перечень ВАК России;
- ✓ включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ) и Ulrich's Periodicals Directory;
- ✓ каждой статье присваивается индивидуальный международный индекс DOI;
- ✓ отдельные материалы размещаются в СПС «КонсультантПлюс» и «ГАРАНТ», электронной библиотеке «КиберЛенинка».

Lex russica — научный юридический журнал, посвященный фундаментальным проблемам теории государства и права (в том числе этноправа), совершенствования законодательства и повышения эффективности правоприменения, правовой культуры, юридического

образования и методики преподавания правовых дисциплин, международного права, сравнительного правоведения и др.

Журнал знакомит с юридическими школами вузов России; публикует очерки об ученых, чьи имена золотыми буквами вписаны в историю юридической науки, обзоры конференций и круглых столов, проведенных в Университете имени О.Е. Кутафина (МГЮА) или с участием профессорско-преподавательского состава Университета в других российских и зарубежных научных центрах, рецензии на новые юридические издания; содействует сближению и гармонизации российского и зарубежного права.

Авторами журнала являются известные российские и зарубежные ученые-юристы (из Германии, Китая, Польши, Франции, Финляндии и др.).

ВЕСТНИК УНИВЕРСИТЕТА ИМЕНИ О.Е. КУТАФИНА (МГЮА)

- ✓ Свидетельство о регистрации СМИ — ПИ № ФС77-67361 от 5 октября 2016 г., ISSN 2311-5998 (Print), ISSN 2782-6163 (Online);
- ✓ издается с 2014 г. — ежемесячно;
- ✓ входит в перечень ВАК России;
- ✓ включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ) и Ulrich's Periodicals Directory;
- ✓ каждой статье присваивается индивидуальный международный индекс DOI;
- ✓ отдельные материалы размещаются в СПС «ГАРАНТ» и в электронной библиотеке «КиберЛенинка».

Отличие «Вестника» от журналов, издаваемых Университетом (Lex russica, «Актуальные проблемы российского права»), и от других российских периодических изданий в том, что каждый его выпуск посвящен отдельной отрасли правовых знаний, например трудовому праву и праву социального обеспечения, международному, финансовому праву и т.д.

Журнал знакомит:

- ✓ с основными направлениями развития юридической науки;
- ✓ с актуальными проблемами теории и истории права и государства;
- ✓ конкретных отраслей права; сравнительного правоведения;
- ✓ методики преподавания правовых и общегуманитарных дисциплин, а также иностранных языков в юридическом вузе;
- ✓ с правоприменительной практикой;
- ✓ с путями совершенствования российского законодательства;
- ✓ с известными российскими и зарубежными учеными, их теоретическим наследием;
- ✓ с материалами конференций и круглых столов, проведенных в Университете или с участием профессорско-преподавательского состава Университета в других российских и зарубежных научных центрах;
- ✓ с новой юридической литературой.

«Актуальные проблемы российского права» — научно-практический юридический журнал, посвященный актуальным проблемам теории права, практике его применения, совершенствованию законодательства, а также проблемам юридического образования.

Рубрики журнала охватывают все основные отрасли права, учитывают весь спектр юридической проблематики, в том числе теории и истории государства и права, государственно-правовой, гражданско-правовой, уголовно-правовой, международно-правовой направленности. На страницах журнала размещаются также материалы конференций, рецензии на юридические новинки.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА

ГРАЧЕВА Елена Юрьевна — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой финансового права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).

Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА

ЕРШОВА Инна Владимировна — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой предпринимательского и корпоративного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).

Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

СИТНИК Александр Александрович — доктор юридических наук, доцент кафедры финансового права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).

Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ

СЕВРЮГИНА Ольга Александровна — эксперт отдела научно-издательской политики Научно-исследовательского института Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).

Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

БЕКЯШЕВ Дамир Камильевич — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры международного права Московского государственного института международных отношений МИД России.

Почтовый адрес: пр-т Вернадского, д. 76, г. Москва, Россия, 119454.

БЕЛОВА-ГАНЕВА Габриела — кандидат юридических наук, профессор, декан историко-правового факультета Юго-Западного университета имени Неофита Рильского (Болгария).

Почтовый адрес: ул. Ивана Михайлова, д. 66, г. Благоевград, Болгария, 2700.

БОЛТИНОВА Ольга Викторовна — доктор юридических наук, профессор, заместитель заведующего кафедрой финан-

сового права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).

Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

БРИНЧУК Михаил Михайлович — доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник сектора экологического, земельного и аграрного права Института государства и права Российской академии наук.

Почтовый адрес: ул. Знаменка, д. 10, г. Москва, Россия, 119019.

ВИННИЦКИЙ Данил Владимирович — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой финансового права Уральского государственного юридического университета, директор Института права БРИКС.

Почтовый адрес: Комсомольская ул., д. 21, г. Екатеринбург, Россия, 620137.

ВОСКОБИТОВА Лидия Алексеевна — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовно-процессуального права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).

Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

ГАЗЬЕ Анн — доктор права, доцент Университета Paris Nanterre (Франция).

Почтовый адрес: авеню Репюблик, д. 200, г. Нантер, Франция, 92001.

ГОЛОВНЕНКОВ Павел Валерьевич — доктор права, ассессор права, адвокат, Берлин, Германия.

ДУБРОВИНА Елена Павловна — кандидат юридических наук, член Центральной избирательной комиссии РФ (2003—2016), руководитель Центра законодательных инициатив политической партии «Российская объединенная демократическая партия «Яблоко»».

Почтовый адрес: Пятницкая ул., д. 31, стр. 2, г. Москва, Россия, 119017.

ЗАХАРОВ Владимир Викторович — доктор юридических наук, профессор, председатель Арбитражного суда Северо-Кавказского округа.

Почтовый адрес: Рашпилевская ул., д. 4, г. Краснодар, Россия, 350063.

КАЛИНИЧЕНКО Пауль Алексеевич — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры интеграционного и европейского права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).

Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

КОКОТОВ Александр Николаевич — доктор юридических наук, профессор, судья Конституционного Суда Российской Федерации.
Почтовый адрес: Сенатская пл., д. 1, г. Санкт-Петербург, Россия, 190000.

КОРНЕВ Аркадий Владимирович — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой теории государства и права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).
Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

КУРБАНОВ Рашад Афатович — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой гражданско-правовых дисциплин Российского экономического университета имени Г. В. Плеханова.
Почтовый адрес: Стремянный пер., д. 36, г. Москва, Россия, 117997.

ЛИПСКИ Станислав Анджеевич — доктор экономических наук, доцент, заведующий кафедрой земельного права Государственного университета по землеустройству.
Почтовый адрес: ул. Казакова, д. 15, г. Москва, Россия, 105064.

МАЦКЕВИЧ Игорь Михайлович — доктор юридических наук, профессор кафедры криминологии и уголовно-исполнительного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).
Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

МИНБАЛЕЕВ Алексей Владимирович — доктор юридических наук, доцент, заведующий кафедрой информационного права и цифровых технологий Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).
Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

МОХОВ Александр Анатольевич — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой медицинского права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).
Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

ПАНАГИОТОПОЛОС Димитриос — профессор права Афинского национального университета имени И. Каподистрии (Афины), судебный поверенный, проректор Университета Центральной Греции, президент Международной ассоциации спортивного права (МАСП).
Почтовый адрес: ул. Веранжероу, д. 4, г. Афины, Греция, 10677.

ПЕТРОВА Татьяна Владиславовна — доктор юридических наук, профессор кафедры экологического и земельного права юридического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова.
Почтовый адрес: Ленинские горы, д. 1, стр. 13, г. Москва, ГСП-1, Россия, 119991.

РЕШЕТНИКОВА Ирина Валентиновна — доктор юридических наук, профессор, председатель Арбитражного суда Уральского округа.
Почтовый адрес: пр-т Ленина, д. 32/27, г. Екатеринбург, Россия, 620075.

РОССИНСКАЯ Елена Рафаиловна — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой судебных экспертиз Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).
Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

СОКОЛОВ Александр Юрьевич — доктор юридических наук, профессор, директор Саратовского филиала Института государства и права Российской академии наук.
Почтовый адрес: ул. Чернышевского, д. 135, г. Саратов, Россия, 410028.

ФОКИНА Марина Анатольевна — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры гражданского и административного судопроизводства Российского государственного университета правосудия.
Почтовый адрес: Новочеремушкинская ул., д. 69, г. Москва, Россия, 117418.

ХВАН Леонид Борисович — кандидат юридических наук, доцент кафедры государственного права и управления Ташкентского государственного юридического университета.
Почтовый адрес: Главпочтамт, а/я № 232, г. Ташкент, Республика Узбекистан, 100000.

ЧАННОВ Сергей Евгеньевич — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой служебного и трудового права Поволжского института управления имени П.А. Столыпина.
Почтовый адрес: Соборная ул., д. 23/25, г. Саратов, Россия, 410031.

ШАЛУМОВ Михаил Славович — доктор юридических наук, профессор, заместитель начальника управления систематизации законодательства и анализа судебной практики Верховного Суда Российской Федерации — начальник отдела систематизации законодательства и анализа судебной практики в области уголовного судопроизводства, судья Верховного Суда Российской Федерации (в почетной отставке).
Почтовый адрес: Поварская ул., д. 15, г. Москва, Россия, 121260.

ШИТКИНА Ирина Сергеевна — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры предпринимательского права, руководитель программы магистратуры по направлению «Корпоративное право» юридического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова.
Почтовый адрес: Ленинские горы, д. 1, стр. 13, г. Москва, ГСП-1, Россия, 119991.

ЯСКЕРНЯ Ежи — доктор юридических наук, профессор Университета имени Яна Кохановского в г. Кельц (Польша), декан кафедры права и социальных наук отделения конституционного, европейского и международного публичного права.
Почтовый адрес: ул. Зеромского, д. 5, г. Кельц, Польша, 25369.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

КАШАНИНА Татьяна Васильевна — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры теории государства и права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).
Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

КЛЕПИЦКИЙ Иван Анатольевич — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).
Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

МИХАЙЛОВ Сергей Михайлович — кандидат юридических наук, доцент, и. о. заведующего кафедрой гражданского и административного судопроизводства Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).
Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

ОСАВЕЛЮК Алексей Михайлович — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры конституционного и муниципального права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).
Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

ПОДУЗОВА Екатерина Борисовна — кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).
Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

СОКОЛОВА Наталья Александровна — доктор юридических наук, доцент, заведующий кафедрой международного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).
Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

РЕГИСТРАЦИЯ СМИ	Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор) ПИ № ФС77-25128 от 7 мая 2014 г.
ISSN	1994-1471 (Print), 2782-1862 (Online)
ПЕРИОДИЧНОСТЬ	12 раз в год
УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ	Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)» Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993
АДРЕС РЕДАКЦИИ	Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993 Тел.: 8 (499) 244-88-88 (доб. 687). E-mail: aprp.msal@yandex.ru
САЙТ	https://aprp.msal.ru
ПОДПИСКА И РАСПРОСТРАНЕНИЕ	Свободная цена Журнал распространяется через объединенный каталог «Пресса России» и интернет-каталог агентства «Книга-Сервис» Подписной индекс 11178 Подписка на журнал возможна с любого месяца
ТИПОГРАФИЯ	Отпечатано в Издательском центре Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993
ВЫПУСКНЫЕ ДАННЫЕ	Дата выхода в свет 25.08.2022 Объем 20,57 усл. печ. л., формат 60×84/8 Тираж 150 экз. Печать цифровая. Бумага офсетная
Переводчики	Н. М. Головина, А. Н. Митрущенкова
Редакторы	М. В. Баукина, Е. В. Осикина, С. И. Ершова
Корректор	А. Б. Рыбакова
Компьютерная верстка	Д. А. Беляков

При использовании опубликованных материалов журнала ссылка на «Актуальные проблемы российского права» обязательна.
Полная или частичная перепечатка материалов допускается только по письменному разрешению авторов статей или редакции.
Точка зрения редакции может не совпадать с точкой зрения авторов публикаций.

The Actual Problems of Russian Law Journal is an academic and practical law journal devoted to current issues of the theory of law, practice of its application, improvement of the legislation, and problems of legal education.

Sections of the Journal cover all major branches of law, take into account the full range of legal issues, including the theory and history of the State and law, constitutional law, civil law, criminal law, international law, etc. On the pages of the Journal, you can find conference proceedings, reviews of the most recent legal publications.

CHAIRPERSON OF THE COUNCIL OF EDITORS

Elena Yu. GRACHEVA — Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Financial Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).
Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

VICE-CHAIRPERSON OF THE COUNCIL OF EDITORS

Inna V. ERSHOVA — Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Business and Corporate Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).
Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

CHIEF EDITOR

Aleksandr A. SITNIK — Dr. Sci. (Law), Associate Professor of the Department of Financial Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).
Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

EXECUTIVE SECRETARY

Olga A. SEVRYUGINA — expert of the Research and Publishing Policy Department of the Research Institute of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).
Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

COUNCIL OF EDITORS

Damir K. BEKYASHEV — Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of International Law of Moscow State Institute of International Relations under the Ministry of Foreign Affairs of Russia.
Mailing address: prosp. Vernadskogo, d. 76, Moscow, Russia, 119454.

Gabriela BELOVA-GANEVA — PhD in Law, Professor, Dean of the Faculty of Law and History of South-West University «Neofit Rilski» (Bulgaria).
Mailing address: 66 Ivan Mihailov Str., Blagoevgrad, Bulgaria, 2700.

Olga V. BOLTINOVA — Dr. Sci. (Law), Professor, Vice-Head of the Department of Financial Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).
Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

Mikhail M. BRINCHUK — Dr. Sci. (Law), Professor, Senior Fellow, Sector of Environmental, Land and Agricultural Law of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences.
Mailing address: ul. Znamenka, d. 10, Moscow, Russia, 119019.

Danil V. VINNITSKIY — Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Financial Law of the Ural State Law University, Director of the BRICS Law Institute.
Mailing address: Komsomolskaya ul., d. 21, Yekaterinburg, Russia, 620137.

Lidia A. VOSKOBITOVA — Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Criminal Procedure Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).
Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

Anne GAZIER — Doctor of Law, Associate Professor of the University Paris Nanterre (France).
Mailing address: Universite Paris Nanterre, 200 avenue de la Republique, 92001 Nanterre Cedex (France).

Pavel V. GOLOVNIENKOV — Doctor of Law, Law Assessor, Advocate, Berlin, Germany.

Elena P. DUBROVINA — Cand. Sci. (Law), Member of the Central Election Committee of the Russian Federation (2003—2016), Head of the Center for Legislative Initiatives of the Russian United Democratic Party "Yabloko".
Mailing address: Pyatnitskaya ul., d. 31, build. 2, Moscow, Russia, 119017.

Vladimir V. ZAKHAROV — Dr. Sci. (Law), Professor, Chairman of the Court of Arbitration of North Caucasus district.
Mailing address: Rashpilevskaya ul., d. 4, Krasnodar, Russia, 350063.

Paul A. KALINICHENKO — Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Integration and European Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).
Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

Aleksandr N. KOKOTOV — Dr. Sci. (Law), Professor, Judge of the Constitutional Court of the Russian Federation.
Mailing address: Senatskaya pl., d. 1, St. Petersburg, Russia, 190000.

Arkadiy V. KORNEV — Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Theory of the State and Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).
Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

Rashad A. KURBANOV — Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Civil Law Disciplines of the Plekhanov Russian Economic University.
Mailing address: Stremyanny per., d. 36, Moscow, Russia, 117997.

Stanislav A. LIPSKI — Dr. Sci. (Econ.), Associate Professor, Head of the Department of Land Law of the State University for Land Use Planning.
Mailing address: ul. Kazakova, d. 15, Moscow, Russia, 105064.

Igor M. MATSKEVICH — Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Criminology and Penal Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).

Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

Aleksey V. MINBALEEV — Dr. Sci. (Law), Associate Professor, Head of the Department of IT and Digital Technologies Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL)

Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya, d. 9, Moscow, Russia, 125993.

Aleksandr A. MOKHOV — Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Medical Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).

Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

Dimitrios PANAGIOTOPOULOS — Professor of Law at the National and Kapodistrian University of Athens, Attorney-at-Law, Vice-Rector (f) of the University of Central Greece, President of International Association of Sports Law (IASL).

Mailing address: 4, Veranzerou Str., 10677, Athens, Greece.

Tatiana V. PETROVA — Dr. Sci. (Law), Professor of the Department of Environmental and Land Law of the Faculty of Law of Lomonosov Moscow State University.

Mailing address: Leninskie Gory, d. 1, str. 13, Moscow, GSP-1, Russia, 119991.

Irina V. RESHETNIKOVA — Dr. Sci. (Law), Professor, Chairperson of the Court of Arbitration of the Urals District, Merited Lawyer of the Russian Federation, Merited Worker of the Judicial System.

Mailing address: prosp. Lenina, d. 32/27, Ekaterinburg, Russia, 620075.

Elena R. ROSSINSKAYA — Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Forensic Examination of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).

Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

Aleksandr Yu. SOKOLOV — Dr. Sci. (Law), Professor, Director of Saratov Branch, Institute of State and Law, Russian Academy of Sciences.

Mailing address: ul. Chernyshevskogo, d. 135, Saratov, Russia, 410028.

Marina A. FOKINA — Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Civil and Administrative Court Proceedings of the Russian State University of Justice.

Mailing address: Novochemushkinskaya ul., d. 69, Moscow, Russia, 117418.

Leonid B. KHVAN — PhD in Law, Associate Professor of the Department of State Law and State Administration of Tashkent State Law University.

Mailing address: Glavpochtamt, a/ya 232, Tashkent, Republic of Uzbekistan, 100000.

Sergey E. CHANNOV — Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Service and Labour Law of the Povolzhsky Institute of Government named after P.A. Stolypin.

Mailing address: Sobornaya ul., d. 23/25, Saratov, Russia, 410031.

Mikhail S. SHALUMOV — Dr. Sci. (Law), Professor, Deputy Head of the Department for Systematization of Legislation and Analysis of Judicial Practice of the Supreme Court of the Russian Federation, Head of the Department of Systematization of Legislation and Analysis of Judicial Practice in the Field of Criminal Procedure, Justice of the Supreme Court of the Russian Federation (emeritus).

Mailing address: Povarskaya ul., d. 15, Moscow, Russia, 121260.

Irina S. SHITKINA — Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Business Law, Head of the «Corporate Law» Master's Program of the Faculty of Law of Lomonosov Moscow State University.

Mailing address: Leninskie Gory, d. 1, str. 13, Moscow, GSP-1, Russia, 119991.

Jerzy JASKIERNIA — Prof. dr hab. Jan Kochanowski University, Kielce, Poland, dean, Department of Law and Social Sciences chair, Division on Constitutional, European and International Public Law.

Mailing address: PL 25-369 Kielce, ul. Żeromskiego 5.

EDITORIAL BOARD

Tatyana V. KASHANINA — Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Theory of the State and Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).

Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

Ivan A. KLEPITSKIY — Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Criminal Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).

Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

Sergey M. MIKHAILOV — Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Acting Head of the Department of Civil and Administrative Court Proceedings of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).

Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

Aleksey M. OSAVELYUK — Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Constitutional and Municipal Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).

Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

Ekaterina B. PODUZOVA — Cand. Sci. (Law), Associate Professor of the Department of Civil Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).

Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

Natalya A. SOKOLOVA — Dr. Sci. (Law), Associate Professor, Head of the Department of International Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).

Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

**THE CERTIFICATE
OF MASS MEDIA REGISTRATION**

The journal was registered by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media (Roskomnadzor) on 7 May 2014. The Certificate of Mass Media registration: PI No. FS77-25128

ISSN

1994-1471 (Print), 2782-1862 (Online)

PUBLICATION FREQUENCY

12 issues per year

FOUNDER AND PUBLISHER

Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education
"Kutafin Moscow State Law University (MSAL)"
9 Sadovaya-Kudrinskaya ul., Moscow, 125993, Russian Federation

EDITORIAL OFFICE. POSTAL ADDRESS

Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993
Tel.: +7 (499) 244-88-88 (ext. 687). E-mail: aprp.msall@yandex.ru

WEB-SITE

<https://aprp.msall.ru>

SUBSCRIPTION AND DISTRIBUTION

Free price
The journal is distributed through "Press of Russia" joint catalogue
and the Internet catalogue of "Kniga-Servis" Agency
Subscription index: 11178
Subscription to the journal is possible from any month

PRINTING HOUSE

Printed in Publishing Center of Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993

SIGNED FOR PRINTING

25.08.2022
Volume: 20.57 conventional printer's sheets, format 60x84/8
An edition of 150 copies. Digital printing. Offset paper

Translators

N. M. Golovina, A. N. Mitrushchenkova

Editors

M. V. Baukina, E. V. Osikina, S. I. Ershova

Proof-reader

A. B. Rybakova

Computer layout

D. A. Belyakov

When using published materials of the journal, reference to "Actual Problems of Russian Law" is obligatory. Full or partial use of materials is allowed only with the written permission of the authors or editors. The point of view of the Editorial Board may not coincide with the point of view of the authors of publications.

Содержание

ФИЛОСОФИЯ И ЭТИКА ПРАВА

- Пржиленский В. И.** Идея права в контексте
эволюции техносциальных систем 11

ФИНАНСОВОЕ ПРАВО

- Пономарева К. А.** Налогообложение цифровых услуг
в контексте международных налоговых соглашений. 20
- Щекин Д. М.** Налоговое стимулирование занятий спортом 32
- Забралова О. С.** Социальная направленность
публичной финансовой деятельности: общетеоретический анализ 39

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ В ИНФОРМАЦИОННОЙ СФЕРЕ

- Макутчев А. В.** Современные возможности
и пределы внедрения искусственного
интеллекта в систему правосудия. 47

ГРАЖДАНСКОЕ И СЕМЕЙНОЕ ПРАВО

- Подузова Е. Б.** Договоры об оказании услуг в сфере
использования «искусственного интеллекта» и технологий
«искусственного интеллекта»: проблемы теории и практики 59
- Белов В. А.** Цифровое посредничество
и потребительские отношения:
правовая природа и ответственность 68
- Чурилов А. Ю.** Правовое регулирование облачного гейминга 83

ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ И КОРПОРАТИВНОЕ ПРАВО

- Ершова И. В., Енькова Е. Е.** Санкционный комплаенс,
или внутрифирменное управление рисками от рестрикций 93
- Посулихина Н. С.** ESG-стандарты и оценка (экспертиза)
комплексной безопасности проектов 104
- Сеньшин А. Е.** Правосубъектность предпринимательских групп
в правоотношениях несостоятельности (банкротства) 111

ТРУДОВЫЕ ОТНОШЕНИЯ И СОЦИАЛЬНОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ

- Парамонова С. В.** Правовая природа
обособленных структурных подразделений организаций. 118

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС

- Вилкова Т. Ю.** Правила подследственности
на стадии возбуждения уголовного дела: пределы действия 136

КРИМИНАЛИСТИКА И КРИМИНОЛОГИЯ. СУДЕБНАЯ ЭКСПЕРТИЗА

- Долгиева М. М.** Криптопреступность в условиях
специальной военной операции и западных санкций 144

СРАВНИТЕЛЬНОЕ ПРАВОВЕДЕНИЕ

- Колодяжная А. И.** Новеллы в правовом регулировании
суррогатного материнства в государствах Европы 150

ЭНЕРГЕТИЧЕСКОЕ, ЭКОЛОГИЧЕСКОЕ И ПРИРОДОРЕСУРСНОЕ ПРАВО

- Жворонкова Н. Г., Шпаковский Ю. Г.** Правовое обеспечение
экологической безопасности в условиях
влияния внешних экономических санкций 157

- Амашукели С. А.** Эколоγο-правовое значение реализации
принципа взаимосвязи водных объектов и гидротехнических
сооружений, образующих водохозяйственную систему
(на основе анализа судебной практики) 170

Contents

PHILOSOPHY AND ETHICS OF LAW

- Przhilenskiy V. I.** The Idea of Law
in the Context of Technosocial Systems Evolution 11

FINANCIAL LAW

- Ponomareva K. A.** Digital Services Taxation
in the Context of International Tax Agreements 20
- Shchekin D. M.** Tax Incentives for Sports 32
- Zabralova O. S.** A Social Dimension
of Public Financing: General Theoretical Analysis 39

LEGAL REGULATION IN THE INFORMATION SPHERE

- Makutchev A. V.** Modern Possibilities
and Limits of Artificial Intelligence
Introduction into the Justice System 47

CIVIL AND FAMILY LAW

- Poduzova E. B.** Service Contracts in the Field
of the Use of "Artificial Intelligence" and "Artificial
Intelligence" Technologies: Problems of Theory and Practice 59
- Belov V. A.** Digital Intermediation and Consumer
Relations: Legal Nature and Responsibility 68
- Churilov A. Yu.** Legal Regulation of Cloud Gaming 83

BUSINESS AND CORPORATE LAW

- Ershova I. V., Enkova E. E.** Sanctions Compliance,
or Intra-Company Risk Management Caused by Restrictions 93

BUSINESS AND CORPORATE LAW

- Posulikhina N. S.** ESG Standards and Integrated
Project Security Assessment (Expertise) 104
- Senshin A. E.** Legal Personality of Business Groups
in Insolvency (Bankruptcy) Arrangements 111

LABOR RELATIONS AND SOCIAL SECURITY

- Paramonova S. V.** Legal Nature
of Separate Business Units of Organizations 118

CRIMINAL PROCEDURE

- Vilkova T. Yu.** Investigative Jurisdiction Rules
at the Stage of Initiating a Criminal Case: Scope of Validity 136

CRIMINALISTICS AND CRIMINOLOGY FORENSIC EXAMINATION

Dolgieva M. M. Crypto Crimes amid Special Military Operation and Western Sanctions	144
--	-----

COMPARATIVE LEGAL STUDIES

Kolodyazhnaya A. I. Novelties in Surrogacy Arrangements Regulation in European Countries	150
--	-----

ENERGY, ENVIRONMENTAL AND NATURAL RESOURCES LAW

Zhavoronkova N. G., Shpakovskiy Yu. G. Legal Support of Environmental Safety under the Influence of External Economic Sanctions	157
--	-----

Amashukeli S. A. Ecological and Legal Significance of the Implementation of the Principle of Water Bodies and Hydraulic Structures Relationship that Form the Water Management System: Based on Court Practice Analysis	177
---	-----

Идея права в контексте эволюции техносоциальных систем¹

Аннотация. Статья посвящена перспективам трансформации идеи и понятия права в результате развития техносоциальных систем. Реконструируется генезис и эволюция техносоциальных систем, обосновывается тезис о связи этих систем с перспективами понимания природы и смысла права. Подвергаются анализу новейшие разработки теоретиков управления, социологов и философов, в которых выявляются новые контуры системы природа — общество и теоретико-правовое значение выводов, к которым они приводят. Особое внимание уделяется соответствию порядков действия и порядков знания в условиях, которые определяются дисциплинарной матрицей науки и научного знания, а также взаимодействия теоретического дискурса и социальных практик. В указанном контексте разбирается влияние техносоциальных систем на правосознание, юридическое мировоззрение, нормотворчество и правоприменительные практики. Формулируется гипотеза о сущностном изменении права под влиянием цифровизации социальной жизни, гибридизации знания и о его дисциплинарной трансформации. Показывается культурно-историческая детерминированность идей и идеалов гуманизма, а также связь между естественно-научной революцией Нового времени с концепцией естественного права и общественного договора. Разбирается концепция М. Серра, в которой предлагается дополнить общественный договор еще одним договором — договором с природой. Еще один «мысленный эксперимент» позволяет предположить сущностное изменение идеи и понятия права.

Ключевые слова: право; техносоциальные системы; социальные системы; идея права; естественное право; общественный договор; права человека; социальные практики; научное знание; цифровизация социальной жизни.

Для цитирования: Пржиленский В. И. Идея права в контексте эволюции техносоциальных систем // Актуальные проблемы российского права. — 2022. — Т. 17. — № 8. — С. 11–19. — DOI: 10.17803/1994-1471.2022.141.8.011-019.

¹ Публикация подготовлена в рамках реализации проекта «Приоритет-2030» Центра компетенций «Социоправо» Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).

© Пржиленский В. И., 2022

* Пржиленский Владимир Игоревич, доктор философских наук, профессор, кафедра философии и социологии Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993
vladprnow@mail.ru

The Idea of Law in the Context of Technosocial Systems Evolution²

Vladimir I. Przhilenskiy, Dr. Sci. (Philosophy), Professor, Department of Philosophy and Sociology, Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
ul. Sadovaya-Kudrinskaya, d. 9, Moscow, Russia, 125993
vladprnow@mail.ru

Abstract. The paper is devoted to the prospects of transformation of the idea and concept of law as a result of technosocial systems development. The author reconstructs genesis and evolution of technosocial systems and substantiates the thesis about connection between these systems and the prospects of understanding the nature and meaning of law. The paper analyzes the latest developments of management theorists, sociologists and philosophers that reveal new contours of the nature-society system and theoretical and legal significance of conclusions to which they lead. The author pays special attention to the correspondence of the orders of action and the orders of knowledge in conditions that are determined by the disciplinary matrix of the science and scientific knowledge, as well as the interaction between theoretical discourse and social practices. In this context, the paper analyzes the impact of technosocial systems on legal awareness, legal worldview, rulemaking and law enforcement practices. The author makes a hypothesis about an essential change of law under the influence of digitalization of social life, hybridization of knowledge and its disciplinary transformation. The author focuses on cultural and historical determinism of the ideas and ideals of humanism and highlights the connection between the natural-scientific revolution of Modern times and the concepts of natural law and social contract. The author analyzes Michel Serres' concept that proposes to supplement the social contract with another contract — the contract with nature. Another "thought experiment" suggests an essential change in the idea and concept of law.
Keywords: law; technosocial systems; social systems; idea of law; natural law; social contract; human rights; social practices; scientific knowledge; digitalization of social life.

Cite as: Przhilenskiy V. Ideya prava v kontekste evolyutsii tekhnosotsialnykh sistem [The Idea of Law in the Context of Technosocial Systems Evolution]. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2022;17(8):11-19. DOI: 10.17803/1994-1471.2022.141.8.011-019 (In Russ., abstract in Eng.).

Тема соединения технического и социального в техносоциальные системы, сформулированная более полувека назад, всё ещё является популярной и подпитывается теориями сложности, конвергенции, гибридизации и даже управляемого хаоса. Всё началось с трудностей в теории управления, которая первоначально развивалась как теория управления персоналом, то есть отдельными индивидами и целыми коллективами. Чем большее значение в процессах функционирования «управленческих вертикалей» самих управляемых объектов играли технические приспособления и технологии, тем острее вставал вопрос о том, как соединить управление машинами и управление людьми в

единую систему знания и действия. И сегодня теория социотехнических систем (ST-систем, от англ. Socio Technical) занимает значимое место в структуре общей теории управления. Специалисты по управлению ST-системами утверждают необходимость последовательной реализации системно-структурного подхода. В рамках данного подхода утверждается, что структура взаимодействия определяется тем, что «в любой организации работают люди со способностями, они стремятся к достижению целей, следуют процессам, используют технологии, действуют в рамках физической инфраструктуры и разделяют определенные культурные представления и нормы»³. Таким образом, сведение «социаль-

² The publication was prepared within the framework of the project "Priority-2030" of the Competence Center "Sociolaw" of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).

³ Janse B. (2021). Socio Technical System (STS) // URL: <https://www.toolshero.com/management/socio-technical-system/>; Baxter G., Sommerville I. Socio-technical systems: From design methods to systems engineering // Interacting with computers. 2011. 23(1). P. 4–17.

ных» и «технических» аспектов определяется следующими шестью элементами: процессы/процедуры, цели/метрики, люди, инфраструктура, технология, культура. При этом теоретики управления персоналом обращают внимание на разнородность этих элементов, подчеркивая особый характер работы с ними. Например, культурные детерминанты влияют на использование технических устройств и технологий, что ставит эффективность их заимствования в зависимости от способности переработать отдельные элементы последних, адаптировать их друг к другу. Как отмечает Р. Янсе, программы организационных изменений часто терпят неудачу, потому что они слишком сосредоточены на одном аспекте системы, обычно на технологии, и не в состоянии проанализировать и понять существующие сложные взаимозависимости.

Б. Латур одним из первых философов стал писать о взаимном проникновении технического и социального. Однако в его размышлениях речь идет уже не о системах, а о сетях — смысл этого изменения в том, что понятие системы позволяет рассматривать любую совокупность как некое целое, чья гетерогенность подчинена единому замыслу и, как правило, иерархична. Более того, элементы сложной системы выполняют друг по отношению к другу и к системе в целом разнообразные функции. Сети же описываются как наборы элементов. Связанные по принципу координации, а не субординации, они избегают иерархий и внешних демаркаций. Рассуждать о таких конгломерациях и тем более описывать их сложно даже тогда, когда сети являются гомогенными, а в случае их гетерогенности возникают дополнительные сложности методологического порядка.

Б. Латур обратил внимание на то, что научные работники, несмотря на все декларации о междисциплинарности, стремятся оставаться в более или менее строго очерченных дисциплинарных рамках. Собственно, в этом и видели специфику научного знания представители науки классического периода: дисциплинарная и методологическая идентичность каждой

сферы научного знания позволяла обеспечить строгость, точность и иные компоненты базового идеала научности. «К сожалению, — восклицает французский философ, — литературных критиков гораздо больше, чем технологов, и изощренные достоинства техносоциальных ситуаций ускользают от внимания образованной публики»⁴.

Гетерогенность техносоциальных систем порождает массу проблем — как теоретических, так и практических. Прежде всего, необходимо решать вопрос о том, при помощи какой области знания описывать режимы их функционирования — естественно-научной, технической или социогуманитарной. Как известно, право высказываться по тем или иным вопросам дается только специалисту — это базовый принцип новоевропейской науки. Особенно отчетливо это проявляется в тех случаях, когда ученые привлекаются к осуществлению экспертизы, то есть выступают в качестве экспертов. Получившие широкое распространение в последние десятилетия междисциплинарные исследования, как и активное их обсуждение учеными, философами и методологами, подтверждают готовность ученых в процессе научного поиска выходить за дисциплинарные рамки. Но при оценке вклада других исследователей и вынесении иных экспертных суждений специалисты, как правило, стремятся обозначить границы своей компетентности и воздерживаться от их нарушения. Тем более не идет речь о стирании границ между отраслями научного знания — исследователи предпочитают создавать новые отрасли научного знания, такие как социальная психология или биохимия, а не упразднять предметные и методологические границы между социологией и психологией или биологией и химией.

Между тем социальные практики дают нам примеры активной гибридации научного знания, когда социальные и гуманитарные понятия активно сосуществуют в пространстве практического дискурса с терминами и формулами естествознания, технических или точных наук. Но научный анализ этих проблем будет оставаться

⁴ Латур Б. Где недостающая масса? Социология одной двери // Социология вещей : сборник статей. М. : Территория будущего, 2006. С. 220.

дисциплинарным, ибо теоретические конструкции, используемые специалистами, не допускают чужеродных терминов и не пропускают их в предметное пространство своей дисциплины. Б. Латур берет в качестве примера обсуждение журналистами, политиками, интеллектуалами сегодняшней экологической проблематики. В таких обсуждениях эпистемологические контексты смешиваются с социологическими, а лингвистические с культурологическими. Без такого смешения невозможно осознанно руководствоваться категорическим императивом и принимать решения относительно озоновой дыры, учитывая смыслообразующие возможности языка. «Предложите вниманию, — восклицает Б. Латур, — уже укоренившихся дисциплин развернутую социотехническую сеть наблюдаемых воочию переводов одного в другое — и первая группа — эпистемологи — извлечет оттуда все соответствующие понятия и вырвет с корнем всё то, что могло бы соединить их с социальным контекстом или с риторикой; вторая группа извлечет социальное и политическое измерение и очистит сеть от какого бы то ни было объекта; наконец, третья сохранит дискурс, но очистит его от всяких неподобающих связей с реальностью и — страшно сказать! — с властными играми»⁵.

Еще более актуальным выглядит вопрос о влиянии техносоциальных систем на жизнь человека и общества, в том числе и в области правосознания, юридического мировоззрения, нормотворчества и правоприменительных практик. В настоящее время в специальной литературе развернулась теоретическая дискуссия о том, затрагивает ли развитие техники сущность права. Что и говорить, очередной этап технического прогресса, как и все предыдущие, производит сильное впечатление на современников. Именуемый то четвертой промышленной революцией, то эпохой перехода к шестому технологическому укладу, этот этап тесно связан с развитием компьютеров и информационных технологий, активное внедрение которых во все сферы социальной жизни не обошло стороной

и право. Ни нормотворчество, ни правоприменительные практики нельзя представить без использования новых возможностей.

Итак, изменилось ли право в эпоху HighTech, во время техносоциальных систем? Казалось бы, признаки изменения несомненны и, что называется, лежат на поверхности. Владение существенно большими объемами информации, как и новейшими способами ее обработки, сказывается на скорости, точности и обоснованности принимаемых судом и правоохранительными органами решений. Допросы и совещания в режиме онлайн, выявление и идентификация следов, расширение возможностей наблюдения и контроля — при помощи новой техники удалось сжать пространство и растянуть время, заглянуть в глубь человеческой души и осветить самые темные ее стороны. Передача компьютерным программам и алгоритмам части функций, прежде выполняемых людьми «вручную», также дает повод говорить о масштабных переменах. Но касаются ли все эти перемены сущности права или же количественным изменениям на сей раз не суждено породить новое качество?

Для подтверждения гипотезы о сущностном изменении права под влиянием цифровизации, гибридизации знания и его дисциплинарной трансформации необходимо обратиться к такому его определению, из которого можно было бы прояснить его сущность. Но, как известно, ни теоретики, ни философы не едины во взгляде на природу права — его сущность и даже существенные признаки в разных теориях определяются по-разному. Удовлетворяющую если не всех, то большинство дефиницию можно обнаружить в словарях и учебниках. Так, в Большом юридическом словаре дается следующее определение права: «Право — 1) в объективном смысле система общеобязательных социальных норм (правил поведения), установленных государством и обеспечиваемых силой его принуждения (позитивное право) либо вытекающих из самой природы, человеческого разума; императив, стоящий над государством и законом

⁵ Латур Б. Нового времени не было. Эссе по симметричной антропологии. СПб. : Изд-во Европ. ун-та в С.-Петербурге, 2006. С. 64.

(естественное право); 2) в субъективном смысле вид и мера возможного поведения лица, государственного органа, народа, государства или иного субъекта (юридическое право)»⁶.

Сходным образом определяется интересующее нас понятие и в англоязычной традиции. «Право — правило поведения или действия, предписанное или официально признанное в качестве обязательного или принудительного исполнения контролирующим органом: как а) приказ или положение, принятое законодательным органом, б) нечто (например, судебное решение), имеющее обязательную или контролируемую силу при отправлении правосудия»⁷. Другими словами, речь идет о совокупности «устанавливаемых и охраняемых государственной властью норм и правил, регулирующих отношения людей в обществе», или об узаконенной и охраняемой государством свободе реализации собственной воли.

Если исходить из представленного определения, то становится очевидным, что правила меняются, но само понимание права как правила вряд ли. Как известно, современное правопонимание сформировалось под влиянием идей и ценностей гуманизма. Филологи и поэты позднего Средневековья под девизом возрождения античной культуры и ее ценностей сформировали нечто совершенно новое — представление об уникальности человеческой личности. В основе этого представления лежал опыт филологов-переводчиков, отличавший их от философов, теологов и правоведов прежних эпох. Переводя с греческого на латынь древние тексты, которые прежде были доступны лишь в переводе с арабского, свободно читая на классической, а не средневековой латыни, изучив иврит и арабский, гуманисты-гуманитарии позднего Средневековья сформировали критический и исторический взгляд на человека, его историю, что не замедлило сказаться на представлении о праве.

В наиболее концентрированном виде идеи гуманизма были выражены в тексте знаменитой «Речи» Пико делла Мирандолы, где Бог, сотворивший человека как незавершенный проект, говорит ему: «Не даем мы тебе, о Адам, ни своего места, ни определенного образа, ни особой обязанности, чтобы и место, и лицо, и обязанность ты имел по собственному желанию, согласно своей воле и своему решению. Образ прочих творений определен в пределах установленных нами законов. Ты же, не стесненный никакими пределами, определишь свой образ по своему решению, во власть которого я тебя предоставляю. Я ставлю тебя в центре мира, чтобы оттуда тебе было удобнее обозревать все, что есть в мире»⁸. При этом человек, по замыслу Творца, может сам и по своей воле «переродиться в низшие, неразумные существа», но также может возвыситься и обожествиться. Изначально он не привязан ни к земле, ни к небу, он не принадлежит ни к миру смертных, ни к сообществу бессмертных — ему и только ему предстоит выбрать свой собственный образ и свою собственную судьбу. Как известно, именно эти слова и мысли нашли свое отражение и в преамбуле, и во второй главе действующей Конституции Российской Федерации⁹.

Однако не только из гуманистического, то есть антропоцентричного, мировоззрения состоит круг идей, воплощенных в современном представлении о праве, его природе и сущности. Не меньшую роль здесь играют концепции общественного договора, естественного права и прав человека. Все три концепции родились в более позднюю эпоху и многими историками политико-правовых учений обычно представляются как развитие и углубление ренессансных идей гуманизма в Новое время. В сущности, это утверждение следует признать справедливым, хотя, если опираться на те же принципы историзма и критицизма, необходимо внести в это утверждение важные поправки. Поня-

⁶ Большой юридический словарь / под ред. А. Я. Сухарева. 3-е изд., доп. и перераб. М., 2007. С. 409–410.

⁷ URL: <https://www.merriam-webster.com/dictionary/law#legalDictionary>.

⁸ Пико делла Мирандола Дж. Речь о достоинстве человека : пер. с лат. // История эстетики. Памятники мировой эстетической мысли : в 5 т. М. : Академия художеств СССР, 1962. Т. 1. С. 506–514, 510–511.

⁹ Конституция Российской Федерации // URL: <http://www.constitution.ru/10003000/10003000-4.htm>.

тия общественного договора и естественного права — продукт Нового времени, ибо оба они концептуально укоренены в новоевропейской картине мира, сформировавшейся в ходе научной и технической революции Нового времени.

Сейчас в области техники происходит новая революция, вслед за ней существенно изменяются и стандарты научности. Обществоведы уже не первое десятилетие обсуждают детали нового типа социальности, называя его то социальной индивидуализацией, то постиндустриализмом, то консюмеризмом. Как известно из истории, вслед за научным, техническим и социальным прогрессом следовал прогресс в области морали. Остается открытым вопрос о том, последуют ли за революционными изменениями в сфере науки и техники, а также в сфере функционирования социальных институтов и межличностных взаимодействий не менее революционные перемены в области ценностей и общественной морали. Если ответ на этот вопрос окажется положительным, то уже не уйти от вопроса о том, насколько все эти инновации затрагивают понимание природы и смысл права.

Сегодня в учебниках по истории политико-правовых учений концепции естественного права и общественного договора исторически привязывают к эпохе раннебуржуазных европейских государств. Но даже К. Маркс признавал, что эти исторически локальные теории выражали некий универсальный смысл, который может быть отождествлен с законами Разума или, что одно и то же, принципами Мироздания. «Почти одновременно с великим открытием Коперника, — писал К. Маркс, — открытием истинной солнечной системы — был открыт также и закон тяготения государств: центр тяжести государства был найден в нем самом. Различные европейские правительства пытались, — правда, поверхностно, как это бывает при первых практических шагах, — применить этот закон в смысле установления равновесия государств. Но уже Макиавелли, Кампанелла, а впоследствии Гоббс, Спиноза, Гуго Гроций, вплоть до Руссо, Фихте, Гегеля, стали рассма-

тривать государство человеческими глазами и выводить его естественные законы из разума и опыта, а не из теологии. Они следовали примеру Коперника, которого нисколько не смущало то обстоятельство, что Иисус Навин велел остановиться солнцу в Гедеоне и луне — в долине Аялонской. Новейшая философия только продолжала ту работу, которая была начата уже Гераклитом и Аристотелем. Вы полемизируете, следовательно, не против разума новейшей философии, вы полемизируете против вечно новой философии разума»¹⁰.

Как видим из приведенного отрывка, молодой Маркс связывает теорию общественного договора и естественного права с великими открытиями XVII в. и в качестве предшественников Коперника и Галилея называет Гераклита и Аристотеля. Это смещение в оптике вполне объяснимо, если видеть в новоевропейской (или раннебуржуазной) теории права рациональную инициативу, предложенную в качестве интеллектуальной альтернативы религиозной традиции, возводящей идею права, как и все остальные идеи, доставшиеся средневековой Европе от Античности, к понятиям Бога, Божественного Права и Божественного Закона.

Неокантианец Э. Кассирер, вернувшийся к разбору данного сюжета в XX в., существенно сместил оценки роли и значения естественнонаучного знания в процессе правового теоретизирования. Он обратил внимание на то, что Гуго Гроций, обычно числящийся по ведомству юристов, в действительности тоже был гуманистом. Поэтому для голландского правоведа так важна аргументация Платона, обосновывающего теорию справедливости включением ее в общий строй логики и этики. Гроций впервые переносит право из сферы фактического в пространство возможного, и Э. Кассирер считает это важнейшим сдвигом, приведшим позднее к включению понятия права в сферу теоретического как такового. «Лейбниц вывел только ясное и определенное следствие из основной идеи Гуго Гроция, когда заявил, что наука о праве принадлежит к таким дисциплинам, которые

¹⁰ *Marx K. Der leitende Artikel in Nr. 179 der Kölnischen Zeitung // URL: <http://www.zeno.org/Philosophie/M/Marx,+Karl/Der+leitende+Artikel+in+Nr.+179+der+%C2%BBK%C3%B6lnischen+Zeitung%C2%AB>.*

зависят не от опытов, а от определений, не от фактов, а от строгих логических доказательств. Ведь то, что есть закон и правосудие сами по себе, невозможно вывести из опыта»¹¹.

Сегодня это трудно осознать, но в античную эпоху и Средние века право не было предметом философской рефлексии, оно не рассматривалось теоретиками как нечто, укорененное в структуре мироздания или связанное с метафизической природой человека. Греческая философия и римское право сосуществовали в едином пространстве Римской империи как две достаточно автономные сферы, первая из которых опиралась на умозрение и теоретизирование, тогда как вторая была всецело привязана к законотворчеству и правоприменительным практикам. Не случайно до самого падения Рима все римские граждане учили греческий язык для чтения философских текстов, тогда как языком законодателей и делопроизводителей был латинский. Право продолжало существовать как область, практически не затронутая мыслью теоретиков даже тогда, когда античная философия встретила с библейским мифом в рамках патристической и схоластической теологии.

Со времен первобытного общества, когда всё было обществом, право ориентировалось исключительно на договор. Этот договор заключался между соплеменниками, иноплеменниками, явлениями природы и даже с природными стихиями, а субъектом права чаще выступал не индивид, а род. Кровнородственные отношения в доисторическом обществе также могут рассматриваться как правовые, но это право совершенно особое, ибо индивид — такая же часть рода, как рука человека сегодня — это часть его тела или часть его самого. Понадобилась научная революция Нового времени, чтобы включить право в часть естественного закона, то есть признать право частью природы. Именно это и было осуществлено такими теоретиками, как Гроций, Лейбниц, Гоббс, Локк и иные хорошо известные представители теории общественного договора и естественного права. Дальнейшее развитие правовой теории от натурализма просветителей через идеализм И. Канта и Г. В. Ф. Гегеля к

социологизму К. Маркса, психологизму Л. Петражицкого, нормативизму Г. Кельзена оставило в прошлом представления об общественном договоре и о естественном праве. Между тем никакого иного философского обоснования неотчуждаемых прав человека, чем ренессансное понимание человека как проекта и распространения новоевропейского понимания природы на человека и общество, до сей поры не просматривается. Разумеется, идеи гуманистов и неоплатоников получили творческое развитие в концепциях просветителей и их современных интерпретаторов, но ставить под сомнение названную основу решались немногие.

Одну из первых попыток переосмысления концептуальных конструкций, лежащих в основе новоевропейского представления о праве, предпринял М. Серр. Его предложение расширить круг субъектов права, включив в него природу, на первый взгляд может быть прочитано как риторический прием, применяемый автором для привлечения внимания к той катастрофической ситуации, которая складывается в сфере природопользования и природоохраны. Но в процессе чтения книги и при более внимательном ознакомлении с предложенной автором аргументацией становится ясно, что французский философ обращается к теориям общественного договора и естественного права с целью критического переосмысления их содержания. Обращая внимание на социокультурную обусловленность тех явных и неявных онтологических допущений, которые лежат в основании упомянутых теорий и системообразующего для современной Европы представления о правах человека, М. Серр показывает новые возможности концептуализации моральных и правовых принципов. В разделе, озаглавленном «Юрист. Три вида права, лишенных мира» автор последовательно разбирает историческую и культурную укорененность концептов «общественный договор», «естественное право» и «права человека».

Между тем М. Серр предложил пересмотреть одну из двух составляющих фундамента новоевропейской системы ценностей и обосновывающей ее картины мира. Он подверг реви-

¹¹ Кассирер Э. Философия Просвещения. М. : Российская политическая энциклопедия (Росспэн), 2004. С. 262.

зии идею, согласно которой природе отводится роль объекта человеческой деятельности. «Договор с природой» (*Le Contrat naturel*) — таково название книги, в которой развивается идея сущностной трансформации права в условиях надвигающейся экологической катастрофы. М. Серр предложил наделить природу правами, вернее признать ее права путем заключения договора с природой. «Сегодняшний мудрец, — восклицает автор, — объединяет в себе законодателя героических времен и современного обладателя точных знаний. Он умеет сплести истину наук с ладом судебных решений, смешивать наше египетское и римское наследие — источник наших законов — с нашим семитским или древнегреческим наследием, принесшим нам столько знаний. Он умеет интегрировать эффективные и быстроразвивающиеся науки в наше медленное и осторожное (*prudent*) право»¹². Представленная в книге позиция выглядит эмоциональной и оптимистической, но ход мысли автора и сама постановка проблемы, несомненно, заслуживают внимания.

Подводя итог вышесказанному, можно заключить, что, лишь изменив основы правопони-

мания, можно спасти человека и человечество от негативных последствий технического развития. Договор с природой не отменяет общественного договора, но существенно дополняет и неизбежно изменяет его. Эта книга впервые заставляет задуматься над тем, не является ли всё ускоряющееся развитие техники и технологии, а также вызванное этими процессами преобразование жизни человека и общества той силой, которая способна изменить саму идею права, и изменить ее не менее радикально, чем предыдущее изменение, актуализировавшее теорию естественного права и общественного договора. Основанием для сформулированной выше гипотезы является неизбежность изменений в различии природы и общества, характерной для эпохи Нового времени. Остается только догадываться, какие новые структуры будут рождены в структуре картины мира, построенной после его цифрового удвоения. И как результаты цифровизации будут коррелировать с современными естественно-научными и социогуманитарными представлениями о пространстве и времени, о соотношении тела и ума, субъекта и объекта, теории и практики.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Кассирер Э.* Философия Просвещения. — М. : Российская политическая энциклопедия (Росспэн), 2004. — 400 с.
2. *Латур Б.* Где недостающая масса? Социология одной двери // *Социология вещей : сборник статей.* — М. : Территория будущего, 2006. — С. 199–223.
3. *Латур Б.* Нового времени не было. Эссе по симметричной антропологии. — СПб. : Издательство Европейского университета в С.-Петербурге, 2006. — 240 с.
4. *Пико делла Мирандола Дж.* Речь о достоинстве человека: пер. с лат. // *История эстетики. Памятники мировой эстетической мысли : в 5 т.* — М. : Академия художеств СССР, 1962. — Т. 1. — С. 506–514, 510–511.
5. *Серр М.* Договор с природой. — СПб. : Издательство Европейского университета в С.-Петербурге, 2022. — 222 с.
6. *Baxter G., Sommerville I.* Socio-technical systems: From design methods to systems engineering // *Interacting with computers.* — 2011. — 23(1). — P. 4–17.
7. *Janse B.* (2021). Socio Technical System (STS) // URL: <https://www.toolshero.com/management/socio-technical-system/>.
8. *Marx K.* Der leitende Artikel in Nr. 179 der Kölnischen Zeitung // URL: <http://www.zeno.org/Philosophie/M/Marx,+Karl/Der+leitende+Artikel+in+Nr.+179+der+%C2%BBK%C3%B6lnischen+Zeitung%C2%AB>.

¹² *Serr M.* Договор с природой. СПб. : Изд-во Европ. ун-та в С.-Петербурге, 2022. С. 174.

Материал поступил в редакцию 10 февраля 2022 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. *Kassirer E.* *Filosofiya Prosveshcheniya.* — M.: Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya (Rosspen), 2004. — 400 s.
2. *Latur B.* Gde nedostayushchaya massa? *Sotsiologiya odnoy dveri // Sotsiologiya veshchey: sbornik statey.* — M.: Territoriya budushchego, 2006. — S. 199–223.
3. *Latur B.* *Novogo vremeni ne bylo. Esse po simmetrichnoy antropologii.* — SPb.: Izdatelstvo Evropeyskogo universiteta v S.-Peterburge, 2006. — 240 s.
4. *Piko della Mirandola Dzh.* *Rech o dostoinstve cheloveka: per. s lat. // Istoriya estetiki. Pamyatniki mirovoy esteticheskoy mysli: v 5 t.* — M.: Akademiya khudozhestv SSSR, 1962. — T. 1. — S. 506–514, 510–511.
5. *Serr M.* *Dogovor s prirodoy.* — SPb.: Izdatelstvo Evropeyskogo universiteta v S.-Peterburge, 2022. — 222 s.
6. *Baxter G., Sommerville I.* *Socio-technical systems: From design methods to systems engineering // Interacting with computers.* — 2011. — 23(1). — P. 4–17.
7. *Janse B.* (2021). *Socio Technical System (STS) // URL: <https://www.toolshero.com/management/socio-technical-system/>.*
8. *Marx K.* *Der leitende Artikel in Nr. 179 der Kölnischen Zeitung // URL: <http://www.zeno.org/Philosophie/M/Marx,+Karl/Der+leitende+Artikel+in+Nr.+179+der+%C2%BBK%C3%B6lnischen+Zeitung%C2%AB>.*

Налогообложение цифровых услуг в контексте международных налоговых соглашений¹

Аннотация. В статье рассмотрены концепции налогообложения цифровых услуг, предложенные Организацией экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) и Организацией Объединенных Наций. Проанализированы сходство и различия рассмотренных концепций. Отмечается, что целью мер, предложенных ОЭСР и ООН для решения налоговых проблем цифровой экономики, является определение налогооблагаемой связи (пересмотр концепции постоянного представительства и оценка того, приводят ли сбор данных и их монетизация к созданию стоимости для целей трансфертного ценообразования). По итогам исследования сделан вывод о том, что основной проблемой в поиске оптимального решения для налогообложения доходов от цифровых услуг является несогласованность действий международного сообщества. Двухкомпонентный подход ОЭСР сосредоточен на новых правилах распределения прибыли. Подход ООН направлен на упрощение администрирования, что позволяет шире внедрять его, особенно в развивающихся странах. Кроме того, предложены перспективы развития налогового регулирования в России в условиях нового международного регулирования.

Ключевые слова: налоговое право; цифровая экономика; цифровизация; налогообложение прибыли; ООН; ОЭСР; цифровые услуги; международное налогообложение; международная группа компаний; соглашения об избежании двойного налогообложения.

Для цитирования: Пономарева К. А. Налогообложение цифровых услуг в контексте международных налоговых соглашений // Актуальные проблемы российского права. — 2022. — Т. 17. — № 8. — С. 20–31. — DOI: 10.17803/1994-1471.2022.141.8.020-031.

¹ Статья подготовлена в рамках задания Минфина России на выполнение работы по проведению научного исследования «Разработка механизма налогообложения глобальной прибыли иностранных компаний с высоким уровнем цифровизации и существенным экономическим присутствием в России».

© Пономарева К. А., 2022

* Пономарева Карина Александровна, доктор юридических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Центра налоговой политики Научно-исследовательского финансового института Министерства финансов Российской Федерации, профессор кафедры государственного и муниципального права Омского государственного университета имени Ф.М. Достоевского
Настасьинский пер., д. 3, стр. 2, г. Москва, Россия, 127006
kronomareva@nifi.ru

Digital Services Taxation in the Context of International Tax Agreements²

Karina A. Ponomareva, Dr. Sci. (Law), Associate Professor, Professor, Department of State and Municipal Law, Dostoevsky Omsk State University; Leading Researcher, Tax Policy Center, Financial Research Institute of the Ministry of Finance of the Russian Federation
per. Nastasinskiy, d. 3, strp. 2, Moscow, Russia, 127006
kponomareva@nifi.ru

Abstract. The paper discusses the concepts of digital services taxation proposed by the Organization for Economic Cooperation and Development (OECD) and the United Nations. The paper analyzes similarities and differences between the concepts under consideration. It is noted that the purpose of the measures proposed by the OECD and the UN to solve tax problems of the digital economy is to determine the taxable connection (revision of the concept of permanent representation and assessment of whether data collection and monetization lead to value creation for transfer price setting). According to the results of the study, it is concluded that the main problem in finding the optimal solution for the taxation of income from digital services is the inconsistency of the actions of the international community. The OECD's two-component approach focuses on new rules for profit sharing. The UN approach is aimed at simplifying administration, which makes it possible to implement it more widely, especially in developing countries. In addition, the paper proposes the prospects for the development of tax regulation in Russia in the context of new international regulation.

Keywords: tax law; digital economy; digitalization; profit taxation; UN; OECD; digital services; international taxation; international group of companies; agreement of double taxation avoidance.

Cite as: Ponomareva KA. Nalogooblozhenie tsifrovyykh uslug v kontekste mezhdunarodnykh nalogovykh soglasheniy [Digital Services Taxation in the Context of International Tax Agreements]. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2022;17(8):20-31. DOI: 10.17803/1994-1471.2022.141.8.020-031 (In Russ., abstract in Eng.).

Введение

Проблемы налогообложения компаний, работающих в сфере цифровой экономики, уже несколько лет активно обсуждаются на международной арене. Актуальны они и для Российской Федерации. Для того чтобы российское финансово-правовое регулирование способствовало эффективному ответу на вызовы, порожденные цифровизацией, необходима разработка целостной правовой концепции, позволяющей обеспечить соблюдение фискальных интересов государства в условиях цифровой трансформации. В этой связи особую важность представляет трансформация налоговых отношений и их правового регулирования. Эти задачи сохраняют свою актуаль-

ность и в современных условиях фрагментации системы международной экономической кооперации.

Поскольку предприятия во всех секторах экономики всё больше вовлечены в процессы цифровизации, ключевым становится вопрос о том, как предприятия должны облагаться налогом и как этот налог распределяется между юрисдикциями. На этот вопрос государства, несомненно, должны искать общий ответ: любые фундаментальные изменения в глобальных международных налоговых правилах должны основываться на консенсусе, чтобы уменьшить налоговые разногласия и конфликты. Однако другой стороной этой медали является необходимость обеспечить соблюдение фискальных интересов государства.

² The article was prepared as part of the task of the Ministry of Finance of the Russian Federation to carry out a study "Development of a mechanism for taxation of global profits of foreign companies with a high level of digitalization and a significant economic presence in Russia".

1. Современное правовое поле регулирования отношений в сфере цифровой экономики на международной арене

В отсутствие консенсуса многие государства начали формулировать односторонние правила налогообложения цифровой экономики. Эти практики усложняют определение юрисдикции, уполномоченной облагать налогом цифровую международную группу компаний (МГК).

Ключевыми акторами, формирующими повестку для обсуждения реформ, направленных на решение налоговых проблем цифровой экономики, являются Организация экономического сотрудничества и развития, Организация Объединенных Наций, Европейский Союз.

Целью мер, предложенных ОЭСР и ООН для решения налоговых проблем цифровой экономики, является определение налогооблагаемой связи (пересмотр концепции постоянного представительства и оценка того, приводят ли сбор данных и их монетизация к созданию стоимости для целей трансфертного ценообразования). Большинство налоговых соглашений основаны либо на Типовой конвенции ООН для урегулирования налоговых отношений между развитыми и развивающимися странами³ (далее — Типовая конвенция ООН), либо на Модельной конвенции ОЭСР в отношении налогов на доходы и капитал⁴, в которых используется традиционная концепция постоянного представительства. Иностранное предприятие подлежит налогообложению только в том случае, если оно имеет физическое присутствие, которое в широком смысле определяется как место, где полностью или частично осуществляется деятельность данного предприятия. Государство может облагать налогом компании

только в том случае, если установлена налоговая привязка (nexus) к данной юрисдикции. Однако цифровизация позволяет компаниям осуществлять экономическую деятельность без физического присутствия в юрисдикции. Это может привести к ситуации, когда налоги не отражают стоимость и прибыль, создаваемые предприятием.

8 октября 2021 г. ОЭСР опубликовала заявление о двухкомпонентном решении налоговых проблем, возникающих в связи с цифровизацией экономики⁵, по состоянию на май 2022 г. согласованное представителями 139 стран.

Работа идет по двум направлениям: первый компонент (pillar 1) и второй компонент (pillar 2). Pillar 1 предполагает введение нового механизма распределения прибыли, который позволит частично отойти от принципа «вытянутой руки», а также поможет создать новые правила налогообложения, не привязанные к физическому присутствию налогоплательщика в юрисдикции. Pillar 2 предусматривает новые механизмы предотвращения размывания налоговой базы (фактически это проект BEPS 2.0) и касается глобального минимального налога.

В текущей ситуации для России более актуально направление, разрабатываемое в рамках первого компонента. В 2022 г. оно получило развитие в ряде документов ОЭСР, размещенных для консультаций.

4 февраля 2022 г. ОЭСР запросила комментарии по проекту правил налоговой привязки и источников доходов в рамках суммы А первого компонента⁶. Цель этих правил состоит в том, чтобы позволить МГК определять соответствующие рыночные юрисдикции, из которых извлекается доход. Как отмечается в заявлении ОЭСР от 08.10.2021, доход поступает от источника в

³ United Nations Model Double Taxation Convention between Developed and Developing Countries: 2017 Update, UN, New York. URL: <https://doi.org/10.18356/cc8f6035-en> (дата обращения: 10.05.2022).

⁴ Model Tax Convention on Income and on Capital: Condensed Version. OECD, 2017. URL: http://doi.org/10.1787/mtc_cond-2017-en (дата обращения: 10.05.2022).

⁵ Statement on a Two-Pillar Solution to Address the Tax Challenges Arising from the Digitalisation of the Economy. 8 October 2021. OECD // URL: <https://www.oecd.org> (дата обращения: 10.05.2022).

⁶ Tax challenges of digitalisation: OECD invites public input on the draft rules for nexus and revenue sourcing under Amount A of Pillar One. OECD 2022 // URL: <https://www.oecd.org/tax/beps/oecd-invites-public-input-on-the-draft-rules-for-nexus-and-revenue-sourcing-under-pillar-one-amount-a.htm> (дата обращения: 10.05.2022).

конечной рыночной юрисдикции, где используются или потребляются товары или услуги.

Проект правил определения источника дохода содержит информацию, необходимую для определения конечной рыночной юрисдикции для конкретных операций. Их цель состоит в том, чтобы они могли применяться ко всем типам МГК, которые являются весьма неоднородными. Например, некоторым МГК, производящим потребительские товары, потребуются применять только правила, относящиеся к готовой продукции; другие могут применять правила для онлайн-рекламы для получения большей части своего дохода и т.д. Это означает, что разные бизнес-модели будут исходить из разных типов информации.

2. Общие положения регулирования в рамках новых правил распределения прибыли и концепция цифровых услуг ОЭСР

Первый компонент ОЭСР расширяет налоговые права рыночных юрисдикций (как правило, это юрисдикции, в которых находятся пользователи), где существует активное и устойчивое участие бизнеса в экономике этой юрисдикции посредством деятельности в этой юрисдикции или удаленно направленной на нее⁷. По сути, целью первого компонента ОЭСР является установление нового стандарта привязки для автоматизированных цифровых услуг, которые можно рассматривать как относительно новые формы торговли.

Ключевыми направлениями деятельности в рамках первого компонента являются следующие:

- новое полномочие по налогообложению для рыночных юрисдикций в отношении доли остаточной прибыли, рассчитанной на уровне группы, международных групп компаний (сумма А);
- упрощение и унификация правил отнесения прибыли к базовым маркетинговым

операциям и операциям по перепродаже (сумма В);

- процессы повышения налоговой определенности с помощью эффективных механизмов предотвращения и разрешения споров.

Заявление ОЭСР от 08.10.2021 подтверждает, что новые правила будут применяться к МГК с мировой выручкой более 20 млрд евро и рентабельностью выше 10 %. Распределение по сумме А составит 25 %.

Сумма А требует разработки правил поиска источника доходов и критериев распределения доходов. Заявление не содержит подробной информации об этих правилах, однако подтверждается, что распределение получают юрисдикции, в которых получен доход в размере 1 млн евро или более. Этот порог понижается до 250 тыс. евро для юрисдикций с ВВП менее 40 млрд евро.

Правила применения суммы А основаны на двух элементах: тесте вида деятельности (activity test) и пороговом тесте (threshold test)⁸.

Тест вида деятельности. ОЭСР выделила два вида деятельности, в которых проблемы в части налогообложения выражены наиболее остро: автоматизированные цифровые услуги (ADS) и предприятия, ориентированные на потребителя (CFB).

Концепция автоматизированных цифровых услуг определена посредством положительного списка действий, связанных с этими услугами; отрицательного списка действий, не связанных с этими услугами, и общего определения. Общее определение автоматизированных цифровых услуг основано на двух ключевых элементах: 1) «автоматизированный», т.е. после настройки системы предоставление услуги конкретному пользователю требует минимального участия человека со стороны поставщика услуг; 2) «цифровой», т.е. услуга предоставляется через Интернет или электронную сеть. Общая особенность понятия «автоматизированный» заключается в том, существует ли возможность масштабирования и предостав-

⁷ Tax Challenges Arising from Digitalisation — Report on Pillar One Blueprint: Inclusive Framework on BEPS, OECD/G20 Base Erosion and Profit Shifting Project. Paris, OECD Publishing, 2020. URL: <https://doi.org/10.1787/beba0634-en> (дата обращения: 10.05.2022) (далее — Отчет по первому компоненту ОЭСР).

ления того же типа услуг новым пользователям с минимальным участием человека. Понятие «цифровой» отличает автоматизированные цифровые услуги от других методов предоставления услуг, таких как физическое предоставление услуги на месте⁹.

Положительный список включает услуги онлайн-рекламы; продажу или иное отчуждение пользовательских данных; поисковые онлайн-системы; платформы социальных сетей; платформы онлайн-посредничества; услуги цифрового контента; онлайн-игры; стандартизированные онлайн-услуги обучения; услуги облачных вычислений.

Отрицательный список видов деятельности, не связанных с рекламой, включает индивидуальные профессиональные услуги; индивидуальные услуги онлайн-обучения; онлайн-продажу товаров и услуг, отличных от автоматизированных цифровых услуг; продажу физических товаров независимо от подключения к сети (интернет вещей) и услуги, обеспечивающие доступ к Интернету или другой электронной сети.

Включив такую широкую категорию в периметр охвата суммы А, ОЭСР признает, что способность активно и стабильно участвовать в экономической жизни рыночной юрисдикции выходит за рамки бизнеса, предоставляющего цифровые услуги. ОЭСР считает, что предприятия, ориентированные на потребителя, способны взаимодействовать с потребителями не только посредством физического присутствия на местном рынке и тем самым могут существенно повысить стоимость продукции и увеличить объем продаж. Это устойчивое взаимодействие может иметь место и может создавать стоимость для потребителей услуг таких компаний¹⁰.

Предприятия, ориентированные на потребителя, определяются как предприятия, которые получают доход от продажи товаров и услуг, обычно продаваемых потребителям, включая те, что продаются потребителям косвенно через

посредников и посредством франчайзинга и лицензирования.

Сектора, не входящие в периметр охвата суммы А, включают определенные природные ресурсы; финансовые услуги, такие как банковское дело, страхование и управление активами; коммерческое и инфраструктурное строительство; строительство, продажу и аренду жилой недвижимости (за исключением платформ, посреднических предложений недвижимости); международный авиационный и судоходный бизнес¹¹.

Пороговые тесты. Наряду с тестом вида деятельности элементом определения периметра охвата суммы А является пороговый тест. МГК может подпадать под действие суммы А только в том случае, если она соответствует описанному выше критерию вида деятельности и двум пороговым значениям: консолидированная выручка МГК и доход МГК, полученный за пределами внутреннего рынка.

ОЭСР предлагает установить пороговое значение не ниже текущего порога в 750 млн евро, которое используется для целей страновой отчетности (CbCr)¹².

Второй порог относится к МГК, доход которых превышает вышеуказанный валовой доход, но которые имеют лишь небольшой объем доходов из иностранных источников. В таких случаях тест будет состоять из двух этапов. Во-первых, МГК будет применять тест вида деятельности, чтобы определить, заработала ли группа больше минимальной пороговой суммы дохода от автоматизированных цифровых услуг или предприятий, ориентированных на потребителя. Во-вторых, МГК необходимо будет определить, заработала ли она больше минимальной пороговой суммы дохода от зарубежной деятельности в сфере охвата.

Подводя итог, подчеркнем, что каждое государство преследует прежде всего национальный фискальный интерес, вплоть до односто-

⁸ Отчет по первому компоненту ОЭСР, п. 21.

⁹ Отчет по первому компоненту ОЭСР, п. 26.

¹⁰ Отчет по первому компоненту ОЭСР, п. 31.

¹¹ Отчет по первому компоненту ОЭСР, п. 57–59.

¹² Отчет по первому компоненту ОЭСР, п. 175.

ронного введения в национальное законодательство мер по налогообложению цифровых компаний. Более того, односторонние меры (которые, по сути, имеют одни и те же цели и средства имплементации) могут порождать ситуации двойного налогообложения. Средством борьбы с такими мерами является использование многосторонних инструментов. Реформы окажут масштабное воздействие на деятельность МГК по всему миру. Учитывая амбициозные сроки реализации, важно, чтобы потенциально затронутые реформами предприятия могли подготовиться к изменениям правовых режимов.

Ряд положений программы ОЭСР подвергаются критике со стороны исследователей и практиков.

Так, проект ОЭСР оставляет нераскрытыми ряд понятий, а также механизмы реализации некоторых положений и технические сложности. Для первого компонента это определение группы МГК и компаний, входящих в группу; разработка правил безопасной гавани для доходов от маркетинговой деятельности, а также правил избежания двойного налогообложения; правила суммы В; разработка обязательного механизма разрешения споров.

3. Подход ООН к налогообложению автоматизированных цифровых услуг

20 апреля 2021 г. ООН также внесла изменения в Типовую конвенцию ООН, дополнив ее статьей 12В «Доходы от автоматизированных цифровых услуг».

Подход ООН заключается в установлении налога у источника на валовые платежи за автоматизированные цифровые услуги, осуществляемые резидентом одной стороны налогового соглашения резиденту государства — другой стороны налогового соглашения. Такой подход представляет собой расхождение с традиционными принципами международного налогообложения, применимыми к доходам от оказания услуг, которые предоставляют налоговые

права юрисдикции, в которой предоставляются услуги, а не юрисдикции, резидентом которой является получатель услуг. Хотя нормы ст. 12В не являются нормами прямого действия, она служит моделью для государств, применяющих Типовую конвенцию ООН, которую следует учитывать при определении их подхода к налогообложению автоматизированных цифровых услуг, и может быть рассмотрена в контексте будущих переговоров по двусторонним налоговым соглашениям.

Стоит отметить, что ООН концентрируется на вопросах налогообложения между развитыми и развивающимися странами. Типовая конвенция ООН отличается от Модельной конвенции ОЭСР в отношении налогов на доходы и капитал тем, что в ее основу заложен компромисс между принципом источника и принципом резидентства и придается большее значение принципу источника — как раз для того, чтобы обеспечить соблюдение интересов развивающихся стран.

Цель ООН — расширить права налогообложения для государств, благодаря потребителям которых у нерезидента формируются доходы от автоматизированных цифровых услуг. ООН предлагает соответствующие правила, руководствуясь Отчетом ОЭСР по Действию 1 Плана BEPS, в котором еще не было рекомендовано взимать налог у источника с цифровых услуг, но было признано, что страны могут включать такие положения в свои налоговые соглашения¹³.

Под доходом от автоматизированных цифровых услуг понимаются платежи за услуги, предоставляемые в Интернете или посредством электронной сети, требующие минимального участия человека со стороны поставщика услуг.

К автоматизированным цифровым услугам относятся услуги интернет-рекламы; услуги посреднических онлайн-платформ; услуги социальных сетей; услуги цифрового контента; услуги облачных вычислений; продажа или иное отчуждение пользовательских данных; стандартизированные услуги онлайн-обучения.

К автоматизированным цифровым услугам не относятся индивидуальные услуги, предо-

¹³ Лебедь, рак и щука: как поделить цифровые налоги? // URL: <https://oecd-russia.org/analytics/lebed-rak-i-schuka-kak-podelit-tsifrovye-nalogi.html> (дата обращения: 10.05.2022).

ставляемые профессионалами; индивидуальные услуги онлайн-обучения; услуги по предоставлению доступа в Интернет или к электронной сети; интернет-продажа товаров и услуг, кроме автоматизированных цифровых услуг; услуги вещания, включая одновременную передачу в Интернет; составные цифровые услуги, встроенные в физический товар, независимо от возможности подключения к сети (интернет вещей).

Таким образом, ООН и ОЭСР используют сходные подходы к определению автоматизированных цифровых услуг.

Как отмечает ООН, неспособность стран облагать налогом доход от автоматизированных цифровых услуг, которые оказывают поставщики-нерезиденты, до принятия ст. 12В могла в ряде случаев дать поставщикам услуг — нерезидентам налоговое преимущество над национальными поставщиками услуг. Доход от таких услуг национальных поставщиков подлежит налогообложению согласно правилам национального законодательства по обычной ставке, применяемой к налогу на прибыль. В то же время поставщики-нерезиденты не облагались внутренним налогом, если у них не было постоянного представительства или постоянной базы.

Возможность получать доходы, даже не имея физического присутствия, рассматривается большинством членов Комитета экспертов по международному сотрудничеству по налоговым вопросам ООН (далее — Комитет ООН) как обоснование налогообложения у источника дохода от автоматизированных цифровых услуг. Многие развивающиеся страны имеют ограниченный ресурс для налогового администрирования и нуждаются, по мнению ООН, в простом и эффективном методе взимания налогов с доходов от услуг, полученных нерезидентами.

Статья 12В не будет применяться в ситуациях, когда доход от автоматизированных цифровых услуг получен фактическим постоянным представителем налогоплательщика и фактически связан с ним (п. 8 ст. 12В). Статья 12В также не применяется в случае платежей, которые представляют собой роялти или плату за технические услуги в соответствии со ст. 12 или 12А Типовой конвенции ООН, фактически отда-

вая приоритет этим положениям договора при налогообложении такого дохода.

ООН устанавливает, что доход от автоматизированных цифровых услуг, возникающий в одном государстве и выплачиваемый резиденту другого, может облагаться налогом в этом другом государстве, т.е. по месту налогового резидентства компании, которая оказывает такие услуги. Однако это не подразумевает, что такой доход подлежит налогообложению исключительно государством резидентства компании.

Ключевым нововведением ст. 12В является то, что она разрешает государствам — участникам соглашения облагать налогом платежи за автоматизированные цифровые услуги в государстве-источнике с учетом валовой прибыли.

Договаривающееся государство, в котором возникает доход от автоматизированных цифровых услуг, может облагать налогом эти платежи в соответствии с положениями национального законодательства. Однако если бенефициарный владелец дохода не является налоговым резидентом, сумма налога не может превышать максимальный процент от валовой суммы платежей. Валовое налогообложение обычно предлагается в контексте доходов, которые не требуют значительных инвестиций и расходов на оказание базовых услуг на постоянной основе.

Статья 12В предусматривает альтернативный вариант применения налогообложения на чистой основе. Бенефициарный владелец дохода от автоматизированных цифровых услуг может потребовать, чтобы его квалифицированная прибыль от автоматизированных цифровых услуг облагалась налогом по ставке, предусмотренной национальным законодательством договаривающегося государства. Эта норма направлена на то, чтобы позволить бенефициарному владельцу дохода от автоматизированных цифровых услуг декларировать ограниченное постоянное представительство в юрисдикции, где находится плательщик, чтобы облагаться налогом на основе чистого дохода. Этот вариант будет оптимальным в тех случаях, когда налогоплательщик может иметь меньшее налоговое обязательство по сравнению с тем, что определено в соответствии с механизмом удержания налога, а также в случаях, когда он

имеет глобальный убыток или убыток в соответствующем бизнес-сегменте в течение налогового года.

Выбор чистого базового налогообложения приведет к отходу от принципа «вытянутой руки». Таким образом, доход будет поступать в страну резидентства налогоплательщика или на физическую, или на постоянную базу. Профессор В. Чанд критически оценивает это положение и считает, что оно приведет к снижению доходов для развивающихся стран¹⁴.

Таким образом, статья 12В предусматривает два варианта, в ходе которых договаривающиеся государства могут взимать налоги путем двусторонних переговоров. Либо правительства согласятся на определенный процент налога у источника (рекомендуется 3–4 %) в соответствии с двусторонним налоговым соглашением, либо МГК может потребовать от страны-источника облагать налогом свою прибыль на чистой основе.

ООН не определяет рекомендованную максимальную ставку налога на доход от автоматизированных цифровых услуг, как и в случае, например, дивидендов, процентов, роялти. Размер ставки страны должны определить самостоятельно в двустороннем налоговом соглашении. Вместе с тем ООН приводит в пример несколько факторов, которые важно учитывать: риски того, что высокая ставка удерживаемого налога может заставить поставщиков услуг — нерезидентов переложить стоимость налога на клиентов, что будет означать, что страна увеличит свои доходы за счет собственных резидентов, а не поставщиков услуг — нерезидентов; риски того, что ставка налога, превышающая лимит иностранного налогового кредита в стране резидентства, может сдерживать инвестиции и др.

Статья 12В не применяется к доходам от услуг, возникающих в третьем государстве (за исключением ситуаций, когда в таком государстве создано постоянное представительство или постоянная база). Это положение направлено на

недопущение случаев злоупотребления положениями соглашений (treaty shopping).

ООН признает, что налогообложение доходов от автоматизированных цифровых услуг согласно новой статье может привести к чрезмерному или двойному налогообложению. Соответственно риски предлагается устранять за счет ст. 23 Типовой конвенции ООН, предусматривающей методы устранения двойного налогообложения.

В частности, ООН предлагает нивелировать эти риски за счет установления умеренной ставки налога на доход от автоматизированных цифровых услуг. Страна, резидентом которой является получатель дохода, обязана предотвращать двойное налогообложение таких платежей за счет освобождения от налога на доход от автоматизированных цифровых услуг или предоставления вычета в счет налога, подлежащего уплате в стране резидентства.

4. Сравнение подходов ООН и ОЭСР к налогообложению автоматизированных цифровых услуг

Основной проблемой в поиске оптимального решения для налогообложения доходов от цифровых услуг является отсутствие согласованности действий международного сообщества.

Двухкомпонентный подход ОЭСР сосредоточен на новых правилах распределения прибыли для цифровых и, возможно, для всех предприятий, ориентированных на потребителей (первый компонент), а также на соглашении о глобальном минимальном налоге (второй компонент). Целью ОЭСР является предотвращение распространения односторонних налогов на цифровые услуги, которое создает риск двойного налогообложения. Частая критика предложений ОЭСР заключается в том, что их сложно применять и что глобальные минимальные налоговые правила ставят развивающиеся страны в невыгодное положение.

¹⁴ Chand V., Vilaseca C. The UN Proposal on Automated Digital Services: Is It in the Interest of Developing Countries? // Kluwer International Tax Blog. 2022. URL: <http://kluwertaxblog.com/2021/03/05/the-un-proposal-on-automated-digital-services-is-it-in-the-interest-of-developing-countries/?output=pdf> (дата обращения: 10.05.2022).

Подход, изложенный в ст. 12В Типовой конвенции ООН, направлен на упрощение администрирования, что позволяет шире внедрять его, особенно в развивающихся странах.

Страны ОЭСР вводят новые налоги в одностороннем порядке, руководствуясь внутренними интересами и не принимая во внимание долгосрочные риски искажения условий для международной торговли цифровыми услугами. Страны, которые еще не ввели налоги на цифровые услуги (например, Россия), задумываются о необходимости их установления. Комитет ООН предлагает вносить изменения в двусторонние соглашения об избежании двойного налогообложения. Но нельзя не заметить очевидные минусы этого пути:

- процесс пересмотра двусторонних налоговых соглашений может быть долгим и неэффективным;
- Комитет ООН не устанавливает размер максимальной ставки налогообложения доходов от автоматизированных цифровых услуг в государстве-источнике. Этот вопрос также должен решаться на уровне двусторонних переговоров. Маловероятно, что ради одной статьи удастся обеспечить быстрый пересмотр соглашений между развитыми и развивающимися странами. Установление же разных ставок будет создавать условия для развития налоговой конкуренции.

Проект ОЭСР является более сложным, поскольку он направлен не только на регулирование автоматизированных цифровых услуг, но и на бизнес, ориентированный на потребителя. Кроме того, ОЭСР предусмотрела специальные правила для отдельных секторов и бизнес-моделей (фармацевтика, франчайзинг, лицензирование и пр.). Однако ОЭСР предлагает установить и пороговые значения для применения новых правил налогообложения.

Подход ООН представляет собой модель, в соответствии с которой страны могут применять

национальное законодательство для решения проблем, связанных с налогообложением автоматизированных цифровых услуг. В юрисдикциях, связанных двусторонними соглашениями, принятие подхода, основанного на ст. 12В, в национальном законодательстве, как правило, не повлияет на применение существующего соглашения — если и до тех пор, пока оно не будет пересмотрено с целью включения в него статьи 12В. Но в юрисдикциях, не связанных соглашениями, такие законы будут иметь непосредственные последствия для предоставления трансграничных автоматизированных цифровых услуг.

Как отметил Комитет ООН, «многие развивающиеся страны имеют ограниченные административные возможности и нуждаются в простом, надежном и эффективном методе обеспечения налогообложения с доходов от услуг, получаемых нерезидентами. Такой метод налогообложения может также упростить соблюдение требований для предприятий, оказывающих услуги в других государствах, поскольку от них не потребуется рассчитывать свою чистую прибыль или подавать налоговые декларации, если только они сами не выберут налогообложение на основе чистого дохода»¹⁵.

Таким образом, с одной стороны, подход к налогообложению на валовой основе представляется простым подходом, который способствует налоговой определенности, особенно для развивающихся стран, которые могут иметь неустойчивые налоговые органы. Однако, несмотря на кажущуюся простоту, валовое налогообложение может оказать негативное влияние на трансграничные операции, вплоть до отказа от трансграничной деятельности.

С другой стороны, предложение ОЭСР по первому компоненту предусматривает глобальный порог дохода (который, возможно, может снижаться с течением времени) и тест *de minimis* на доходы от иностранных инвестиций. Кроме того,

¹⁵ UN Committee of Experts on International Cooperation in Tax Matters, Twentieth session, Update on work on taxation issues related to the digitalization of the economy (UN, E/C.18/2020/CRP41, October 2020), para. 11 // URL: https://www.un.org/development/desa/financing/sites/www.un.org.development.desa.financing/files/2020-10/CITCM%2021%20CRP.41_Digitalization%2010102020%20Final%20A.pdf (дата обращения: 10.05.2022).

в отличие от предложения ООН, в инициативе ОЭСР предлагается механизм «одного окна», при котором налогоплательщик должен будет зарегистрироваться только в налоговом органе государства конечной материнской компании.

Наконец, ООН предпочитает применять новую статью 12В путем двусторонних переговоров (представляется невозможным включить это положение в Многостороннюю конвенцию ОЭСР по выполнению мер, относящихся к налоговым соглашениям, в целях противодействия размыванию налоговой базы и выводу прибыли из-под налогообложения (MLI)¹⁶, поскольку это инструмент, разработанный и контролируемый ОЭСР).

Некоторые члены Комитета ООН выразили обеспокоенность по поводу того, что реализация двустороннего положения может привести к двойному налогообложению. На это Комитет ООН ответил, что «многосторонний подход также вызывает обеспокоенность, а двустороннее решение будет работать так же, как оно работало для существующих правил физического присутствия»¹⁷.

В связи с выбором двустороннего подхода возникают два основных вопроса. Во-первых, развивающиеся страны обычно имеют более ограниченные сети соглашений об избежании двойного налогообложения, что означает, что им придется вести переговоры о новых налоговых соглашениях или у них может возникнуть соблазн ввести национальный налог на цифровые услуги. Вторая проблема связана с тем, что пересмотр существующих соглашений об избежании двойного налогообложения может занять много времени.

Между тем такие авторитетные организации, как МВФ и Всемирный банк, поддерживают это предложение с точки зрения развивающихся стран.

Таким образом, предложение по ст. 12В отличается от предложения ОЭСР в следующих важных аспектах:

1. Правило налоговой привязки: в то время как статья 12В предоставляет право на налогообложение стране, из которой поступают платежи, первый компонент ОЭСР исходит из места нахождения пользователей.
2. Вариант налогообложения по валовому налогу у источника, который резко контрастирует со сложными формулами первого компонента ОЭСР для определения налоговой базы.
3. Правило чистого налогообложения в соответствии со ст. 12В, которое предполагает определенный процент в качестве предполагаемой прибыли.
4. Отсутствие в ст. 12В упрощенного механизма регистрации, в отличие от проектов ОЭСР.
5. Отсутствие механизма разрешения споров в Типовой конвенции ООН.
6. Сфера применения: статья 12В применяется только к автоматизированным цифровым услугам, в то время как ОЭСР применима и к предприятиям, ориентированным на потребителя.

Также стоит отметить, что статья 12В не запрещает применение односторонних мер. Отсутствие такого запрета, если его не учитывать, может создать неопределенность в случаях, когда статья 12В будет применяться наряду с актами, закрепившими односторонние цифровые налоги.

В любом случае позитивной тенденцией является тот факт, что страны, отстраненные от процесса принятия решений в ОЭСР из-за преобладающего влияния развитых стран, нашли место, чтобы выразить свою заинтересованность в альтернативном подходе, с которым и выступил Комитет ООН.

¹⁶ Multilateral Convention to Implement Tax Treaty Related Measures to Prevent Base Erosion and Profit Shifting (MLI). Ратифицирована Федеральным законом от 01.05.2019 № 79-ФЗ «О ратификации многосторонней Конвенции по выполнению мер, относящихся к налоговым соглашениям, в целях противодействия размыванию налоговой базы и выводу прибыли из-под налогообложения» (СЗ РФ. 2019. № 18. Ст. 2203).

¹⁷ UN Committee of Experts on International Cooperation in Tax Matters, Twentieth session, Update on work on taxation issues related to the digitalization of the economy (UN, E/C.18/2020/CRP41, October 2020), para. 13.

Выводы. Перспективы развития налогового регулирования в России в условиях нового международного регулирования

Все обсуждаемые сегодня на уровне международных организаций и в экспертной среде новации могут повлиять и на российские правила налогообложения. Наиболее актуальны два возможных инструмента развития российского налогового законодательства:

- 1) введение в России односторонних мер в условиях развития первого компонента ОЭСР;
- 2) внесение изменений в двусторонние соглашения между Российской Федерацией и странами-партнерами.

Оба варианта могут гибко сочетаться в том числе с учетом меняющихся условий и фрагментации системы международного экономического сотрудничества. В случае введения односторонних мер, направленных на налогообложение прибыли в условиях цифровизации, полагаем целесообразным учитывать такие новации в рамках развития механизма первого компонента ОЭСР, как определение автоматизированных цифровых услуг и предприятий, ориентированных на потребителя, а также установление пороговых значений для налогообложения по масштабам экономической деятельности.

Предложения ОЭСР широко критикуются и в европейской литературе, в первую очередь с

точки зрения невозможности обеспечить справедливое распределение налоговых прав¹⁸. Противоречия между национальными, региональными и глобальными интересами по-прежнему налицо, что отражено в предложениях ученых, практиков и международных организаций¹⁹. Поэтому до сих пор нет ясности по вопросу о том, по какому пути пойдет международное налоговое сообщество в целом и отдельные страны в частности.

В таких условиях акцент в налоговой политике России на эволюционное обновление сети российских налоговых соглашений через внедрение положений ст. 12В Типовой конвенции ООН может стать сбалансированным решением в новых условиях фрагментации системы глобального регулирования. Этот путь соответствует идее развития системы международной кооперации России в сфере налогообложения с максимальным количеством стран, в том числе развивающихся стран и стран БРИКС.

При этом, хотя два механизма имеют разный охват — первый компонент ОЭСР применяется лишь к крупнейшим МГК, а статья 12В Типовой конвенции ООН — ко всему цифровому бизнесу, оба механизма вполне могли бы сосуществовать, а акцент на путь, избранный ООН, не исключает последующего присоединения России и к механизму, развиваемому ОЭСР, при наличии такой необходимости и возможности в среднесрочной перспективе.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Brauner Y.* Editorial: Taxing the Digital Economy Post-BEPS, Seriously // *Intertax*. — 2018. — Vol. 46, Iss. 6/7. — P. 462–465.
2. *Chand V., Vilaseca C.* The UN Proposal on Automated Digital Services: Is It in the Interest of Developing Countries? // *Kluwer International Tax Blog*. — 2022. — URL: <http://kluwertaxblog.com/2021/03/05/the-un-proposal-on-automated-digital-services-is-it-in-the-interest-of-developing-countries/?output=pdf> (дата обращения: 10.05.2022).

¹⁸ См.: *Devereux M. P., Vella J.* Debate: Implications of Digitalization for International Corporate Tax Reform // *Intertax*. 2018. Vol. 46, Iss. 6/7. P. 550–559 ; *Wilde M. F. de* Comparing Tax Policy Responses for the Digitalizing Economy: Fold or All-in // *Intertax*. 2018. Vol. 46, Iss. 6/7. P. 466–475 ; *Brauner Y.* Editorial: Taxing the Digital Economy Post-BEPS, Seriously // *Intertax*. 2018. Vol. 46, Iss. 6/7. P. 462–465.

¹⁹ *Dourado A. P.* Editorial Note: The World Split in Two and the Future of the International Tax System // *Intertax*. 2022. Vol. 50, Iss. 6. P. 482.

3. *Devereux M. P., Vella J.* Debate: Implications of Digitalization for International Corporate Tax Reform // *Intertax*. — 2018. — Vol. 46, Iss. 6/7. — P. 550–559.
4. *Dourado A. P.* Editorial Note: The World Split in Two and the Future of the International Tax System // *Intertax*. — 2022. — Vol. 50, Iss. 6. — P. 482–483.
5. *Martín Jiménez A.* BEPS, the Digital(ized) Economy and the Taxation of Services and Royalties // *Intertax*. — 2018. — Vol. 46, Iss. 8/9. — P. 620–638.
6. *Wilde M. F. De* Comparing Tax Policy Responses for the Digitalizing Economy: Fold or All-in // *Intertax*. — 2018. — Vol. 46, Iss. 6/7. — P. 466–475.

Материал поступил в редакцию 10 мая 2022 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. *Brauner Y.* Editorial: Taxing the Digital Economy Post-BEPS, Seriously // *Intertax*. — 2018. — Vol. 46, Iss. 6/7. — P. 462–465.
2. *Chand V., Vilaseca C.* The UN Proposal on Automated Digital Services: Is It in the Interest of Developing Countries? // *Kluwer International Tax Blog*. — 2022. — URL: <http://kluwertaxblog.com/2021/03/05/the-un-proposal-on-automated-digital-services-is-it-in-the-interest-of-developing-countries/?output=pdf> (data obrashcheniya: 10.05.2022).
3. *Devereux M. P., Vella J.* Debate: Implications of Digitalization for International Corporate Tax Reform // *Intertax*. — 2018. — Vol. 46, Iss. 6/7. — P. 550–559.
4. *Dourado A. P.* Editorial Note: The World Split in Two and the Future of the International Tax System // *Intertax*. — 2022. — Vol. 50, Iss. 6. — P. 482–483.
5. *Martín Jiménez A.* BEPS, the Digital(ized) Economy and the Taxation of Services and Royalties // *Intertax*. — 2018. — Vol. 46, Iss. 8/9. — P. 620–638.
6. *Wilde M. F. De* Comparing Tax Policy Responses for the Digitalizing Economy: Fold or All-in // *Intertax*. — 2018. — Vol. 46, Iss. 6/7. — P. 466–475.

Налоговое стимулирование занятий спортом

Аннотация. В статье поставлена задача проанализировать, как налоговое право стимулирует граждан на занятия спортом. Вступившее с 1 января 2022 г. право граждан получить налоговый вычет в отношении расходов на занятия спортом, по мнению автора, нуждается в существенном совершенствовании, так как не всегда рассматриваемые расходы означают собственно занятия спортом. Предлагается цифровая фиксация в специальном приложении самих занятий спортом. Кроме того, самостоятельные занятия спортом остаются за рамками этой системы, что нарушает принцип равенства налогоплательщиков. В статье высказана идея поощрять налоговыми мерами самостоятельные занятия спортом и сдачу нормативов ГТО: для граждан, которые занимаются спортом самостоятельно, нужно предусмотреть право на вычет по НДФЛ, но не в связи с расходами, а при сдаче определенных нормативов. Автор полагает, что укрепление здоровья населения вследствие занятий спортом и ведения здорового образа жизни многократно окупит налоговые расходы государства, связанные с применением инновационных налоговых мер по стимулированию ЗОЖ.

Ключевые слова: спорт; налоги; налоговый вычет по НДФЛ; цифровые технологии в налогообложении; ГТО; налоговое стимулирование; самостоятельные занятия спортом; нормативы; здоровый образ жизни; цифровая фиксация.

Для цитирования: Щекин Д. М. Налоговое стимулирование занятий спортом // Актуальные проблемы российского права. — 2022. — Т. 17. — № 8. — С. 32–38. — DOI: 10.17803/1994-1471.2022.141.8.032-038.

Tax Incentives for Sports

Denis M. Shchekin, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Department of Financial Law, Faculty of Law, Lomonosov Moscow State University; Managing Partner, "Shchekin & Partners" Law Firm
Leninskie gory, d. 1, str. 13 (4-y uchebnyi korpus), Moscow, Russia, 119991
info@schekinlaw.ru

Abstract. The paper aims to analyze how tax law encourages citizens to play sports. The right of citizens to receive a tax deduction for sports expenses that entered into force on 1 January 2022, in the author's opinion, needs to be significantly improved, since the expenses under consideration do not always mean sports activities. Digital fixation is offered in a special application for sports activities. In addition, independent sports activities remain outside the framework of this system, which violates the principle of equality of taxpayers. The paper suggests the idea of encouraging independent sports activities and passing RLD standards through tax measures: for citizens who play sports on their own, it is necessary to provide for the right to a deduction for personal income tax, but not in connection with expenses, but when passing certain standards. The author believes that strengthening the health of the population due to sports and a healthy lifestyle will repeatedly pay off the tax expenses of the state associated with the use of innovative tax measures to facilitate healthy lifestyle.

© Щекин Д. М., 2022

* Щекин Денис Михайлович, кандидат юридических наук, доцент кафедры финансового права юридического факультета МГУ имени М.В.Ломоносова, управляющий партнер юридической компании «Щекин и партнеры»

Ленинские горы, д. 1, стр. 13 (4-й учебный корпус), г. Москва, Россия, 119991
info@schekinlaw.ru

Keywords: sports; taxes; personal income tax deduction; digital technologies in taxation; RLD; tax incentives; independent sports; standards; healthy lifestyle; digital fixation.

Cite as: Shchekin DM. Nalogovoe stimulirovanie zanyatiy sportom [Tax Incentives for Sports]. Actual problems of Russian law. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2022;17(8):32-38. DOI: 10.17803/1994-1471.2022.141.8.032-038 (In Russ., abstract in Eng.).

Сбережение здоровья граждан России — важнейшая общественная и государственная задача. В этом вопросе частные и публичные интересы совпадают, поскольку и для отдельного человека его здоровье является несомненной ценностью, и для общества здоровье граждан предстает бесспорным общественным благом. Высокий уровень здоровья граждан означает высокое качество человеческого капитала каждой страны, а это один из главных факторов конкурентоспособности каждого общества.

Здоровье населения напрямую связано с производительностью труда, со способностью населения к обучению и инновациям, с адекватными расходами общества на медицину и концентрацией таких расходов на самых важных направлениях. И наконец, здоровье нации связано с демографическими процессами, а демографический вызов является одним из самых серьезных в современную эпоху.

Нужно признать, что сам способ производства и потребления в современном обществе во многом негативно отражается на здоровье населения. Работа за компьютером огромного числа работников предполагает их малую подвижность. Массовые формы потребления информационного контента, так распространенные в наше время, тоже ведут к малой подвижности людей. Это происходит на фоне питания продуктами с высоким уровнем жиров и сахара. Так, по статистике в начале XX в. каждый американец потреблял в среднем 2,27 кг сахара в год. Сегодня на каждого американца, будь то мужчина, женщина или ребенок, приходится более 68 кг сахара в год. Большая его часть поступает

в организм с безалкогольными напитками — в среднем 200 л на человека в год¹.

В результате массовым явлением стал избыточный вес населения, что на фоне малоподвижного образа жизни порождает многочисленные проблемы со здоровьем.

Угрозу здоровью населения несет и экологическая ситуация.

Пандемия коронавирусной инфекции также негативно сказалась на здоровье населения, и это само по себе требует не только разработки средств вакцинации и их усовершенствования, т.е. медикаментозного подхода, но и укрепления здоровья населения посредством занятий спортом.

Есть еще одна опасность, несущая угрозу здоровью населения, в том числе и детскому здоровью, которой уделяется недостаточно внимания. Это проблема избыточного назначения лекарственных препаратов пациентам. Дело в том, что интерес фармкомпаний как коммерческих организаций, стремящихся извлечь максимальную прибыль, направлен на максимальный рост производства и продаж. Это порождает практики, когда фармкомпании различными мерами стимулируют врачей назначать пациентам как можно больше медицинских препаратов даже в ситуации, когда их использование остро не требуется. Это приводит в ряде случаев к переизбытку медикаментозного воздействия на человека и зачастую бывает пагубно для здоровья, особенно в детском возрасте. При этом пациент не может оценить обоснованность назначения целого списка препаратов, поскольку не обладает медицинским образованием. В частности, эта проблема выражается в широком назначении антибиотиков². Практики «подарков» врачам со

¹ Курцвейл Р., Гроссман Т. Transcend: девять шагов на пути к вечной жизни / пер. с англ. А. Сусляковой. 6-е изд. М. : Манн, Иванов и Фарбер, 2020. С. 250.

² Разумеется, эти слова не следует воспринимать как призыв игнорировать назначения, прописанные врачами, мы лишь обращаем внимание на необходимость строгого запрета различных форм стимулирования фармкомпаниями назначений врачами их препаратов.

стороны фармкомпаний регулярно выявляются Росздравнадзором РФ и имеют тенденцию к росту³.

Все эти угрозы здоровью человека делают предельно актуальным вопрос о поддержании здорового образа жизни населения и налоговом стимулировании такого поддержания. Здоровый образ жизни включает в себя комплекс мер и не сводится только к занятиям спортом, сюда входят, в частности, правильное питание, режим сна, устранение негативных последствий стрессов и т.д.

Но занятия спортом являются одним из самых важных компонентов в поддержании здорового образа жизни. Конечно, массовые занятия спортом населения — это комплексная задача, которая не может быть решена только мерами налогового стимулирования. Важно и создание инфраструктуры для занятий спортом, а также информационная политика в этом вопросе.

Но желание заниматься спортом должно идти от населения, и стимулировать это желание можно и нужно мерами налогового регулирования.

Между тем российское налоговое законодательство до последнего времени недостаточно внимания обращало на стимулирование поддержания гражданами здорового образа жизни.

В 2011 г. в законодательство об НДС были внесены поправки (абз. 6 пп. 14.1 п. 2 ст. 149 НК РФ), согласно которым от налогообложения налогом на добавленную стоимость стали освобождаются услуги, оказанные населению по организации и проведению физкультурных,

физкультурно-оздоровительных и спортивных мероприятий⁴. Эта норма была направлена на сокращение стоимости спортивных занятий и косвенно стимулировала население в этом направлении. Однако прямых стимулов для самих физических лиц до 2022 г. в российском законодательстве не было.

Федеральным законом от 05.04.2021 № 88-ФЗ⁵ предусмотрено предоставление с 1 января 2022 г. налогового вычета в размере до 120 тыс. руб. в год при осуществлении расходов на физкультурно-оздоровительные услуги физическому лицу, а также его детям в возрасте до 18 лет физкультурно-спортивными организациями, индивидуальными предпринимателями, осуществляющими деятельность в области физической культуры и спорта в качестве основного вида деятельности.

При этом физкультурно-оздоровительные услуги должны быть включены в перечень видов физкультурно-оздоровительных услуг, утверждаемый Правительством РФ, а физкультурно-спортивная организация, индивидуальный предприниматель, в свою очередь, должны быть включены в перечень физкультурно-спортивных организаций, индивидуальных предпринимателей, осуществляющих деятельность в области физической культуры и спорта в качестве основного вида деятельности, сформированный на соответствующий налоговый период. Перечень таких субъектов обнародован на сайте Минспорта России⁶.

Данный социальный налоговый вычет предоставляется при представлении налогоплательщиком документов, подтверждающих

³ *Ивушкина А.* Рецепт платежом красен: врачи стали чаще брать подарки от фармкомпаний // URL: <https://iz.ru/879265/anna-ivushkina/retcept-platezhom-krasen-vrachi-stali-chashche-brat-podarki-ot-farmkompanii> (дата обращения: 03.02.2022).

⁴ Федеральный закон от 18.07.2011 № 235-ФЗ «О внесении изменений в часть вторую Налогового кодекса Российской Федерации в части совершенствования налогообложения некоммерческих организаций и благотворительной деятельности» // СЗ РФ. 2011. № 30 (ч. 1). Ст. 4583.

⁵ Федеральный закон от 05.04.2021 № 88-ФЗ «О внесении изменений в статью 219 части второй Налогового кодекса Российской Федерации в части предоставления социального налогового вычета в сумме, уплаченной налогоплательщиком за оказанные ему физкультурно-оздоровительные услуги» // СЗ РФ. 2021. № 15 (ч. I). Ст. 2455.

⁶ О налоговом вычете за занятия спортом // URL: <https://minsport.gov.ru/activities/o-nalogovom-vychete-za-zanyatiya-sportom/> (дата обращения: 30.01.2021).

его фактические расходы на оплату физкультурно-оздоровительных услуг, а именно копий договора на оказание физкультурно-оздоровительных услуг и кассового чека, выданного на бумажном носителе или направленного в электронной форме.

По нашему мнению, это правильная мера, призванная пропагандировать занятия спортом среди населения. Однако эта мера имеет существенные недостатки. Во-первых, размер налогового вычета в 120 тыс. руб. в год при ставке налога в 13 % эквивалентен 15 600 руб. экономии на НДФЛ в год или 1 300 руб. в месяц, что немного. Но эта сумма социального налогового вычета является общей и для расходов на образование, лечение, а также пенсионные взносы по договору негосударственного пенсионного обеспечения, заключенному с негосударственным пенсионным фондом (п. 2 ст. 219 НК РФ). По нашему мнению, суммирование «спортивного» вычета с другими вычетами в рамках предельного размера вычета в 120 тыс. руб. не обосновано, для «спортивного» вычета следовало бы предусмотреть отдельный лимит вычета в 120 тыс. руб. Как, впрочем, и для расходов на лечение и обучение.

Кроме того, важно отметить, что законодателем избран метод установления твердой суммы налогового вычета по НДФЛ и ежегодная инфляция уменьшает его реальный размер, что негативно отражается на стимулирующей функции такого вычета. Следует предусмотреть ежегодную индексацию налогового вычета на коэффициент-дефлятор. Например, согласно п. 3 ст. 227.1 НК РФ размер фиксированных авансовых платежей, уплачиваемых иностранными гражданами за патенты, подлежит индексации на коэффициент-дефлятор. Министерство экономического развития РФ ежегодно публикует величину коэффициента-дефлятора, который автоматически увеличивает суммы, указанные в НК РФ. Тем самым публичный интерес государства по получению сумм налогов находит свою защиту через постоянную индексацию, а имущественный интерес налогоплательщиков по получению налоговых вычетов не защищен подобным механизмом. Данная ситуация выглядит несправедливой и подрывает реализацию

стимулирующей функции налогообложения, воплощенной в налоговых вычетах.

В целом же нужно отметить, что стимулирование населения к занятиям спортом через учет расходов физических лиц на эти цели не является оптимальной мерой. Это скорее старый, классический подход — учитывать расходы и полагать, что эффект в виде роста здоровья населения будет достигнут. При этом нередко так бывает, что человек, заплативший за занятия спортом за год, например, в фитнес-клубе, туда редко заглядывает из-за различных причин. В таком случае расходы произведены, физическое лицо вправе претендовать на вычет по НДФЛ, но цель не достигнута. С другой стороны, у физического лица может и не быть расходов по оплате услуг организаций или индивидуальных предпринимателей, оказывающих физкультурно-оздоровительные услуги, но человек может упорно самостоятельно заниматься спортом, например каждый день бегать в парке, подтягиваться на турнике, отжиматься от пола. В этом случае у такого физического лица право на налоговый вычет по НДФЛ не возникает, что несправедливо и нарушает принцип равенства налогоплательщиков.

Особенно несправедливо эта ситуация выглядит для жителей малых населенных пунктов (деревень и поселков), где в принципе может не быть спортивных секций и тем более фитнес-клубов, в которых можно произвести расходы на занятия спортом и получить налоговый вычет по НДФЛ. Фактически в данном случае мы сталкиваемся с неравенством в правовом положении жителей крупных и средних городов и жителей сельской местности. Эта ситуация, по нашему мнению, противоречит конституционному принципу равенства перед законом (ст. 19 Конституции России), а также принципу равенства в налогообложении, закрепленной в ст. 3 НК РФ, согласно которой законодательство о налогах и сборах основывается на признании равенства налогообложения.

Представляется, что эту систему стимулирования занятием спортом населением нужно усовершенствовать. В отношении занятий у организаций и индивидуальных предпринимателей ввести не только критерий расходов как

таковых, но и критерий регулярных посещений занятий спортом. Это можно было бы сделать путем создания Федеральной налоговой службой РФ несложного цифрового приложения для компьютеров или мобильных устройств для таких организаций и для физических лиц, в котором у организации (индивидуального предпринимателя) была бы возможность отмечать фактическое посещение занятий гражданином. Это и так обычно делается этими организациями (индивидуальными предпринимателями) для своих управленческих целей, поэтому никакой особой бюрократической нагрузки это не принесет, а возможно, даже при удобстве такого приложения будет способствовать улучшению управления оказанием физкультурно-оздоровительных услуг.

Пример такого цифрового приложения для мобильных устройств представляет собой приложение для самозанятых, разработанное ФНС РФ, на основании которого происходит исчисление и уплата налога этой категорией лиц.

Для целей вычета по НДФЛ должны приниматься не просто расходы физического лица, а подтвержденные посещениями (фактическими занятиями) расходы. В отношении абонентов на длительный период возможна фиксация планируемой регулярности посещения занятий, например 2–3 раза в неделю. В отношении спортивных секций известна регулярность занятий и стоимость в месяц или в другой период. Аппаратными средствами довольно легко будет наладить учет таких подтвержденных посещениями спортзалов расходов. Если гражданин заплатил, например, за 10 занятий спортом в месяц, но фактически был на одном из них, вычет по НДФЛ должен приходиться только на 10 % от потраченной гражданином суммы. В противном случае бюджет кредитует расхо-

ды, которые понес гражданин (так как расходы были произведены), но к спортивной активности гражданина они не имеют отношения, так как сами занятия спортом не проводились. В этом случае не достигается цель, которую законодатель закладывал в налоговый вычет на занятия спортом, поскольку фактически человек спортом не занимался.

Цифровое приложение будет полезно и для самого физического лица для самоконтроля, и физическое лицо будет видеть регулярность своих посещений спортзала. Это будет способствовать более регулярному посещению занятий, что позитивно скажется на здоровье населения, и цели законодателя будут достигнуты более эффективно. Кроме того, цифровое приложение по занятиям спортом позволит государству собирать big data в отношении своих граждан в части занятий спортом, соотносить эти данные, например, с больничными листами и обращением за медицинской помощью, что позволит государству детальнее оценить эффект стимулирования занятий спортом для укрепления здоровья населения и сделать меры по защите здоровья населения более сфокусированными.

Для граждан, которые занимаются спортом самостоятельно, нужно также предусмотреть право на вычет по НДФЛ, но не в связи с расходами, а при сдаче определенных нормативов (с учетом пола и возраста). В частности, ориентирами для предоставления налоговых вычетов по НДФЛ могут быть нормативы ГТО⁷. ГТО является частью нацпроекта «Демография», в рамках этой системы существуют центры тестирования на базе физкультурно-оздоровительных комплексов. При подтверждении сдачи нормативов ГТО⁸ физическому лицу должен предоставляться вычет в размере 120 тыс. руб. за календарный

⁷ Всероссийский физкультурно-спортивный комплекс «Готов к труду и обороне» (ГТО) — полноценная программная и нормативная основа физического воспитания населения страны, нацеленная на развитие массового спорта и оздоровление нации (URL: <https://www.gto.ru> (дата обращения: 01.05.2021)).

⁸ По нашему мнению, вычет следует предоставлять при сдаче нормативов на уровне серебряного значка ГТО, что предполагает выбор 5 тестов из 9 возможных. Например, можно выбрать бег на 2 км, подтягивание на перекладине, наклон вперед из положения стоя на гимнастической скамье, бег на 30 м, поднятие тела из положения лежа на спине (URL: <https://www.gto.ru/files/uploads/stages/5cdacbe871738.pdf> (дата обращения: 01.05.2021)).

год и последующие 3 года, следующие за годом сдачи нормативов. При помощи вышеупомянутого приложения это можно легко фиксировать в центрах сдачи ГТО, и вычет физическому лицу за поддержание им физической формы через самостоятельные занятия спортом будет предоставляться на основании таких данных автоматически. Работодатели могут получать сведения из такого приложения от налоговых органов и автоматически не удерживать (удерживать в меньшем размере) НДФЛ с зарплаты работников.

При массовом запросе на сдачу нормативов ГТО в систему сдачи нормативов могут быть вовлечены обычные общеобразовательные школы, на базе спортзалов которых может происходить сдача нормативов, что может быть актуально для небольших населенных пунктов.

Такой подход позволит создать привычку к занятиям спортом у значительной массы населения, что позитивно отразится на здоровье населения. Стимулом будет имущественный интерес человека, который может занятиями спортом «заработать» дополнительные 15,6 тыс. руб. в год (или даже больше при индексации суммы налогового вычета на коэффициент-дефлятор), что для многих лиц будет заметно в их бюджете.

Эта система, построенная на использовании цифровых технологий, а также на устранении дискриминации лиц, которые занимаются спортом самостоятельно, будет простой и удобной и сделает ненужными различные справки и бумажное подтверждение прав физических лиц на «спортивные» вычеты. И самое главное — система будет стимулировать сами занятия спортом, а не факт несения расходов на такие занятия.

В качестве возможного возражения этой системе можно привести довод о том, что возможна коррупция и обман при сдаче нормативов ГТО, особенно если сдача нормативов будет проводиться в общеобразовательных школах в небольших населенных пунктах. Это заслуживающее внимания опасение, злоупотребления возможны, как и при любой системе налогового стимулирования какой-либо деятельности. Однако такие опасения не должны останавливать от создания самой такой системы, поскольку

отдельные случаи злоупотреблений не должны перечеркивать возможность существования самой системы. Борьба же с махинациями следует обычными уголовно-правовыми средствами, а также через введение видеофиксации сдачи нормативов с сохранением видеоархивов для выборочной проверки налоговыми органами. При этом сотрудники налоговых органов в порядке контроля также могут внепланово посещать мероприятия по сдаче нормативов ГТО и обеспечивать дополнительный контроль за чистотой сдачи нормативов ГТО.

В будущем, если обработка накапливаемых данных (big data) о регулярных занятиях спортом позволит выявить достоверные массовые закономерности с сокращением числа больничных, обращением за медицинской помощью, то эти данные могут служить основанием для дальнейшего совершенствования правового регулирования в этой сфере, а именно для снижения размера тарифа страховых взносов на обязательное медицинское страхование работников, если такие работники регулярно занимаются спортом и, как результат, меньше подвержены заболеваниям. В таком случае для работодателя будет выгоднее нанимать работников, регулярно занимающихся спортом, поскольку по ним будет ниже размер страховых взносов. Это создаст дополнительные стимулы для работников вести здоровый образ жизни и заниматься спортом. В результате возможно формирование в российском обществе культуры регулярных занятий спортом населения, что будет несомненным общественным благом.

Дополнительно нужно отметить, что налоговое стимулирование занятий спортом должно быть распространено и на индивидуальных предпринимателей, которые применяют упрощенную систему налогообложения, а также на самозанятых граждан, которых в нашей стране уже миллионы человек. В рамках этих специальных налоговых режимов налоговое стимулирование занятий спортом может выражаться в возврате раз в год установленной в НК РФ (и индексируемой на коэффициент-дефлятор) суммы налога при наличии подтвержденных занятий спортом и расходов на такие занятия или при сдаче нормативов ГТО. Сумма возврата

налога может быть и меньше 15,6 тыс. руб. в год, поскольку сами по себе упрощенная система налогообложения и система самозанятости являются льготными и доходы лиц, применяющих такие режимы, облагаются не по ставке 13 % (как в НДФЛ), а по ставкам 6 % или даже 4 % от валовой суммы дохода. Соответственно, размер возврата налога при занятии спортом

для таких лиц может быть примерно в 2 раза ниже.

По нашему мнению, постоянный поиск инновационных налоговых мер по стимулированию населения к занятиям спортом и ведению здорового образа жизни многократно окупит те налоговые расходы, которые понесет государство на такое стимулирование.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Ивушкина А.* Рецепт платежом красен: врачи стали чаще брать подарки от фармкомпаний // URL: <https://iz.ru/879265/anna-ivushkina/retsept-platezhom-krasen-vrachi-stali-chashche-brat-podarki-ot-farmkompanii> (дата обращения: 03.02.2022).
2. *Курцвейл Р., Гроссман Т.* Transcend: девять шагов на пути к вечной жизни / пер. с англ. А. Сусяковой. — 6-е изд. — М.: Манн, Иванов и Фарбер, 2020.
3. О налоговом вычете за занятия спортом // URL: <https://minsport.gov.ru/activities/o-nalogovom-vychete-za-zanyatiya-sportom/> (дата обращения: 30.01.2021).

Материал поступил в редакцию 3 февраля 2022 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Ivushkina A. Retsept platezhom krasen: vrachi stali chashche brat podarki ot farmkompaniy // URL: <https://iz.ru/879265/anna-ivushkina/retsept-platezhom-krasen-vrachi-stali-chashche-brat-podarki-ot-farmkompanii> (data obrashcheniya: 03.02.2022).
2. Kurtsveyl R., Grossman T. Transcend: devyat shagov na puti k vechnoy zhizni / per. s angl. A. Suslyakovoy. — 6-e izd. — M.: Mann, Ivanov i Farber, 2020.
3. O nalogovom vychete za zanyatiya sportom // URL: <https://minsport.gov.ru/activities/o-nalogovom-vychete-za-zanyatiya-sportom/> (data obrashcheniya: 30.01.2021).

DOI: 10.17803/1994-1471.2022.141.8.039-046

О. С. Забралова*

Социальная направленность публичной финансовой деятельности: общетеоретический анализ¹

Аннотация. Статья посвящена общетеоретическому анализу социальной направленности публичной финансовой деятельности. В работе анализируются такие основополагающие для финансового права категории, как финансы и финансовая деятельность. В работе критикуется либеральный подход к управлению экономикой, предполагающий минимизацию роли государства. По мнению автора, с течением времени становится всё более очевидным, что «невидимая рука рынка» не может обеспечить нормальное функционирование экономики в публичном интересе. Частные финансы служат только частным интересам. Медицина, образование, культура — сферы, которые, как правило, не могут приносить значительную прибыль предпринимателям. Социальный характер присущ именно современной публичной финансовой деятельности, что во многом характеризует текущий этап развития финансового права в целом. В связи с этим отмечается фундаментальная роль публичной финансовой деятельности в развитии социальной сферы в Российской Федерации.

Ключевые слова: финансы; финансовая деятельность; социальная направленность; социальная политика; социальная сфера; принципы финансового права; публичная финансовая деятельность; государство; социальное государство; социальное обеспечение.

Для цитирования: Забралова О. С. Социальная направленность публичной финансовой деятельности: общетеоретический анализ // Актуальные проблемы российского права. — 2022. — Т. 17. — № 8. — С. 39–46. — DOI: 10.17803/1994-1471.2022.141.8.039-046.

A Social Dimension of Public Financing: General Theoretical Analysis²

Olga S. Zabralova, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Department of Financial Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
ul. Sadovaya-Kudrinskaya, d. 9, Moscow, Russia, 125993
lab.kfp@msal.ru

Abstract. The paper is devoted to the general theoretical analysis of the social dimension of public financial activity. The paper analyzes such fundamental categories for financial law as finance and financial activity. The paper

¹ Исследование выполнено в рамках программы стратегического академического лидерства «Приоритет-2030».

² The study was carried out within the framework of the strategic academic leadership program "Priority-2030."

© Забралова О. С., 2022

* Забралова Ольга Сергеевна, кандидат юридических наук, доцент кафедры финансового права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993
lab.kfp@msal.ru

criticizes the liberal approach to economic management, which involves minimizing the role of the state. According to the author, over time it becomes more and more obvious that the "invisible hand of the market" cannot ensure normal functioning of the economy in the public interest. Private finance serves only private interests. Medicine, education, culture are areas that, as a rule, cannot bring significant profits to entrepreneurs. A social character is inherent in modern public financial activity, which largely characterizes the current stage of development of financial law as a whole. In this regard, the author highlights a fundamental role of public financial activity in the development of the social sphere in the Russian Federation.

Keywords: finance; financial activity; social orientation; social policy; social sphere; principles of financial law; public financial activity; state; social state; social security.

Cite as: Zabalova OS. Sotsialnaya napravlennost publichnoy finansovoy deyatel'nosti: obshcheteoreticheskiy analiz [A Social Dimension of Public Financing: General Theoretical Analysis]. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2022;17(8):39-46. DOI: 10.17803/1994-1471.2022.141.8.039-046 (In Russ., abstract in Eng.).

Финансовая деятельность — базовая категория финансового права, которая позволяет отграничить предмет названной отрасли от предметов иных правовых образований российской системы права, обосновать самостоятельный характер публичного финансового права. Финансовая деятельность, по справедливому замечанию Э. Д. Соколовой, играет значительную роль в развитии общества³. При этом вопросы, связанные с природой, а также предпосылками возникновения и осуществления финансовой деятельности, всегда занимали центральное место среди проблем, рассматриваемых учеными-финансистами.

Объективными предпосылками возникновения финансовой деятельности государства выступают финансы и финансовая система. Традиционно финансы рассматриваются как дуалистическая категория:

— с экономической точки зрения финансы — это система общественных отношений, связанных с образованием, распределением и использованием фондов денежных средств⁴;

— с материальной — это сами фонды денежных средств, аккумулирующие финансовые ресурсы⁵.

Заметим, что категория финансов становилась предметом исследования еще в дореволюционной науке финансового права. В частности, И. И. Янжул указывал на то, что финансы представляют собой совокупность материальных средств, необходимых для удовлетворения потребностей государства⁶.

В советское время наука финансового права потеряла самостоятельное значение и стала рассматриваться как неотъемлемая часть административно-правовой науки. Это же обусловило изменения в подходе к определению предмета

³ Соколова Э. Д. Правовое регулирование финансовой деятельности государства и муниципальных образований. М. : Юриспруденция, 2009. С. 7.

⁴ Н. И. Химичева и Е. В. Покачалова определили финансы как экономические денежные отношения по формированию, распределению и использованию фондов денежных средств государства, его территориальных подразделений, а также предприятий, организаций и учреждений, необходимых для обеспечения расширенного воспроизводства, безопасности страны и социальных нужд, в процессе осуществления которых происходит распределение и перераспределение общественного продукта, а также контроль за удовлетворением потребностей общества (Финансовое право : учебник / отв. ред. Н. И. Химичева, Е. В. Покачалова. 6-е изд., перераб. и доп. М. : Норма : Инфра-М, 2020. С. 25.).

⁵ Вместе с тем И. В. Рукавишникова полагает, что материальным выражением финансов выступают финансовые ресурсы, не раскрывая, однако, указанную категорию (Финансовое право : учебник / отв. ред. И. В. Рукавишникова. 3-е изд., перераб. и доп. М. : Норма : Инфра-М, 2021. С. 14.).

⁶ Янжул И. И. Основные начала финансовой науки: учение о государственных доходах. М. : Статут, 2002. С. 44.

финансового права: если ранее им выступали общественные отношения в сфере государственного хозяйства, то теперь — в области финансовой деятельности как части государственного управления. Финансы вполне обоснованно стали рассматриваться не только и не столько как фонды денежных средств, сколько как разновидность экономических отношений⁷. Подчеркивалось, что «социалистические финансы представляют собой систему экономических отношений, посредством которых Советское государство планомерно собирает (аккумулирует), распределяет и использует фонды денежных средств в интересах решения задач коммунистического строительства»⁸.

С распадом Советского государства и окончательным переходом к строительству рыночной экономики перед наукой финансового права неминуемо встал вопрос, связанный с пересмотром подхода к определению предмета соответствующей отрасли права. Заметим, что ни для одной отрасли российского права — конституционного, гражданского, административного права и других отраслей — подобной фундаментальной проблемы не стояло. Между тем кардинальное изменение природы общественных экономических отношений привело к необходимости корректировки научных воззрений на предмет, метод и систему финансового права, с тем чтобы они, с одной стороны, соответствовали устоявшейся в доктрине традиции, а с другой — отвечали новым реалиям. Можно сказать, что 1990-е и начало 2000-х гг. для науки финансового права прошли под знаменем дискуссии о расширении предмета, эффективность и результативность которой послужили основой

для последующего развития данной отрасли российского права⁹.

Э. Д. Соколова справедливо отмечала, что финансы — экономическая категория, в связи с чем она не может создаваться государством, она проявляется в различных формах¹⁰. Таким образом, возникновение финансов представляет собой объективный процесс. При этом по столь же верному замечанию названного автора, указанные формы предопределяются историческими, социально-экономическими и политическими условиями развития того или иного общества¹¹. Действительно, несмотря на общий факт объективного наличия финансов, в разных странах общественные отношения, складывающиеся в процессе образования, распределения и использования фондов денежных средств, с одной стороны, испытывают на себе влияние, а с другой — отражают особенности общественно-экономических отношений конкретной страны на соответствующем историческом этапе. Специфической чертой российской системы финансовых отношений является ведущая роль государственных финансов: исторически именно государство выступало в качестве двигателя общественного прогресса, аккумулирующего наиболее значимые ресурсы и определяющего точки приложения коллективных усилий общества в целях обеспечения социально-экономического развития во благо всего населения. При этом следует отметить, что ведущая роль государственных финансов в экономике была присуща нашей стране практически всегда — не только в современный и советский периоды, но и на дореволюционном этапе.

⁷ Советское финансовое право : учебник / отв. ред. Г. С. Гуревич. М. : Юрид. лит., 1985. 272 с.

⁸ Советское финансовое право.

⁹ Горбунова О. Н. Финансовое право в системе российского права (Актуальные проблемы) // Государство и право. 1995. № 2. С. 14–21 ; Она же. О предмете и системе финансового права // Юридический мир. 1998. № 5. С. 22–28 ; Химичева Н. И. Финансовое право в системе российского права: проблемы и перспективы // Научные труды РАЮН : в 2 т. М. : Юрист, 2002, Вып. 2. Т. 1. С. 851–860 ; Запольский С. В. О предмете финансового права // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2002. № 5 (244). С. 25–30 ; Худяков А. И. Дискуссионные вопросы предмета финансового права // Финансовое право. 2009. № 3. С. 2–8.

¹⁰ Соколова Э. Д. Указ. соч. С. 20.

¹¹ Соколова Э. Д. Указ. соч. С. 20.

Наиболее ярким примером отхода от концепции главенствующей роли государства в экономике может служить период с конца 1980-х по начало 2000-х гг., когда ведущими экономистами и государственными деятелями на вооружение был принят либеральный подход. Проводившаяся в 1990-е гг. политика исходила из необходимости приватизации государственных предприятий. Основным локомотивом развития экономики виделись частная собственность и предпринимательская инициатива. Утрата контроля над национальными ресурсами, снижение уровня производства, резкое обнищание населения и, как следствие, падение уровня жизни российских граждан в целом — вот лишь немногие результаты недальновидных либеральных реформ, проведенных в 1990-е гг.

С течением времени становится всё более очевидным, что так называемая невидимая рука рынка не может обеспечить нормальное функционирование экономики в публичном интересе. Частные финансы служат только частным интересам. Медицина, образование, культура — сферы, которые, как правило, не могут приносить значительную прибыль предпринимателям. В случае же если они становятся рентабельными, услуги в соответствующих областях перестают быть доступными основной массе населения. Вместе с тем социальная сфера важна в том числе для развития частных финансов — она обеспечивает качественную подготовку специалистов, способных выполнять задачи разной степени сложности во всех отраслях экономики, придает им уверенность в своем будущем, что является необходимым условием для эффективного выполнения трудовой функции.

Либеральная модель экономики в ее классическом понимании нежизнеспособна. Как показывает практика, даже страны, в которых на

официальном уровне пропагандируются либеральные принципы построения экономики, все равно в первую очередь опираются на государственные финансы. Даже апологет либеральной экономики и противник меркантилизма А. Смит признавал важность государства в регулировании экономики, в том числе в целях ограничения различного рода монополий¹².

Как бы то ни было, финансы выступают в качестве объективной предпосылки возникновения особого вида человеческой деятельности — финансовой деятельности, осуществляемой публично-правовыми субъектами (государством, международными организациями и муниципальными образованиями), а также частными субъектами (физическими лицами и организациями).

Понятие «финансовая деятельность государства и муниципальных образований» — краеугольный камень финансового права, его альфа и омега. В силу основополагающего характера определение финансовой деятельности можно встретить в любом учебнике по финансовому праву, а также в огромном количестве монографической литературы финансово-правовой направленности. Вместе с тем бóльшая часть указанных определений сводится примерно к одному и тем же признакам. Можно сказать, что в общем и целом финансовая деятельность государства (муниципальных образований) представляет собой организационную деятельность «уполномоченных органов и субъектов по образованию, перераспределению и использованию централизованных и децентрализованных фондов денежных средств в целях эффективного функционирования государства и муниципальных образований и выполнения ими стоящих перед ними задач»¹³. В свою очередь, Н. И. Химичева в своем определении финансовой деятельности указывала на ее планомерный харак-

¹² Кроме того, А. Смит указывал на то, что «великие нации никогда не беднеют из-за расточительности и неблагоразумия частных лиц, но они нередко беднеют в результате расточительности и неблагоразумия государственной власти». Таким образом, автор хотя и косвенно, но признавал важность государственного сектора экономики (Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов : пер. с англ. М. : Эксмо, 2009. 960 с.).

¹³ Финансовое право : учебник для бакалавров / отв. ред. Е. Ю. Грачева. М., 2014. С. 10.

тер¹⁴, А. И. Худяков справедливо подчеркивал, что финансовая деятельность государства может также осуществляться за рамками процессов, связанных с образованием и использованием фондов денежных средств¹⁵. Предлагаются в науке и иные подходы к определению финансовой деятельности государства¹⁶.

Финансовая деятельность государства основывается на ряде принципов, т.е. основополагающих идей, выступающих руководящими началами в процессе образования, распределения и использования фондов денежных средств. При этом анализ монографической литературы позволяет поставить знак равенства между понятиями «принципы финансового права» и «принципы финансовой деятельности»¹⁷. Обусловлено

это тем, что, как уже отмечалось, именно общественные отношения, складывающиеся в процессе осуществления финансовой деятельности государства и муниципальных образований, составляют предмет названной отрасли права. Традиционно в доктрине финансового права к таким принципам относят законность, гласность, федерализм, плановость¹⁸, приоритет в области финансовой деятельности государства и муниципальных образований представительных органов перед исполнительными органами государственной власти¹⁹. Помимо этого, Э. Д. Соколова к принципам финансовой деятельности государства и муниципальных образований относил принцип единства цели осуществления, принцип максимально допустимой прозрачности, прин-

¹⁴ Н. И. Химичева, в частности, указывала на то, что финансовая деятельность государства — это осуществление им функций по планомерному образованию (формированию), распределению и использованию денежных фондов (финансовых ресурсов) в целях реализации задач социально-экономического развития, поддержания обороноспособности и безопасности страны, а также по обеспечению финансовыми ресурсами деятельности государственных органов (Финансовое право : учебник / отв. ред. Н. И. Химичева. 4-е изд., перераб. и доп. М. : Норма, 2009. С. 93–94).

¹⁵ Это, в частности, связано с процессами организации денежной системы. Так, А. И. Худяков считал, что «в определенных ситуациях финансовая деятельность государства вообще напрямую не связана с процессами формирования, распределения и использования денежных фондов, рамками которых эта деятельность ограничивается во всех традиционных определениях данной деятельности. Речь идет о формировании государством денежной системы в своей стране и организации денежного обращения... Чтобы организовать свои финансы, надо прежде всего организовать в стране денежную систему» (Худяков А. И. Основы теории финансового права // Избранные труды по финансовому праву. СПб. : Юридический центр-Пресс, 2010. С. 58–59).

¹⁶ Полагаем, что одно из наиболее полных определений финансовой деятельности государства было предложено Э. Д. Соколовой, по мнению которой «финансовую деятельность государства можно определить как особый вид государственной деятельности, направленной на совершение организационных и иных действий органов государства, как правило, в правовой форме, в процессе распределения внутреннего валового продукта и части национального дохода общества путем образования, распределения (перераспределения), использования различных фондов денежных средств, как централизованных, так и децентрализованных, необходимых для обеспечения финансовыми ресурсами функционирования органов государства всех трех ветвей власти, осуществления мероприятий по внутренней безопасности и обороне страны, для выполнения национальных программ социально-экономического и культурного развития и удовлетворения иных потребностей общества». Автор также подчеркивала, что «органы местного самоуправления осуществляют финансовую деятельность по созданию, распределению и использованию фондов денежных средств, необходимых для финансового обеспечения решения вопросов местного значения» (Соколова Э. Д. Указ. соч. С. 47).

¹⁷ Соколова Э. Д. Указ. соч. С. 54–56.

¹⁸ Соколова Э. Д. Указ. соч. С. 54–56.

¹⁹ Финансовое право : учебник / отв. ред. Е. Ю. Грачева, О. В. Болтинова. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Проспект, 2020. С. 33–35.

цип строжайшего учета доходов и расходов, а также принцип результативности расходов²⁰. Другой выдающийся представитель финансовой правовой науки — Н. И. Химичева — выделяла среди принципов финансового права приоритетность публичных задач в правовом регулировании финансовых отношений, сочетающихся с реализацией частных интересов граждан; единство финансовой политики и денежной системы; распределение функций в области финансовой деятельности на основе разделения властей и т.д.²¹ Заметим, что именно Н. И. Химичева в качестве одного из основополагающих принципов финансового права выделила принцип социальной направленности финансово-правового регулирования. На сегодня данная позиция является общепризнанной, а принцип социальной направленности финансово-правового регулирования (также справедливо говорить о принципе социальной направленности финансовой деятельности) — один из фундаментальных принципов финансового права.

Следует отметить, что некоторые авторы связывают публичную финансовую деятельность в первую очередь с необходимостью реализации социальной политики государства и выполнением социальных обязательств государства²². Между тем подобный взгляд соответствует действительности лишь отчасти. Правильнее говорить о том, что финансовая деятельность государства возникает в целях решения целого комплекса задач. Решаются такие задачи в публичном, то есть в общем, интересе всех проживающих на территории государства. Со-

циальное обеспечение населения, создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека²³, лишь одно из направлений финансовой деятельности, которая, однако, не ограничивается социальными вопросами — помимо всего прочего, государство решает вопросы обеспечения национальной безопасности, обороноспособности страны, охраны правопорядка и т.д. Кроме того, не следует увязывать финансовую деятельность исключительно с концепцией социального государства²⁴ — социальное государство является продуктом XX в.²⁵ Финансовая же деятельность начинает осуществляться государством с момента своего зарождения, поскольку она объективно обусловлена наличием товарно-денежных отношений, а также необходимостью формирования фондов денежных средств²⁶.

Между тем не стоит недооценивать социальную направленность финансовой деятельности государства. Социальный характер присущ именно современной публичной финансовой деятельности, что во многом характеризует текущий этап развития финансового права в целом. Следует, однако, согласиться с мнением о том, что полноценная реализация принципа представляется на сегодняшний момент не вполне возможной и для этого требуется концентрация значительных финансовых ресурсов²⁷. Между тем не следует забывать, что «социальная направленность» указывает на вектор финансовой деятельности. Кроме того, принцип — это основополагающая идея, которая, как правило, предъясвляет нереально

²⁰ Соколова Э. Д. Указ. соч. С. 57–58.

²¹ Финансовое право : учебник / под ред. Н. И. Химичевой. С. 47.

²² См.: Кадомцева С. В. Государственные финансы : учеб. пособие. М. : Инфра-М, 2009. С. 6–9.

²³ Ч. 1 ст. 7 Конституции РФ.

²⁴ Кадомцева С. В. Указ. соч. С. 6.

²⁵ Здесь мы говорим про реализацию концепции социального государства, а не зарождение самой идеи в XIX в.

²⁶ Соколова Э. Д. Указ. соч. С. 53.

²⁷ Согласимся с мнением Н. И. Химичевой, отмечавшей, что «хотя на настоящем этапе реализация названного принципа предстает неблизкой перспективой, определение данного направления в развитии финансового права имеет существенное значение. Для реализации этой установки требуется сосредоточение в распоряжении государства необходимых финансовых ресурсов и распределение» (Финансовое право : учебник / отв. ред. Н. И. Химичева. М. : Норма, 2009. С. 48).

высокие стандарты, которые в жизни являются недостижимыми. Например, это можно сказать про идею демократии — реализация соответствующей концепции в строгом соответствии с идеалистическими представлениями философов о природе и сущности демократии является невозможной. Но это не значит, что государства

не должны отказаться от демократических начал. То же самое можно сказать и про принцип социальной направленности финансовой деятельности: государству следует опираться на данную идею в рамках проводимой им политики, стремясь обеспечить достойный уровень жизни населения страны.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Горбунова О. Н. О предмете и системе финансового права // Юридический мир. — 1998. — № 5. — С. 22–28.
2. Горбунова О. Н. Финансовое право в системе российского права (Актуальные проблемы) // Государство и право. — 1995. — № 2. — С. 14–21.
3. Запольский С. В. О предмете финансового права // Известия высших учебных заведений. Правоведение. — 2002. — № 5 (244). — С. 25–30.
4. Кадомцева С. В. Государственные финансы : учеб. пособие. — М. : Инфра-М, 2009. — 352 с.
5. Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов : пер. с англ. — М. : Эксмо, 2009. — 960 с.
6. Советское финансовое право : учебник / отв. ред. Г. С. Гуревич. — М. : Юрид. лит., 1985. — 272 с.
7. Соколова Э. Д. Правовое регулирование финансовой деятельности государства и муниципальных образований. — М. : Юриспруденция, 2009. — 264 с.
8. Финансовое право : учебник / отв. ред. Е. Ю. Грачева, О. В. Болтинова. — 2-е изд., перераб. и доп. — М. : Проспект, 2020. — С. 33–35.
9. Финансовое право : учебник / отв. ред. И. В. Рукавишников. — 3-е изд., перераб. и доп. — М. : Норма : Инфра-М, 2021. — 648 с.
10. Финансовое право : учебник / отв. ред. Н. И. Химичева, Е. В. Покачалова. — 6-е изд., перераб. и доп. — М. : Норма : Инфра-М, 2020. — 800 с.
11. Финансовое право : учебник / отв. ред. Н. И. Химичева. — 4-е изд., перераб. и доп. — М. : Норма, 2009. — 768 с.
12. Финансовое право : учебник для бакалавров / под ред. Е. Ю. Грачевой. — М. : Проспект, 2014. — 571 с.
13. Химичева Н. И. Финансовое право в системе российского права: проблемы и перспективы // Научные труды РАЮН : в 2 т. — М. : Юрист, 2002. — Вып. 2. Т. 1. — С. 851–860.
14. Худяков А. И. Избранные труды по финансовому праву. — СПб. : Юридический центр-Пресс, 2010. — 472 с.
15. Худяков А. И. Дискуссионные вопросы предмета финансового права // Финансовое право. — 2009. — № 3. — С. 2–8.
16. Янжул И. И. Основные начала финансовой науки: учение о государственных доходах. — М. : Статут, 2002. — 555 с.

Материал поступил в редакцию 19 июля 2022 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Gorbunova O. N. O predmete i sisteme finansovogo prava // Yuridicheskiy mir. — 1998. — № 5. — S. 22–28.
2. Gorbunova O. N. Finansovoe pravo v sisteme rossiyskogo prava (Aktualnye problemy) // Gosudarstvo i pravo. — 1995. — № 2. — S. 14–21.
3. Zapolskiy S. V. O predmete finansovogo prava // Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Pravovedenie. — 2002. — № 5 (244). — S. 25–30.
4. Kadomtseva S. V. Gosudarstvennye finansy: ucheb. posobie. — M.: Infra-M, 2009. — 352 s.
5. Smit A. Issledovanie o prirode i prichinakh bogatstva narodov: per. s angl. — M.: Eksmo, 2009. — 960 s.
6. Sovetskoe finansovoe pravo: uchebnik / otv. red. G. S. Gurevich. — M.: Yurid. lit., 1985. — 272 s.
7. Sokolova E. D. Pravovoe regulirovanie finansovoy deyatel'nosti gosudarstva i munitsipalnykh obrazovaniy. — M.: Yurisprudentsiya, 2009. — 264 s.
8. Finansovoe pravo: uchebnik / otv. red. E. Yu. Gracheva, O. V. Boltinova. — 2-e izd., pererab. i dop. — M.: Prospekt, 2020. — S. 33–35.
9. Finansovoe pravo: uchebnik / otv. red. I. V. Rukavishnikova. — 3-e izd., pererab. i dop. — M.: Norma: Infra-M, 2021. — 648 s.
10. Finansovoe pravo: uchebnik / otv. red. N. I. Khimicheva, E. V. Pokachalova. — 6-e izd., pererab. i dop. — M.: Norma: Infra-M, 2020. — 800 s.
11. Finansovoe pravo: uchebnik / otv. red. N. I. Khimicheva. — 4-e izd., pererab. i dop. — M.: Norma, 2009. — 768 s.
12. Finansovoe pravo: uchebnik dlya bakalavrov / pod red. E. Yu. Grachevoy. — M.: Prospekt, 2014. — 571 s.
13. Khimicheva N. I. Finansovoe pravo v sisteme rossiyskogo prava: problemy i perspektivy // Nauchnye trudy RAYuN: v 2 t. — M.: Yurist, 2002. — Vyp. 2. T. 1. — S. 851–860.
14. Khudyakov A. I. Izbrannye trudy po finansovomu pravu. — SPb.: Yuridicheskiy tsentr-Press, 2010. — 472 s.
15. Khudyakov A. I. Diskussionnye voprosy predmeta finansovogo prava // Finansovoe pravo. — 2009. — № 3. — S. 2–8.
16. Yanzhul I. I. Osnovnye nachala finansovoy nauki: uchenie o gosudarstvennykh dokhodakh. — M.: Statut, 2002. — 555 s.

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ В ИНФОРМАЦИОННОЙ СФЕРЕ

DOI: 10.17803/1994-1471.2022.141.8.047-058

А. В. Макутчев*

Современные возможности и пределы внедрения искусственного интеллекта в систему правосудия

Аннотация. Технологии искусственного интеллекта (ИИ) все больше становятся частью нашей повседневности. Из разряда элементов научной фантастики они перешли в разряд составляющих государственного управления, правоприменения, техники, культуры. Исследование посвящено проблемам использования ИИ в системе правосудия. Автор выявляет современные возможности внедрения ИИ в судопроизводство, исследует мировой опыт и содержание дискуссий о пределах такого внедрения. В результате обобщения имеющихся представлений об использовании ИИ в правосудии выделены три концепции: консервативная, экстенсивная и интенсивная, каждая из которых по-своему представляет будущее судебной системы с учетом развития информационных технологий. Консервативная концепция ориентирована на углубление цифровизации судебной системы, развитие электронного правосудия; экстенсивная подразумевает ограниченное использование ИИ в системе правосудия, без его прямого участия в принятии решений, а лишь с целью облегчения работы судей; интенсивная концепция предполагает углубленное внедрение ИИ в систему правосудия, когда ИИ либо работает наравне с судьей, либо в той или иной степени заменяет собой судью.

Ключевые слова: искусственный интеллект; правосудие; судебная система; предсказанное правосудие; цифровизация; смарт-решения; машинное обучение; судопроизводство; правоохранительные органы; право.

Для цитирования: Макутчев А. В. Современные возможности и пределы внедрения искусственного интеллекта в систему правосудия // Актуальные проблемы российского права. — 2022. — Т. 17. — № 8. — С. 47–58. — DOI: 10.17803/1994-1471.2022.141.8.047-058.

Modern Possibilities and Limits of Artificial Intelligence Introduction into the Justice System

Aleksandr V. Makutchev, Cand. Sci. (History), Associate Professor, Department of Legal Disciplines,
Tolstoy Tula State Pedagogical University
prosp. Lenina, d. 125, Tula, Russia, 300026
makutcheve@yandex.ru

Abstract. Artificial intelligence (AI) technologies are gradually becoming a part of our everyday life. From the category of elements of science fiction, they have moved into the category of elements of public administration, law enforcement, technology, and culture. The study is devoted to the problems of using AI in the system of justice. The author identifies

© Макутчев А. В., 2022

* *Макутчев Александр Валерьевич*, кандидат исторических наук, доцент кафедры правовых дисциплин
Тульского государственного педагогического университета имени Л.Н. Толстого
просп. Ленина, д. 125, г. Тула, Россия, 300026
makutcheve@yandex.ru

current opportunities for implementing AI in court proceedings, explores the world experience and the content of discussions about the limits of such implementation. As a result of generalization of the existing ideas about the use of AI in justice, three concepts are identified — conservative, extensive and intensive, each of which represents the future of the judicial system in its own way regarding the development of information technologies. The conservative concept is focused on deepening digitalization of the judicial system and development of electronic justice. The extensive concept implies limited use of AI in the justice system without its direct participation in decision-making, but only with the aim of facilitating the work of judges. The intensive concept involves in-depth implementation of AI in the justice system, when AI either works on a par with a judge, or, more or less, replaces the judge.

Keywords: artificial intelligence; justice; judicial system; predicted justice; digitalization; smart solutions; machine learning; judicial proceedings; law enforcement agencies; law.

Cite as: Makutchev AV. *Sovremennye vozmozhnosti i predely vnedreniya iskusstvennogo intellekta v sistemu pravosudiya* [Modern Possibilities and Limits of Artificial Intelligence Introduction into the Justice System]. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2022;17(8):47-58. DOI: 10.17803/1994-1471.2022.141.8.047-058 (In Russ., abstract in Eng.).

Тема роботизации и искусственного интеллекта (ИИ) в последнее десятилетие приобретает все большую актуальность в научной среде. Причиной является тот факт, что современная наука приблизилась к созданию полноценных «умных машин», вследствие чего появилась необходимость оценить перспективы внедрения технологий ИИ в различные сферы общественной жизни и спрогнозировать последствия такого внедрения.

Одной из таких сфер является правосудие, которое традиционно считается когнитивным процессом, свойственным исключительно человеческому интеллекту. Между тем современные западные и отечественные исследователи (П. Н. Бирюков¹, Н. А. Колоколов², А. В. Незнамов³, В. Чжи⁴, Г. Сёрден⁵ и др.) указывают: судебная система не может не учитывать достижения научно-технического прогресса, и ИИ становится одним из полноценных участников осуществле-

ния правосудия, более того, его внедрение в судебную систему уже неизбежно.

В этой связи приобретает актуальность следующая задача: обобщить современные представления исследователей по вопросу целесообразности внедрения ИИ в систему правосудия, выявить перспективы и пределы такого внедрения.

Для начала определим понятие ИИ и основы самой технологии ИИ, чтобы понимать принцип его действия, а также отличать ИИ от некоторых родственных ему технологий.

Понятие и сущность ИИ не являются устоявшимися на сегодняшний день. Так, автор термина «искусственный интеллект» (artificial intelligence), американский математик Дж. Маккарти определил его как «свойство интеллектуальных систем выполнять творческие функции, которые традиционно считаются прерогативой человека»⁶. В российской Национальной стра-

¹ Бирюков П. Н. Искусственный интеллект и «предсказанное правосудие»: зарубежный опыт // *Lex russica*. 2019. № 11 (156). С. 79–87.

² Колоколов Н. А. Искусственный интеллект в правосудии — будущее неотвратимо // *Вестник Московского университета МВД России*. 2021. № 3. С. 201–212.

³ Незнамов А. В. Принципы использования технологий искусственного интеллекта в правосудии: европейский подход // *Образование и право*. 2019. № 5. С. 222–227.

⁴ Ji W. The Change of Judicial Power in China in the Era of Artificial Intelligence // *Asian Journal of Law and Society*. 2020. No. 7. P. 515–530.

⁵ Surden H. Artificial Intelligence and Law: An Overview // *Georgia State University Law Review*. 2019. Vol. 35. No. 4. P. 1304–1337.

⁶ McCarthy J. Artificial Intelligence, Logic and Formalizing Common Sense, 1990 // URL: <http://jmc.stanford.edu/articles/ailogic.html> (дата обращения: 14.11.2021).

тегии развития искусственного интеллекта на период до 2030 года⁷ ИИ — это комплекс технологических решений (информационно-коммуникационная инфраструктура, программное обеспечение, процессы и сервисы по обработке данных и поиску решений), позволяющий имитировать когнитивные функции человека (включая самообучение и поиск решений без заранее заданного алгоритма) и получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые как минимум с результатами интеллектуальной деятельности человека. Общим и ключевым признаком ИИ, как можем заметить, является его применение для автоматизации задач, которые обычно требуют реализации когнитивных процессов человеческого интеллекта⁸.

Сразу отметим, что современный ИИ, как указывают некоторые авторы, на самом деле не является интеллектуальным: в полной мере разумная машина остается уделом научной фантастики, а ИИ нашего времени лишь имитирует процессы человеческого интеллекта путем эвристики — обнаружения закономерностей в данных и использования правил, которые были специально закодированы людьми в формы, обрабатываемые компьютерами⁹. Это замечание призвано снизить градус опасений тех, кто видит в ИИ конкурента или угрозу человеческому интеллекту.

На сегодняшний день существует два способа программирования компьютерных систем для выполнения задач ИИ:

1) машинное обучение, при котором на основе анализа введенных данных ИИ обнаруживает закономерности и превращает их в шаблоны для принятия «разумных» реше-

ний. Затем эти шаблоны применяются для решения различных задач, таких как вождение автомобиля или обнаружение фактов мошенничества. ИИ в таких ситуациях не понимает основного смысла или значения принятых решений, как это мог бы сделать человек, а лишь обрабатывает данные для последующего их осмысления человеком¹⁰;

2) логические правила и представление знаний, в которых факты и правила какой-либо деятельности выражены в программном обеспечении. В целях автоматизации работы ИИ программисты предоставляют компьютеру ряд правил, составляющих логику конкретной деятельности, которую они пытаются смоделировать и автоматизировать¹¹.

ИИ в правосудии предполагает применение компьютерных и математических методов с целью сделать правосудие более эффективным, управляемым, оперативным и предсказуемым¹², а также избавить судью от рутинных обязанностей.

На Западе разработка механизмов внедрения ИИ в систему правосудия велась параллельно с общим развитием компьютерных технологий с 1960-х гг. в форме компьютерного моделирования законодательства и правовых норм¹³. В конце 1960-х гг. Министерство юстиции ФРГ создало проектную группу, которая специализировалась на роли машинных алгоритмов в юридической практике. В 1970-е гг. американские исследователи Б. Бьюкенен и Т. Хедрик опубликовали статью о способах использования компьютерных технологий в юридической деятельности, а в скором времени после этого в США была введена в действие система принятия юридических решений LDS для помощи

⁷ Указ Президента РФ от 10.10.2019 № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2019. № 41. Ст. 5700.

⁸ Surden H. Artificial Intelligence and Law... P. 1307.

⁹ Surden H. Machine Learning and Law // Washington Law Review. 2014. Vol. 89. No. 1. P. 88.

¹⁰ Surden H. Artificial Intelligence and Law... P. 1312.

¹¹ Surden H. The Variable Determinacy Thesis // Columbia Science and Technology Law Review. 2011. Vol. 12. No. 1. P. 74.

¹² Surden H. Artificial Intelligence and Law... P. 1309.

¹³ Bench-Capon T. A History of AI and Law in 50 Papers: 25 Years of the International Conference on AI and Law // Artificial Intelligence & Law. 2012. Vol. 20. No. 3. P. 277.

юристам в подготовке аргументов для судебных разбирательств. В то же время в Японии были выданы первые патенты на программное обеспечение в сфере правосудия, ставшие прообразом современных технологий ИИ в данной сфере¹⁴. К концу XX в. научно-технический прогресс позволил перейти от разработки методик и моделей к практической реализации технологий внедрения ИИ в систему правосудия посредством машинного обучения.

Представленные на сегодняшний день формы внедрения ИИ в правосудие в зависимости от категорий пользователей ИИ можно разделить на три группы:

1. *ИИ для правоприменителей (судей, должностных лиц, полиции)*. Наиболее перспективным в данном аспекте считается использование технологий ИИ судьями при вынесении решений, в том числе по уголовным делам. Так, судьи все чаще применяют программные системы, в которых используется ИИ для оценки вероятности повторного совершения лицом правонарушения или побега подсудимого при его освобождении под залог. Эти системы (например, американская программа PredPol), основанные на машинном обучении, анализируют данные о преступности и дают прогноз о наиболее вероятных действиях подсудимого. Исследователи отмечают, что, хотя судьи не ограничены в своих решениях мнением машины, прогноз ИИ часто влияет на их решения¹⁵.

В деятельности должностных лиц перспективным считается использование технологий ИИ в системе социальных гарантий и льгот. В этом контексте задача машин проще: они не прогнозируют, а ускоряют работу государственных служащих, обрабатывая заявки от кандидатов

на получение льгот и рекомендуя чиновнику по формальным признакам удовлетворить эти заявки или отклонить их¹⁶.

Наконец, в области полицейской деятельности технологии ИИ включают машинное обучение для выявления закономерностей в сфере преступности, а также систему распознавания лиц, которая уже активно внедряется в ряде стран мира. ИИ в автоматизированном режиме сканирует скопления людей для выявления подозреваемых, сопоставляя полученные фото- или видеоданные с государственными базами данных¹⁷.

2. *ИИ для юристов частной практики*. За счет технологий ИИ стал возможным анализ материалов, собранных в ходе подготовки к судебному разбирательству, с целью их автоматизированной сортировки по признаку относимости к делу. Например, машинное обучение позволяет научить ИИ обнаруживать и вычлнять из общей массы электронных сообщений письма конкретного содержания, облегчая работу адвоката. Посредством ИИ также осуществляют анализ контрактов и других юридических документов в прогнозировании результатов рассмотрения споров¹⁸.

3. *ИИ для пользователей (физических и юридических лиц)*. Все большее распространение приобретают технологии ИИ в виде частных экспертных систем для оценки юридических рисков в бизнесе, а также юридических систем самопомощи — чат-ботов, дающих пользователям ответы на базовые юридические вопросы¹⁹.

Все указанные возможности внедрения ИИ в правосудие имеют свои пределы — ограничения, которые необходимо учитывать, чтобы добиться максимальной эффективности, но при

¹⁴ Ji W. The Change of Judicial Power in China in the Era of Artificial Intelligence. P. 516.

¹⁵ Kehl D., Guo P., Kessler S. Algorithms in the Criminal law system: assessing the use of risk assessments in sentencing, 2017 // URL: <https://cyber.harvard.edu/node/99985> (дата обращения: 11.11.2021).

¹⁶ Eggers W. D. AI-Augmented Government: Using Cognitive Technologies to Redesign Public Sector Work, 2017 // URL: <https://www2.deloitte.com/insights/us/en/focus/cognitive-technologies/artificial-intelligencegovernment.html> (дата обращения: 10.10.2021).

¹⁷ Surden H. Artificial Intelligence and Law... P. 1334.

¹⁸ Yablon C., Landsman-Roos N. Predictive Coding: Emerging Questions and Concerns // South Carolina Law Review. 2013. Vol. 64. No. 3. P. 641.

¹⁹ Surden H. Artificial Intelligence and Law... P. 1311.

этом не выходить за рамки принципиального положения о том, что ИИ в правосудии не должен заменять человека в принятии решений, а должен ему содействовать.

Так, упомянутое прогнозирование вероятности совершения лицом повторного преступления посредством компьютерных технологий нельзя считать панацеей, поскольку ИИ не лишен предвзятости при принятии алгоритмических решений²⁰. Да, в отличие от человека ИИ не имеет собственных личностных суждений и принципов, сформированных социальным опытом, но его алгоритмы созданы человеком, поэтому он столь же зависим от количественных показателей, как и человек. Например, изучив статистику преступности, ИИ может выявить закономерности преступности по этническому признаку и сформулировать предвзятые выводы, копируя тем самым человеческие предубеждения вместо внесения объективности в правосудие. В качестве примера подобной предвзятости нередко приводят алгоритм американской программы COMPAS, которая вдвое чаще, чем у других групп, указывала на возможный риск повторного преступления, когда речь заходила об афроамериканцах. С одной стороны, такой вывод не был обосновательным и опирался на статистику, с другой — выделенные ИИ рекомендации по применению наказания противоречат базовым принципам правосудия, распространяя признаки отдельных лиц на целые социальные и этнические группы²¹.

Избежать влияния данных ИИ на мнение судьи, как было отмечено, невозможно (во многом ради этого влияния и происходит внедрение ИИ в систему правосудия). Как результат, судья, к примеру, получает отчет ИИ, в котором указывается, что у обвиняемого есть 80 % вероятности рецидива, и он не сможет не учесть этот факт при принятии решения. Впрочем, с тем же успе-

хом на это решение могут повлиять и личные убеждения судьи, мнение коллег и т.п.

Свои пределы имеет и внедрение технологий ИИ в жизнь практикующих юристов и простых пользователей. Так, слово компьютера не должно быть последним при определении значимости юридических документов. Итоговое решение об отнесении конкретного материала к делу принимает юрист, поскольку современный ИИ не способен на работу с абстракциями: он справляется с автоматизацией юридических задач только при наличии базового шаблона, ему недоступны абстрактное мышление и эмоциональный интеллект человека²². В этом смысле ИИ является узким интеллектом, адаптированным для конкретных типов задач с особыми характеристиками²³. Например, он хорошо работает с задачами, имеющими правильные или неправильные ответы и четкие, недвусмысленные правила, однако многие задачи юридической деятельности не имеют ответов «да» или «нет».

Теперь рассмотрим перспективы полноценного внедрения технологий ИИ в правосудие.

Анализируя мировой опыт внедрения ИИ в систему правосудия, выделим три условные модели.

Модели 1 свойственны опасения дегуманизации правосудия, поэтому она ориентирована не столько на полноценное внедрение ИИ, сколько на общее углубление цифровизации судебной системы. Так, современные процессы цифровизации российской судебной системы (развитие «электронного правосудия») можно считать проявлением указанной модели.

Основные направления развития цифровых технологий в системе правосудия в России определены в Федеральном законе от 23.06.2016 № 220-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части применения электронных документов в

²⁰ Tene O., Polonetsky J. Taming the Golem: Challenges of Ethical Algorithmic Decision-Making // North Carolina Journal of Law and Technology. 2017. Vol. 19. No. 1. P. 130.

²¹ Surden H. Artificial Intelligence and Law... P. 1335.

²² Surden H. Artificial Intelligence and Law... P. 1335.

²³ Oswald E. What Is Artificial Intelligence? Here's Everything You Need to Know, 2019 // URL: <https://www.digitaltrends.com/cool-tech/what-is-artificialintelligence-ai/> (дата обращения: 07.11.2021).

деятельности органов судебной власти»²⁴, приказе Судебного департамента при Верховном Суде РФ от 27.12.2016 № 251 (ред. от 17.11.2021) «Об утверждении порядка подачи в федеральные суды общей юрисдикции документов в электронном виде, в том числе в форме электронного документа»²⁵ и ряде других актов. Автоматизация рутинных (повторяющихся) производственных операций упомянута также в качестве одного из приоритетных направлений развития ИИ в Национальной стратегии развития искусственного интеллекта на период до 2030 года.

Под электронным правосудием понимаются способ и форма осуществления предусмотренных законом процессуальных действий, основанных на использовании информационных технологий в деятельности судов, включая взаимодействие судов, физических и юридических лиц в электронном (цифровом) виде²⁶. На современном этапе развития электронного правосудия в России уже широко применяются видео-конференц-связь, позволяющая дистанционно участвовать в судебном заседании, электронная подача документов в судебные органы и отслеживание движения дела (с помощью систем ГАС «Правосудие» и «Мой арбитр»), возможность выполнения судебного решения в форме электронного документа, извещение сторон с помощью СМС-уведомлений, вынесение постановлений о назначении наказания в автоматизированном режиме (например, в области дорожного движения на основе показаний устройств видеофиксации). Однако вопрос о внедрении ИИ в процесс отправления право-

судия остается дискуссионным. Так, ряд авторов (Н. В. Антонова, С. Б. Бальхаева, Ж. А. Гаунова) убеждены, что роботизация судебного корпуса и всего процесса правосудия неизбежна²⁷. Другие исследователи (например, В. В. Котлярова) считают, что «ИИ не сможет по своему внутреннему убеждению объективно, беспристрастно и полно оценивать доказательства, чтобы вынести справедливое решение, как это сделает живой судья»²⁸. Позиция судей чаще соответствует вышеуказанным опасениям. Так, по мнению члена Президиума Верховного Суда РФ В. В. Момотова, «процессуальное законодательство требует от судьи при оценке доказательств руководствоваться своим внутренним убеждением, которое является гораздо более сложной категорией, чем программные алгоритмы. Поэтому говорить о замене судьи искусственным интеллектом как минимум преждевременно, а скорее всего невозможно»²⁹. Внедрение ИИ в таком случае целесообразно лишь в приказном производстве, где не требуется анализ правоотношений сторон³⁰.

Тем не менее, на наш взгляд, цифровизацию правосудия можно считать шагом к внедрению ИИ в судебную систему. Для стран, которые по тем или иным причинам на сегодняшний день придерживаются первой модели (в том числе России), неизбежен переход к одной из двух других моделей, чтобы технологически не отстать от передовых в этой сфере стран.

Модель 2 подразумевает ограниченное использование ИИ в системе правосудия, без его прямого участия в принятии решений, а лишь с целью облегчения работы судей. Эта

²⁴ СЗ РФ. 2016. № 26 (ч. I). Ст. 3889.

²⁵ URL: <https://docs.cntd.ru/document/456034911> (дата обращения: 10.11.2021).

²⁶ Новикова К. С. Искусственный интеллект как элемент электронного правосудия: смарт-решение и электронные весы правосудия // Образование и право. 2020. № 3. С. 241.

²⁷ Колоколов Н. А. Указ. соч. С. 206.

²⁸ Котлярова В. В. К вопросу о цифровизации процесса отправления правосудия // Арбитражный и гражданский процесс. 2019. № 12. С. 48.

²⁹ Нагорная М. Искусственный интеллект в судопроизводстве, 2019 // URL: https://www.intellectpro.ru/press/commenters/iskusstvennyy_intellekt_v_sudoproizvodstve/ (дата обращения: 22.11.2021).

³⁰ Амианц К. А., Чемеринский К. В. Использование искусственного интеллекта в современной судебной системе и права человека // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2019. № 11-3. С. 50.

модель ориентирована в большей степени на расширение использования технологий ИИ в правосудии, а не на углубление его внедрения как самостоятельного участника правосудия, что свойственно третьей модели.

Так, в последние годы в судебной системе Бразилии был введен в оборот ряд программных продуктов на основе ИИ. В частности, созданная по инициативе Верховного Суда система Victor посредством технологий машинного обучения автоматизировала процесс рассмотрения жалоб и обращений в суд. Victor не претендует на роль судьи, а лишь повышает эффективность и скорость судебной оценки поступающих материалов. ИИ на основе введенных в систему шаблонов отсеивает жалобы, не соответствующие установленной форме, существенно облегчая жизнь судьям³¹. По похожим алгоритмам в Бразилии функционирует система Socrates, которая путем анализа формы и текста поступающих обращений граждан группирует их в блоки. Это позволяет избежать принятия к рассмотрению повторных апелляций (определение апелляции как повторной приводит к тому, что она возвращается в суд, через который была подана, без рассмотрения).

В 2020 г. в Бразилии приступили к реализации программы ИИ Sigma для оказания помощи в подготовке отчетов, решений и постановлений в системе электронного правосудия. Sigma представляет собой интеллектуальную систему, анализирующую тексты процессуальных документов и на основе такого анализа составляющую итоговые тексты судебных решений под контролем судьи³².

В странах Европы в обиход вошло понятие Predictive Justice — «предсказанное правосудие». Оно подразумевает систему взаимодействия судьи с ИИ, анализирующим в короткие сроки огромное количество правовых ситуаций

с целью дать судье информацию, позволяющую предвидеть исход спора или оценить шансы сторон на успех. Речь идет не столько о правосудии, сколько об аналитических инструментах, которые позволили бы прогнозировать будущие решения в спорах, аналогичных тем, которые были проанализированы³³.

С 2015 г. в Нидерландах действует Rechtwijzer — построенная на принципах «предсказанного правосудия» платформа примирения и посредничества в сфере жилищных, семейных и других споров. Во Франции в 2016 г. был принят Закон о цифровой республике, который установил процедуры обмена публичной информацией, предоставив ИИ доступ к базам данных о гражданах страны, анализ которых дает ИИ материал для «предсказаний». «Предсказанное правосудие» упрощает обработку 2 млн судебных решений в год, эти технологии также вошли в обиход адвокатских бюро, существенно упростили работу адвокатов³⁴.

Оптимизация времени, сокращение числа государственных служащих, необходимых для выполнения основных задач, — это преимущества второй модели, которые проявляются уже сейчас.

Модель 3 предполагает углубленное внедрение ИИ в систему правосудия, когда ИИ либо работает наравне, «в связке» с судьей, либо в той или иной степени заменяет собой судью. ИИ выступает не как техническое устройство, направленное на оптимизацию судопроизводства, а как частичный перенос человеческих возможностей мыслительной деятельности в плоскость компьютерных и информационных технологий³⁵. Решения, предложенные ИИ в рамках такой концепции, принято называть смарт-решениями.

В ФРГ существует автономная электронная система Elterngeld («деньги родителей»), рас-

³¹ Sanctis F. M. Artificial Intelligence and Innovation in Brazilian Justice // International Annals of Criminology. 2021. Vol. 59. P. 2.

³² Sanctis F. M. Op. cit. P. 3.

³³ Бирюков П. Н. Указ. соч. С. 83.

³⁴ Бирюков П. Н. Указ. соч. С. 84.

³⁵ Афанасьев А. Ю. Искусственный интеллект или интеллект субъектов выявления, раскрытия и расследования преступлений: что победит? // Библиотека криминалиста. 2018. № 3 (38). С. 30.

смастривающая и принимающая решения по искам о детских пособиях: о назначении пособия и его размере либо об отказе в его назначении³⁶. В США несколько лет успешно применяются система DARE по распознаванию ложных показаний свидетелей³⁷ и система PredPol, обрабатывающая криминологическую статистику для оценки вероятности повторного совершения лицом преступления³⁸.

На постсоветском пространстве следует отметить разработанную и запатентованную в 2019 г. азербайджанскими учеными И. М. Рагимовым и Х. Д. Аликперовым компьютерную программу «Электронные весы правосудия»³⁹. Смысл программы состоит в определении вида и размера наказания из числа предусмотренных действующим законодательством вариантов, заранее введенных в систему. По данным разработчиков, система может быть особенно эффективна в уголовном и административном судопроизводствах (первые тесты, основанные более чем на ста различных приговорах, показали успешную генерацию справедливого наказания с вероятностью 97 %) ⁴⁰.

Наконец, одной из наиболее успешных и смелых считается китайская практика внедрения ИИ в правосудие.

Активное введение ИИ в государственное управление и правосудие в Китае началось еще в 1990-е гг. В 1993 г. профессор Уханьского университета Чжао Иньгуан возглавил разработку уголовно-правовой экспертной системы вынесения приговоров и других судебных решений, которая в итоге была принята на вооружение более чем 100 судами, а также прокурорами и юридическими фирмами⁴¹.

С тех пор относительно отсталые китайские судебные институты совершили скачок в цифровом развитии. Виртуализация отправления правосудия была утверждена в качестве средства решения проблем недостаточного числа квалифицированных судей, нехватки финансирования и распространения коррупции в судебной системе при низком единообразии в применении закона.

В 1999 г. был обнародован Пятилетний план реформы народного суда, который обозначил этапы внедрения ИИ в судебную систему⁴². Первый этап подразумевал цифровизацию — создание национальной системы компьютерного мониторинга деятельности судов, систем электронной загрузки документов в судебные базы данных, автоматизированной подготовки и проверки документов, онлайн-наблюдения за процессом рассмотрения дел. На втором этапе была осуществлена информатизация правосудия путем создания автоматизированных информационных систем. С 2007 г. китайские суды всех уровней были подключены к национальной электронной системе правосудия.

В ходе третьего этапа в 2016 г. Верховный народный суд КНР предложил концепцию «умного суда», использующего не только цифровые технологии, но и технологии ИИ. В рамках этого направления с 2006 г. в провинции Шаньдун начали использовать экспертную систему уголовного судопроизводства для вынесения приговоров силами ИИ. Эта инициатива стала первым и самым смелым на тот момент экспериментом по внедрению ИИ в правосудие. В 2016 г. в развитие этого начинания суд Пекина запустил систему «судья-робот», которая гене-

³⁶ Незнамов А. В. Указ. соч. С. 225.

³⁷ Левченко Г. Искусственный интеллект обучили распознавать ложь в суде. Он правильно делает это в 92 % случаев // URL: <https://republic.ru/posts/88575> (дата обращения: 20.07.2021).

³⁸ Афанасьев А. Ю. Указ. соч. С. 30.

³⁹ Рагимов И. М., Аликперов Х. Д. «Электронные весы правосудия» (цели, возможности, преимущества) // Уголовное судопроизводство. 2019. № 3. С. 8.

⁴⁰ Рагимов И. М., Аликперов Х. Д. Указ. соч. С. 8.

⁴¹ Ji W. The Change of Judicial Power in China in the Era of Artificial Intelligence. P. 517.

⁴² Ji W. The Digital Age and Re-Construction of the Legal Network: The Role of Information Technology in China's Judicial Reform // Sociology of Law (Professional Journal of the Japanese Association of Sociological of Law). 2001. Vol. 54. P. 230.

рирует судебные решения на основе машинного обучения и исправляет судебные ошибки⁴³. В процессе разбирательства в фабулу дела вводятся все известные на момент рассмотрения дела данные, на основе которых программа, анализируя законодательство, квалифицирует деяние и определяет состав правонарушения. При этом система не автономна, у судьи сохраняется право на изменение предложенного программой смарт-решения.

Китайские исследователи, с одной стороны, отмечают пользу от данного эксперимента (например, ИИ позволил снизить нагрузку на судей, снять с них рутинные обязанности, унифицировать юридический язык, используемый многочисленными китайскими судьями), с другой — признают необходимость относиться с осторожностью к передаче ИИ полномочий по вынесению судебных решений, чтобы не исключать из правосудия разум и усмотрение судьи. «ИИ — это всего лишь вспомогательное средство для достижения юридической справедливости. Невозможно поставить телегу впереди лошадей, это основной принцип, который мы всегда должны иметь в виду»⁴⁴.

Таким образом, в нынешнем виде технологии ИИ не являются интеллектом в когнитивном смысле этого слова, скорее они способны давать интеллектуальные результаты без интеллекта, используя шаблоны и эвристические правила, позволяющие принимать полезные решения в узких, специализированных областях.

Очевидно, что возможности современного ИИ меньше опасений исследователей и некоторой части общественности. Эти опасения по большей части основаны на предположении, что внедрение ИИ в правосудие, как и в другие

сферы, приведет не к повышению эффективности работы людей, а к вытеснению человека и человеческого интеллекта из конкретной области⁴⁵. Например, во многих юридических фирмах и других коммерческих организациях приступили к работе роботы-юристы, составляющие иски, письма, заявления, что привело к сокращению численности работников-людей⁴⁶.

На наш взгляд, такие опасения потеряют актуальность при условии соблюдения баланса во взаимоотношениях ИИ и человека, который должен быть основан на вспомогательном, а не определяющем характере ИИ, т.е. путем реализации принципа пользовательского контроля, установленного Европейской этической хартией о применении искусственного интеллекта в судебных системах⁴⁷. Согласно этому принципу, специалисты системы правосудия должны в любой момент иметь возможность пересмотра судебных решений и данных, использованных ИИ для получения результата, и обладать достаточной информацией, чтобы самостоятельно принимать решения⁴⁸.

Кроме того, современные технологии ИИ имеют свои пределы. Например, ИИ плохо справляется с абстракциями, пониманием смысла, из-за чего он не способен заменить в полной мере человеческий интеллект. ИИ может применять право на основе определенных фактов, но его внедрение в правосудие стоит рассматривать не как потенциальную полную замену судьи, а как инструмент обеспечения максимальной эффективности суда. В этом контексте следует в максимальном объеме использовать возможности, которые предоставляет ИИ.

Человечеству предстоит пройти еще довольно длинный путь, чтобы выработать единые

⁴³ Ji W. The Change of Judicial Power in China in the Era of Artificial Intelligence. P. 520.

⁴⁴ Ji W. The Change of Judicial Power in China in the Era of Artificial Intelligence. P. 529.

⁴⁵ Закиров Р. Ф. Использование современных IT-технологий как средство достижения основных задач судопроизводства // Вестник гражданского процесса. 2018. № 1. С. 211.

⁴⁶ Залоило М. В., Пашенцев Д. А. Национальный правовой порядок в России в условиях цифровизации // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2019. Т. 10. № 2. С. 200.

⁴⁷ Европейская этическая хартия об использовании искусственного интеллекта в судебных системах и окружающих их реалиях (Страсбург, 3–4 декабря 2018 г.) // URL: <https://rm.coe.int/ru-ethical-charter-en-version-17-12-2018-mdl-06092019-2-/16809860f4> (дата обращения: 13.11.2021).

⁴⁸ Незнамов А. В. Указ. соч. С. 224.

подходы к использованию систем ИИ в процессе отправления правосудия, систематизировать направления и формы внедрения ИИ в правосудие. Для России это вопрос ближайшего будущего. Так, смарт-решения ИИ уже сейчас могут найти применение в разбирательствах по делам, в которых участие человека может обходиться лишь контролем (например, о долговых обязательствах). Передача ИИ однотипных дел, отмечают исследователи, позволит судье сосредоточиться на сложных уникальных делах, что значительно повысит уровень правосудия и судебных актов в условиях большой загруженности российских судов⁴⁹.

Представляется целесообразным принятие на законодательном уровне нормативного правового акта по аналогии с Европейской этической хартией о применении искусственного интеллекта в судебных системах, который определил бы характер взаимодействия человека и ИИ в правосудии.

С какой интенсивностью будут реализовываться данные меры и как скоро ИИ станет неотъемлемой частью систем правосудия во всем мире, будет зависеть от технологических прорывов последующего времени и от успешности смелых экспериментов, подобных китайскому.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Амиянц К. А., Чемеринский К. В.* Использование искусственного интеллекта в современной судебной системе и права человека // *Международный журнал гуманитарных и естественных наук.* — 2019. — № 11–3. — С. 49–52.
2. *Афанасьев А. Ю.* Искусственный интеллект или интеллект субъектов выявления, раскрытия и расследования преступлений: что победит? // *Библиотека криминалиста.* — 2018. — № 3 (38). — С. 28–34.
3. *Бирюков П. Н.* Искусственный интеллект и «предсказанное правосудие»: зарубежный опыт // *Lex russica.* — 2019. — № 11 (156). — С. 79–87.
4. *Закиров Р. Ф.* Использование современных IT-технологий как средство достижения основных задач судопроизводства // *Вестник гражданского процесса.* — 2018. — № 1. — С. 211–219.
5. *Залоило М. В., Пашенцев Д. А.* Национальный правопорядок в России в условиях цифровизации // *Вестник Санкт-Петербургского университета. Право.* — 2019. — Т. 10. — № 2. — С. 196–209.
6. *Колоколов Н. А.* Искусственный интеллект в правосудии — будущее неотвратимо // *Вестник Московского университета МВД России.* — 2021. — № 3. — С. 201–212.
7. *Котлярова В. В.* К вопросу о цифровизации процесса отправления правосудия // *Арбитражный и гражданский процесс.* — 2019. — № 12. — С. 46–49.
8. *Левченко Г.* Искусственный интеллект обучили распознавать ложь в суде. Он правильно делает это в 92 % случаев // URL: <https://republic.ru/posts/88575> (дата обращения: 20.07.2021).
9. *Нагорная М.* Искусственный интеллект в судопроизводстве, 2019 // URL: https://www.intellectpro.ru/press/commenters/iskusstvennyu_intellekt_v_sudoproizvodstve/ (дата обращения: 22.11.2021).
10. *Незнамов А. В.* Принципы использования технологий искусственного интеллекта в правосудии: европейский подход // *Образование и право.* — 2019. — № 5. — С. 222–227.
11. *Новикова К. С.* Искусственный интеллект как элемент электронного правосудия: смарт-решение и электронные весы правосудия // *Образование и право.* — 2020. — № 3. — С. 240–244.
12. *Приходько С. О., Калашникова Е. Б.* Цифровизация судебной системы // *Междисциплинарные исследования: опыт прошлого, возможности настоящего, стратегии будущего.* — 2020. — № 1. — С. 99–103.
13. *Рагимов И. М., Аликперов Х. Д.* «Электронные весы правосудия» (цели, возможности, преимущества) // *Уголовное судопроизводство.* — 2019. — № 3. — С. 8–14.

⁴⁹ *Закиров Р. Ф.* Указ. соч. С. 211.

14. *Bench-Capon T.* A History of AI and Law in 50 Papers: 25 Years of the International Conference on AI and Law // *Artificial Intelligence & Law*. — 2012. — Vol. 20. — No. 3. — P. 215–319.
15. *Eggers W. D.* AI-Augmented Government: Using Cognitive Technologies to Redesign Public Sector Work, 2017 // URL: <https://www2.deloitte.com/insights/us/en/focus/cognitive-technologies/artificial-intelligencegovernment.html> (дата обращения: 10.10.2021).
16. *Ji W.* The Digital Age and Re-Construction of the Legal Network: The Role of Information Technology in China's Judicial Reform // *Sociology of Law (Professional Journal of the Japanese Association of Sociological of Law)*. — 2001. — Vol. 54 — P. 222–235.
17. *Ji W.* The Change of Judicial Power in China in the Era of Artificial Intelligence // *Asian Journal of Law and Society*. — 2020. — No. 7. — P. 515–530.
18. *Kehl D., Guo P., Kessler S.* Algorithms in the Criminal law system: assessing the use of risk assessments in sentencing, 2017 // URL: <https://cyber.harvard.edu/node/99985> (дата обращения: 11.11.2021).
19. *McCarthy J.* Artificial Intelligence, Logic and Formalizing Common Sense, 1990 // URL: <http://jmc.stanford.edu/articles/ailogic.html> (дата обращения: 14.11.2021).
20. *Oswald E.* What Is Artificial Intelligence? Here's Everything You Need to Know, 2019 // URL: <https://www.digitaltrends.com/cool-tech/what-is-artificialintelligence-ai/> (дата обращения: 07.11.2021).
21. *Sanctis F. M.* Artificial Intelligence and Innovation in Brazilian Justice // *International Annals of Criminology*. — Vol. 59. — 2021. — P. 1–10.
22. *Surden H.* Artificial Intelligence and Law: An Overview // *Georgia State University Law Review*. — 2019. — Vol. 35. — No. 4. — P. 1304–1337.
23. *Surden H.* Machine Learning and Law // *Washington Law Review*. — 2014. — Vol. 89. — № 1. — P. 80–90.
24. *Surden H.* The Variable Determinacy Thesis // *Columbia Science and Technology Law Review*. — 2011. — Vol. 12. — No. 1. — P. 1–91.
25. *Tene O., Polonetsky J.* Taming the Golem: Challenges of Ethical Algorithmic Decision-Making // *North Carolina Journal of Law and Technology*. — 2017. — Vol. 19. — No. 1. — P. 125–143.
26. *Yablon C., Landsman-Roos N.* Predictive Coding: Emerging Questions and Concerns // *South Carolina Law Review*. — 2013. — Vol. 64. — No. 3. — P. 637–668.

Материал поступил в редакцию 1 января 2022 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Amiyants K. A., Chemerinskiy K. V. Ispolzovanie iskusstvennogo intellekta v sovremennoy sudebnoy sisteme i prava cheloveka // *Mezhdunarodnyy zhurnal gumanitarnykh i estestvennykh nauk*. — 2019. — № 11–3. — S. 49–52.
2. Afanasev A. Yu. Iskusstvennyy intellekt ili intellekt subektov vyyavleniya, raskrytiya i rassledovaniya prestupleniy: chto pobedit? // *Biblioteka kriminalista*. — 2018. — № 3 (38). — S. 28–34.
3. Biryukov P. N. Iskusstvennyy intellekt i «predskazannoe pravosudie»: zarubezhnyy opyt // *Lex russica*. — 2019. — № 11 (156). — S. 79–87.
4. Zakirov R. F. Ispolzovanie sovremennykh IT-tekhnologiy kak sredstvo dostizheniya osnovnykh zadach sudoproizvodstva // *Vestnik grazhdanskogo protsessa*. — 2018. — № 1. — S. 211–219.
5. Zaloilo M. V., Pashentsev D. A. Natsionalnyy pravoporyadok v Rossii v usloviyakh tsifrovizatsii // *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Pravo*. — 2019. — T. 10. — № 2. — S. 196–209.
6. Kolokolov N. A. Iskusstvennyy intellekt v pravosudii — budushchee neotvratimo // *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii*. — 2021. — № 3. — S. 201–212.
7. Kotlyarova V. V. K voprosu o tsifrovizatsii protsessa otpravleniya pravosudiya // *Arbitrazhnyy i grazhdanskiy protsess*. — 2019. — № 12. — S. 46–49.

8. Levchenko G. Iskusstvennyy intellekt obuchili raspoznavat lozh v sude. On pravilno delaet eto v 92 % sluchaev // URL: <https://republic.ru/posts/88575> (data obrashcheniya: 20.07.2021).
9. Nagornaya M. Iskusstvennyy intellekt v sudoproizvodstve, 2019 // URL: https://www.intellectpro.ru/press/commenters/iskusstvennyy_intellekt_v_sudoproizvodstve/ (data obrashcheniya: 22.11.2021).
10. Neznamov A. V. Printsipy ispolzovaniya tekhnologiy iskusstvennogo intellekta v pravosudii: evropeyskiy podkhod // *Obrazovanie i pravo*. — 2019. — № 5. — S. 222–227.
11. Novikova K. S. Iskusstvennyy intellekt kak element elektronnoy pravosudii: smart-reshenie i elektronnye vesy pravosudii // *Obrazovanie i pravo*. — 2020. — № 3. — S. 240–244.
12. Prikhodko S. O., Kalashnikova E. B. Tsifrovizatsiya sudebnoy sistemy // *Mezhdistsiplinarnye issledovaniya: opyt proshlogo, vozmozhnosti nastoyashchego, strategii budushchego*. — 2020. — № 1. — S. 99–103.
13. Ragimov I. M., Alikperov Kh. D. «Elektronnye vesy pravosudii» (tseli, vozmozhnosti, preimushchestva) // *Ugolovnoe sudoproizvodstvo*. — 2019. — № 3. — S. 8–14.
14. Bench-Capon T. A History of AI and Law in 50 Papers: 25 Years of the International Conference on AI and Law // *Artificial Intelligence & Law*. — 2012. — Vol. 20. — No. 3. — P. 215–319.
15. Eggers W. D. AI-Augmented Government: Using Cognitive Technologies to Redesign Public Sector Work, 2017 // URL: <https://www2.deloitte.com/insights/us/en/focus/cognitive-technologies/artificial-intelligencegovernment.html> (data obrashcheniya: 10.10.2021).
16. Ji W. The Digital Age and Re-Construction of the Legal Network: The Role of Information Technology in China's Judicial Reform // *Sociology of Law (Professional Journal of the Japanese Association of Sociological of Law)*. — 2001. — Vol. 54 — P. 222–235.
17. Ji W. The Change of Judicial Power in China in the Era of Artificial Intelligence // *Asian Journal of Law and Society*. — 2020. — No. 7. — P. 515–530.
18. Kehl D., Guo P., Kessler S. Algorithms in the Criminal law system: assessing the use of risk assessments in sentencing, 2017 // URL: <https://cyber.harvard.edu/node/99985> (data obrashcheniya: 11.11.2021).
19. McCarthy J. Artificial Intelligence, Logic and Formalizing Common Sense, 1990 // URL: <http://jmc.stanford.edu/articles/ailogic.html> (data obrashcheniya: 14.11.2021).
20. Oswald E. What Is Artificial Intelligence? Here's Everything You Need to Know, 2019 // URL: <https://www.digitaltrends.com/cool-tech/what-is-artificialintelligence-ai/> (data obrashcheniya: 07.11.2021).
21. Sanctis F. M. Artificial Intelligence and Innovation in Brazilian Justice // *International Annals of Criminology*. — Vol. 59. — 2021. — P. 1–10.
22. Surden H. Artificial Intelligence and Law: An Overview // *Georgia State University Law Review*. — 2019. — Vol. 35. — No. 4. — P. 1304–1337.
23. Surden H. Machine Learning and Law // *Washington Law Review*. — 2014. — Vol. 89. — № 1. — P. 80–90.
24. Surden H. The Variable Determinacy Thesis // *Columbia Science and Technology Law Review*. — 2011. — Vol. 12. — No. 1. — P. 1–91.
25. Tene O., Polonetsky J. Taming the Golem: Challenges of Ethical Algorithmic Decision-Making // *North Carolina Journal of Law and Technology*. — 2017. — Vol. 19. — No. 1. — P. 125–143.
26. Yablon C., Landsman-Roos N. Predictive Coding: Emerging Questions and Concerns // *South Carolina Law Review*. — 2013. — Vol. 64. — No. 3. — P. 637–668.

Договоры об оказании услуг в сфере использования «искусственного интеллекта» и технологий «искусственного интеллекта»: проблемы теории и практики

Аннотация. Отношения по созданию и использованию «искусственного интеллекта», технологий «искусственного интеллекта» многообразны. В исследуемой сфере применяются, в частности, договоры возмездного оказания услуг. В статье определены виды отношений по оказанию услуг в сфере использования «искусственного интеллекта» и технологий «искусственного интеллекта», выявлены их особенности. Проанализированы примеры из деловой практики — отдельные виды договоров в исследуемой области, дана критическая оценка их содержания, выявлены неточности, предложены способы корректировки содержания данных договоров. Исследованы проблемы, связанные с предоставлением исключительного права на «искусственный интеллект» (или технологию «искусственного интеллекта») при возмездном оказании услуг, а также связанные с электронным обменом данными, обеспечением конфиденциальности информации. В статье определена правовая природа договора о предоставлении удаленного доступа к программному обеспечению по технологии SaaS, выявлены особенности его содержания, даны практические рекомендации по составлению договоров данного вида.

Ключевые слова: договор; оказание услуг; «искусственный интеллект»; технологии «искусственного интеллекта»; удаленный доступ; технологии SaaS; лицензионный договор; исключительное право; конфиденциальность; заверения об обстоятельствах.

Для цитирования: Подузова Е. Б. Договоры об оказании услуг в сфере использования «искусственного интеллекта» и технологий «искусственного интеллекта»: проблемы теории и практики // Актуальные проблемы российского права. — 2022. — Т. 17. — № 8. — С. 59–67. — DOI: 10.17803/1994-1471.2022.141.8.059-067.

© Подузова Е. Б., 2022

* Подузова Екатерина Борисовна, кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права, доцент кафедры нотариата Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993
ekaterinak7785@yandex.ru

Service Contracts in the Field of the Use of “Artificial Intelligence” and “Artificial Intelligence” Technologies: Problems of Theory and Practice

Ekaterina B. Poduzova, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Department of Civil Law; Associate Professor, Department of Notary, Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
ul. Sadovaya-Kudrinskaya, d. 9, Moscow, Russia, 125993
ekaterinak7785@yandex.ru

Abstract. Relations in the field of creation and use of “artificial intelligence” and “artificial intelligence” technologies are diverse. In the field under study, in particular, contracts are applied to provide paid services. The paper defines the types of relations for the provision of services in the field of the use of “artificial intelligence” and “artificial intelligence” technologies and determines their essential features. The author analyzes cases from business practice – certain types of contracts in the field under study. The study provides a critical assessment of their content and identifies inaccuracies and proposes ways to adjust the content of such contracts. The author investigates the problems related to granting an exclusive right to “artificial intelligence” (or “artificial intelligence” technology) providing paid services and problems related to electronic data exchange and ensuring confidentiality of information. The paper defines a legal nature of the agreement on the provision of remote access to software using SaaS technology, identifies the features of its content, and gives practical recommendations for drafting contracts of this type.

Keywords: contract; provision of services; “artificial intelligence”; “artificial intelligence” technologies; remote access; SaaS technologies; license agreement; exclusive right; confidentiality; warranties and representations.

Cite as: Poduzova EB. Dogovory ob okazanii uslug v sfere ispolzovaniya «iskusstvennogo intellekta» i tekhnologiy «iskusstvennogo intellekta»: problemy teorii i praktiki [Service Contracts in the Field of the Use of “Artificial Intelligence” and “Artificial Intelligence” Technologies: Problems of Theory and Practice]. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2022;17(8):59-67. DOI: 10.17803/1994-1471.2022.141.8.059-067 (In Russ., abstract in Eng.).

Создание и применение «искусственного интеллекта» и технологий «искусственного интеллекта» взаимосвязано с договорами возмездного оказания услуг. Можно выделить четыре области использования этих договоров. Во-первых, ряд услуг (например, медицинские, информационные) могут быть оказаны с применением данных результатов интеллектуальной деятельности. Во-вторых, при использовании «искусственного интеллекта», программного обеспечения функционирования РТУ с помощью технологии SaaS (технологии удаленного доступа) заключается договор об обслуживании пользователя в целях удаленного применения программного обеспечения. В-третьих, в случае приобретения права использования в коммерческих целях «искусственного интеллекта», технологии «искусственного интеллекта» возникает необходимость в адаптации деятельности пользователя к особенностям применения данных объектов, для целей адаптации целе-

сообразно использовать договор возмездного оказания услуг правообладателем по внедрению «искусственного интеллекта», технологий «искусственного интеллекта» в деятельность пользователя. В-четвертых, для продвижения на рынке компьютерных программ, функционирующих на определенных алгоритмах («искусственный интеллект») и РТУ (материальное воплощение технологий «искусственного интеллекта») применяются договоры возмездного оказания рекламных услуг.

Для всех вышеуказанных договоров возмездного оказания услуг в сфере использования «искусственного интеллекта», технологий «искусственного интеллекта» подлежат применению нормы гл. 39 ГК РФ, посвященной регулированию отношений возмездного оказания услуг, с учетом положений п. 2 ст. 779 ГК РФ. Помимо норм данной главы, к отдельным видам оказания услуг подлежат применению иные нормативные правовые акты — Федеральный

закон «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации»¹, постановление Правительства РФ «Об утверждении Правил предоставления медицинскими организациями платных медицинских услуг»², Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»³, Федеральный закон «О рекламе»⁴ и ряд других.

В договоре возмездного оказания услуг с использованием «искусственного интеллекта», технологий «искусственного интеллекта» необходимо предусмотреть предоставление исключительного права на эти результаты интеллектуальной деятельности (неисключительная лицензия). Такой договор возмездного оказания услуг имеет смешанную правовую природу и состоит из элементов договора возмездного оказания услуг и лицензионного договора.

Согласно ст. 783.1 ГК РФ в договоре об оказании услуг по предоставлению информации может быть предусмотрена обязанность одной из сторон или обеих сторон не совершать в течение определенного периода действий, в результате которых информация может быть раскрыта третьим лицам. Представляется, что обязанность обеспечить конфиденциальность информации, ставшей известной при заключении и исполнении договора возмездного оказания услуг с использованием «искусственного интеллекта», технологий «искусственного интеллекта» должна быть предусмотрена в каждом договоре этого типа.

В договоре об обслуживании пользователя при удаленном доступе к «искусственному интеллекту» и к программному обеспечению функционирования РТУ (SaaS), в договоре возмездного оказания услуг правообладателем по внедрению «искусственного интеллекта», технологий «искусственного интеллекта» в деятельность пользователя, в договоре об ока-

зании рекламных услуг по продвижению на рынке «искусственного интеллекта», технологии «искусственного интеллекта» целесообразно указать, кто является обладателем исключительного права на данные результаты интеллектуальной деятельности, а также согласовать условия об обеспечении конфиденциальности информации, ставшей известной в ходе заключения и исполнения этих договоров.

Рассмотрим подробнее условия данных договоров.

Согласно нормам гл. 39 ГК РФ о возмездном оказании услуг существенным условием договора признается только условие о его предмете. Иные условия, в том числе условие о цене, не признаются в качестве существенных. Применение п. 3 ст. 424 ГК РФ об определении условия о цене договора исходя из аналогичной цены товаров, работ, услуг не представляется возможным для договоров возмездного оказания услуг с использованием «искусственного интеллекта», технологий «искусственного интеллекта». По этой причине для данных договоров условие о цене является существенным.

Правила ст. 780 ГК РФ о личном исполнении договора возмездного оказания услуг необходимо трактовать для исследуемых отношений с учетом того, что лицо, оказывающее услуги с применением «искусственного интеллекта», технологий «искусственного интеллекта», должно обладать исключительным правом на данные результаты интеллектуальной деятельности как создатель, организатор создания этих объектов или как лицо, которое стало правообладателем на основании договора об отчуждении исключительных прав на «искусственный интеллект», технологию «искусственного интеллекта», либо как лицо, которое приобрело право использования данных объектов в силу лицензионного договора, допускающего даль-

¹ Федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2011. № 48. Ст. 6724.

² Постановление Правительства РФ от 04.10.2012 № 1006 «Об утверждении Правил предоставления медицинскими организациями платных медицинских услуг» // СЗ РФ. 2012. № 41. Ст. 5628.

³ Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // СЗ РФ. 2006. № 31 (1 ч.). Ст. 3448.

⁴ Федеральный закон от 13.03.2006 № 38-ФЗ «О рекламе» // СЗ РФ. 2006. № 12. Ст. 1232.

нейшее предоставление права использования третьим лицам по модели сублицензии.

В договор об оказании услуг с использованием «искусственного интеллекта», технологий «искусственного интеллекта» необходимо включить условие об основании предоставления лицом, оказывающим услуги, права использования этих результатов интеллектуальной деятельности. В случае если исполнитель приобрел исключительное право по договору об отчуждении исключительного права или право использования этих объектов на основании лицензионного договора, целесообразно в договор об оказании услуг включить условие о реквизитах данных договоров. При возникновении у исполнителя права использования «искусственного интеллекта», технологий «искусственного интеллекта» на основании лицензионного договора в договор об оказании услуг с использованием данных объектов необходимо включить заверение о том, что срок действия лицензионного договора не истек. Соответствие этого заверения действительности целесообразно обеспечить неустойкой.

Согласно п. 1 ст. 782 ГК РФ заказчик вправе отказаться от исполнения договора возмездного оказания услуг при условии оплаты исполнителю фактически понесенных им расходов. Верховный Суд РФ справедливо отмечает, что отсутствие в специальных нормативных актах указания на возможность немотивированного одностороннего отказа от исполнения договора не означает, что такого права у заказчика не имеется⁵. Условие об отказе от данного права, предусмотренное в договоре об оказании услуг с использованием «искусственного интеллекта», технологий «искусственного интеллекта», недействительно.

В силу п. 2 ст. 782 ГК РФ исполнитель вправе отказаться от исполнения обязательств по договору возмездного оказания услуг лишь при условии полного возмещения заказчику убытков. В то же время Верховный Суд РФ разъясняет, что односторонний отказ исполнителя от исполнения публичного договора возмездного оказания услуг в отсутствие нарушений со стороны потребителя не допускается⁶. Изменение соглашением сторон оснований и порядка отказа исполнителя от исполнения договора возмездного оказания услуг является недействительным как несоответствующее закону. Данные условия, включенные в договор об оказании услуг с использованием «искусственного интеллекта», технологий «искусственного интеллекта», недействительны.

Рассмотрим пример из деловой практики. Неотъемлемой частью договора между пользователем и владельцем агрегатора «Авито» являются условия использования «Авито»⁷. ООО «КЕХ еКоммерц» оказывает услуги по первичной обработке и размещению объявлений в каталоге «Авито» с помощью программных алгоритмов. Дополнительно ООО «КЕХ еКоммерц» оказывают услуги по продвижению бизнес-объявлений, при этом цена оказания услуг на сайте не представлена⁸.

Пользователи сервиса «Авито» используют программное обеспечение, исключительное право на которое принадлежит ООО «КЕХ еКоммерц». В то же время условия использования «Авито» не содержат информации о предоставлении пользователю права использования программного обеспечения по правилам лицензионного договора. Администрация сайта «Авито» выборочно осуществляет проверку сведений, предоставленных пользователями, также не га-

⁵ См.: Обзор судебной практики Верховного Суда РФ № 1 (2018) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 28.03.2018) // СПС «КонсультантПлюс».

⁶ См.: Обзор судебной практики по делам о защите прав потребителей (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 20.10.2021) // СПС «КонсультантПлюс»; постановление Пленума Верховного Суда РФ от 25.12.2018 № 49 «О некоторых вопросах применения общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации о заключении и толковании договора» // СПС «КонсультантПлюс».

⁷ URL: https://m.avito.ru/info/polzovatel'skoe_soglashenie (дата обращения: 27.02.2022).

⁸ Avito для бизнеса // URL: <https://www.avito.ru/performance> (дата обращения: 27.02.2022).

рантируется обеспечение конфиденциальности сведений⁹.

В противоречие с положениями Федерального закона «О персональных данных» пользователь не подписывает отдельное согласие на их обработку, по сути, согласие на обработку персональных данных пользователя подразумевается в тексте условий использования «Авито». ООО «КЕХ еКоммерц» не принимает на себя обязанности по верификации пользователей сервиса «Авито» и не несет ответственности за ее неисполнение. Все риски взаимодействия с контрагентами принимает на себя пользователь. ООО «КЕХ еКоммерц» не гарантирует также защиту персональных данных пользователя. По существу, используя сервис «Авито» без юридических на то оснований (исключительное право на использование сервиса пользователю не предоставляется), он взаимодействует с контрагентом, найденным с помощью этого сервиса, на свой страх и риск. В условиях использования «Авито» отсутствуют обязанности у правообладателя — ООО «КЕХ еКоммерц». При таких обстоятельствах правоотношение между данной организацией и пользователем не возникает, всё взаимодействие между ними происходит в среде, не урегулированной правом. У правообладателя есть право, но не обязанность верифицировать пользователей. В случае спора между пользователями представляется затруднительным доказать совпадение реальной личности пользователя и его цифровой проекции.

Условия использования «Авито» являются не единственным практическим примером фактического (но не юридического) взаимодействия пользователя и правообладателя программного обеспечения при оказании услуг в цифровой среде. Фактическое взаимодействие удобно и экономически выгодно для правообладателя, поскольку он не может быть привлечен к юридической ответственности в связи с тем, что не несет никаких обязанностей и лишь обрабаты-

вает информацию, предоставленную пользователями. Оказание услуг за пределами нормативного регулирования создает благоприятную среду для совершения мошеннических действий.

Фактическое оказание услуг недопустимо применять в контексте использования «искусственного интеллекта», технологий «искусственного интеллекта». Наличие фактических отношений, непредоставление исключительного права на данные результаты интеллектуальной деятельности создает угрозу нарушения прав не только пользователя, но и правообладателя. «искусственный интеллект», технологии «искусственного интеллекта», сопутствующая им документация могут быть неправомерно использованы, причиняя правообладателю существенный имущественный вред.

В доктрине отношения удаленного доступа к программному обеспечению (SaaS) неоднозначно квалифицируются.

Так, в решении, подготовленном специалистами АО «КонсультантПлюс», даются следующие рекомендации: *«Полагаем, что предоставление удаленного доступа к программе, действительно, обладает признаками услуги (п. 1 ст. 779 ГК РФ)»* (выделено нами. — Е. П.). Такой вывод можно сделать исходя из того, что исполнитель совершает определенные действия в пользу заказчика, но не передает ему во владение или пользование какую-либо вещь... *Полагаем, что в случае спора нельзя исключать признание подобного договора смешанным или непоименованным* (выделено нами. — Е. П.)¹⁰.

А. И. Савельев указывает: *«Квалификация SaaS по модели договора возмездного оказания услуг позволяет подчеркнуть наличие у провайдера таких сервисов статуса информационного посредника. Это позволяет им воспользоваться специальными положениями об освобождении от ответственности при распространении запрещенных видов информации с использованием их сервисов»* (выделено нами. — Е. П.)¹¹.

⁹ Условия использования «Авито».

¹⁰ Готовое решение : Как передать права на программное обеспечение. Подготовлен специалистами АО «КонсультантПлюс». 2021 // СПС «КонсультантПлюс».

¹¹ Савельев А. И. Электронная коммерция в России и за рубежом: правовое регулирование. 2-е изд. М. : Статут, 2016.

На сайте microsoft.com, в частности, представлена следующая информация о SaaS «Программное обеспечение как услуга (SaaS) (выделено нами. — Е. П.) позволяет пользователям подключаться к облачным приложениям и использовать их через Интернет. Стандартными примерами могут быть электронная почта, ведение календаря и офисные средства (например, Microsoft Office 365)»¹².

Использование терминологии, понятной для программистов, не во всех случаях применимо для аргументации правовой квалификации договора. Программное обеспечение как совокупность программ для ЭВМ, баз данных и т.п. по своей правовой природе не может быть квалифицировано в качестве услуги. Необходимо разграничивать программное обеспечение как сложный объект (результат интеллектуальной деятельности) и оказание услуг правообладателем по предоставлению удаленного доступа к такому программному обеспечению.

Информация не относится к самостоятельным объектам гражданских прав, предлагаемые А. И. Савельевым «условия договоров, предоставляющие провайдеру определенные права на информацию, размещаемую пользователями в облаке в процессе исполнения договора», лишены юридического смысла.

Договор о предоставлении удаленного доступа к «искусственному интеллекту» и к программному обеспечению функционирования РТУ относится к числу смешанных договоров, включающих элементы лицензионного договора и договора возмездного оказания услуг.

Рассмотрим пример из деловой практики — публичную оферту о заключении договора о предоставлении доступа к программному обеспечению по модели SaaS¹³.

Условие о предмете договора о предоставлении доступа к программному обеспечению по модели SaaS сформулировано по аналогии с правилами о лицензионном договоре. В договоре закреплены заверения об обстоятельствах, однако действительность данных заверений не обеспечена неустойкой. Заслуживает поддерж-

ки указание в исследуемом договоре заверений об обстоятельствах, касающихся тождества реальной личности сторон и их цифровой проекции, наличия необходимых прав и полномочий для его заключения и исполнения.

В условиях о конфиденциальности информации, ставшей известной сторонам при заключении и исполнении договора, также содержится правило о гарантировании определенного обстоятельства. В исследуемой публичной оферте предусмотрены условия, ограничивающие ответственность правообладателя (SaaS-провайдера). Помимо указанных выше условий о конфиденциальности, публичная оферта содержит отдельный раздел о конфиденциальности.

Следует поддержать выбранный составителями публичной оферты подход к описанию условий о конфиденциальности. Подробное изложение условий о режиме конфиденциальности любой информации, ставшей известной в ходе заключения и исполнения договора, позволяет защитить стороны от несанкционированного ее разглашения. Представляется удачным также включение в публичную оферту условий об исключениях из режима конфиденциальности, в частности условий о возможности обработки SaaS-провайдером обезличенной информации, полученной от партнера. Соблюдение условий договора о конфиденциальности целесообразно обеспечивать неустойкой в виде штрафа.

Партнер отдельно не подписывает договор об организации обработки персональных данных SaaS-провайдером, построенный по модели договора об организации совместной деятельности. Данные организационные условия включены в текст публичной оферты.

Договор о предоставлении удаленного доступа к программному обеспечению по технологии SaaS предполагает использование элементов двух договоров — лицензионного договора и договора возмездного оказания услуг. В то же время в исследуемой публичной оферте предоставление права использования программного обеспечения прямо не предусматривается, а лишь подразумевается, не закреплены в этой

¹² URL: <https://azure.microsoft.com/ru-ru/overview/what-is-SaaS/> (дата обращения: 25.02.2022).

¹³ URL: https://b2b-connect.ru/media/documents/offer_SaaS.html (дата обращения: 25.02.2022).

публичной оферте и способы использования программного обеспечения, ряд способов использования возможно установить посредством анализа условий о правах и об обязанностях сторон предлагаемого к заключению договора. Условий об оказании услуг по предоставлению удаленного доступа к программному обеспечению по технологии SaaS в этой публичной оферте не предусмотрено, к данным услугам применяются общие положения ГК РФ о возмездном оказании услуг. Нечеткость формулировки условий, относящихся к существенным условиям лицензионного договора, повышает риск признания договора о предоставлении доступа к программному обеспечению по модели SaaS незаключенным.

При составлении договора о предоставлении удаленного доступа к «искусственному интеллекту», программе для функционирования РТУ по модели SaaS необходимо согласовать существенные условия лицензионного договора о предоставлении права пользования этими программами и условие о предмете договора возмездного оказания услуг по предоставлению удаленного доступа к данным программам. В договоре следует предусмотреть условие о цене предоставления исключительного права и условие о цене обслуживания удаленного доступа.

Помимо этого, в договоре о предоставлении удаленного доступа к «искусственному интеллекту», программе для функционирования РТУ по модели SaaS целесообразно указать заверения об обстоятельствах, соответствие действительности которых обеспечивается неустойкой в виде штрафа, условия о конфиденциальности информации, об идентификации и аутентификации сторон договора и их сотрудников (соблюдение сторонами данных условий также целесообразно обеспечить неустойкой в виде штрафа), условия о порядке обработки персональных данных и подписания согласия на их обработку, о содержании такого согласия.

Как было отмечено нами выше, к договору возмездного оказания услуг правообладателем по внедрению «искусственного интеллекта», технологий «искусственного интеллекта» в дея-

тельность пользователя применяются нормы гл. 39 ГК РФ о возмездном оказании услуг. Для выявления специфики данного договора рассмотрим пример из деловой практики — договор оказания услуг по внедрению программного обеспечения¹⁴.

В данном примере представлен классический подход к описанию условия о предмете договора возмездного оказания услуг. Иные условия договора также являются примером классического содержания договора возмездного оказания услуг (см. разд. 2–8 данного договора). Содержание лицензионного соглашения не раскрывается в данном договоре.

Для договора возмездного оказания услуг правообладателем по внедрению «искусственного интеллекта», технологий «искусственного интеллекта» в деятельность пользователя содержание лицензионного договора имеет большое значение. В тексте данного договора возмездного оказания услуг необходимо сделать ссылку к лицензионному договору либо можно использовать лицензионный договор в качестве приложения к такому договору.

Услуги по внедрению «искусственного интеллекта», технологий «искусственного интеллекта» в деятельность пользователя могут быть оказаны не только правообладателем, но и третьим лицом, личность которого должна быть согласована пользователем и правообладателем. В этом случае между правообладателем и третьим лицом должен быть заключен лицензионный договор об использовании «искусственного интеллекта», технологии «искусственного интеллекта» данным лицом в целях их внедрения в деятельность пользователя. В соответствующем договоре возмездного оказания услуг между пользователем и третьим лицом должна содержаться ссылка на этот лицензионный договор.

К договору возмездного оказания рекламных услуг для продвижения на рынке компьютерных программ, функционирующих на определенных алгоритмах («искусственный интеллект») и РТУ (материальное воплощение технологий «искусственного интеллекта»), помимо норм

¹⁴ Форма : Договор оказания услуг по внедрению программного обеспечения. Подготовлен Малеевой Н. Д. для системы «КонсультантПлюс», 2021 // СПС «КонсультантПлюс».

гл. 39 ГК РФ, применяется Федеральный закон «О рекламе», в частности нормы глав 1 и 2.

Рекламодателем является лицо, обладающее исключительным правом на «искусственный интеллект», технологию «искусственного интеллекта». Если такое лицо обладает правом использования данных результатов интеллектуальной деятельности на основании лицензионного договора или договора коммерческой концессии, то в таких договорах должно быть предусмотрено право пользователя выступать в качестве рекламодателя.

Если рекламопроизводителю при создании рекламы необходимо продемонстрировать возможности использования «искусственного интеллекта», технологий «искусственного интеллекта» в определенных сферах деятельности, то между правообладателем (рекламодателем) и рекламопроизводителем должен быть заключен лицензионный договор о предоставлении права использования «искусственного интеллекта» или технологии «искусственного интеллекта» в целях создания рекламы. Условия лицензионного договора могут быть включены в соответствующий договор возмездного оказания услуг. В таком договоре также необходимо указать, что исключительное право на рекламный продукт принадлежит рекламодателю.

Рекламодатель (правообладатель «искусственного интеллекта», технологии «искусственного интеллекта») заключает договор возмездного оказания услуг по распространению рекламы с рекламораспространителем.

Рассмотрим пример из деловой практики — договор возмездного оказания рекламных услуг¹⁵.

В законодательстве отсутствует запрет совпадения рекламопроизводителя и рекламораспространителя в одном лице. Такой подход был выбран для исследуемой формы договора. В этом договоре также предусмотрены: условие о цене, сроке и порядке оказания услуг, сроке действия договора, об ответственности сторон и о форс-мажорных обстоятельствах, порядке разрешения споров. Содержание

данной формы договора представляется актуальным для договора возмездного оказания рекламных услуг для продвижения на рынке компьютерных программ, функционирующих на определенных алгоритмах («искусственный интеллект») и РТУ (материальное воплощение технологий «искусственного интеллекта»). В то же время в такой договор необходимо включить условие об обеспечении конфиденциальности информации, о порядке передачи сведений об «искусственном интеллекте», о технологии «искусственного интеллекта», необходимых для создания и распространения рекламы, условие о том, кому принадлежит исключительное право на рекламный продукт (целесообразно, чтобы правообладателем был заказчик).

Рассмотрев договоры об оказании услуг в сфере использования «искусственного интеллекта» и технологий «искусственного интеллекта», необходимо отметить следующее.

В зависимости от области применения данные договоры делятся на четыре вида: договор возмездного оказания услуг с использованием «искусственного интеллекта», технологий «искусственного интеллекта»; договор о предоставлении удаленного доступа к «искусственному интеллекту», к программному обеспечению функционирования РТУ с помощью технологии SaaS; договор возмездного оказания услуг по внедрению «искусственного интеллекта», технологий «искусственного интеллекта» в деятельность пользователя; договор возмездного оказания рекламных услуг по продвижению «искусственного интеллекта», технологий «искусственного интеллекта» на рынке.

В каждом из договоров необходимо указать принадлежность исключительного права на данные объекты. Договор возмездного оказания услуг с использованием «искусственного интеллекта», технологий «искусственного интеллекта», договор о предоставлении удаленного доступа к «искусственному интеллекту», к программному обеспечению функционирования РТУ с помощью технологии SaaS содержат элементы лицензионного договора. Договор

¹⁵ Форма : Договор возмездного оказания рекламных услуг. Подготовлен Малеевой Н. Д. для системы «КонсультантПлюс», 2021 // СПС «КонсультантПлюс».

возмездного оказания рекламных услуг по продвижению «искусственного интеллекта», технологий «искусственного интеллекта» на рынке может содержать элементы лицензионного договора, если для создания рекламы требуется демонстрация использования данных результатов интеллектуальной деятельности.

В каждом из четырех видов договоров необходимо предусмотреть условия об обеспечении

конфиденциальности. В договоре возмездного оказания услуг с использованием «искусственного интеллекта», технологий «искусственного интеллекта», в договоре о предоставлении удаленного доступа к «искусственному интеллекту», к программному обеспечению функционирования РТУ с помощью технологии SaaS целесообразно указать порядок идентификации и аутентификации пользователя.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Савельев А. И.* Электронная коммерция в России и за рубежом: правовое регулирование. — 2-е изд. — М. : Статут, 2016.

Материал поступил в редакцию 28 февраля 2022 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Savelev A. I. Elektronnaya kommertsiya v Rossii i za rubezhom: pravovoe regulirovanie. — 2-e izd. — M.: Statut, 2016.

Цифровое посредничество и потребительские отношения: правовая природа и ответственность

Аннотация. Статья посвящена исследованию вопроса информационного посредничества в цифровой среде, определению места владельцев агрегаторов в системе потребительских отношений, а также разработке общего правила создания унифицированной формулы порядка определения объема прав, обязанностей и пределов ответственности у цифровых посредников в потребительских правоотношениях.

На основе проведенного исследования автор заключает, что потребительские отношения, в которых сделки совершаются с участием владельцев агрегаторов, свидетельствуют о наличии такого явления, как цифровое (онлайн) посредничество, проявление которого имеет характерные черты, зависящие от степени влияния (вовлеченности) деятельности владельцев агрегаторов на непосредственных участников таких отношений, т.е. на коммерсантов и потребителей. Отмечается также, что роль и функция цифрового посредника ставятся в зависимость от вовлеченности последнего в отношения между коммерсантами и потребителями. В целях определения объема прав, обязанностей и пределов ответственности цифровых посредников допустимо использовать следующую формулу: чем больше вовлеченность цифрового посредника в отношения между коммерсантами и потребителями, тем больше прав, обязанностей и ответственности возникает у него при взаимодействии с непосредственными участниками потребительских отношений.

Ключевые слова: информационный посредник; владелец агрегатора; цифровой посредник; потребитель; продавец; внимание потребителя; ответственность владельца агрегатора; вовлеченность агрегатора в потребительские отношения; цифровизация; предпринимательское право; ритейл.

Для цитирования: Белов В. А. Цифровое посредничество и потребительские отношения: правовая природа и ответственность // Актуальные проблемы российского права. — 2022. — Т. 17. — № 8. — С. 68–82. — DOI: 10.17803/1994-1471.2022.141.8.068-082.

© Белов В. А., 2022

* Белов Валерий Александрович, кандидат юридических наук, руководитель группы «Розничная и оптовая торговля» юридического департамента INGKA Group Russia, доцент кафедры предпринимательского и корпоративного права Российского государственного университета правосудия (РГУП), редактор Дайджеста новостей торгового и потребительского права юридического института «М-Логос»
ул. Академика Янгеля, д. 14, корп. 2, кв. 221, г. Москва, Россия, 127534
89152887925@mail.ru

Digital Intermediation and Consumer Relations: Legal Nature and Responsibility

Valeriy A. Belov, Cand. Sci. (Law), Head of the Retail and Wholesale Trade Group, INGKA Group Russia Legal Department; Associate Professor, Department of Business and Corporate Law, Russian State University of Justice (RSUJ); Editor, Digest of Trade and Consumer Law News, M-Logos Law Institute
ul. Akademika Yangelya, d. 14, korp. 2, kv. 221, Moscow, Russia, 127534
89152887925@mail.ru

Abstract. The paper is devoted to the study of the issue of information intermediation in the digital environment, determination of the place of the aggregators' owners in the system of consumer relations and development of a general rule aimed at creating a uniform formula for determining the scope of rights, obligations and limits of responsibility of digital intermediaries in consumer legal relationships.

Based on the conducted research, the author concludes that consumer relationships when transactions are made with the participation of the owners of aggregators indicate the existence of such a phenomenon as digital (online) intermediation, the manifestation of which has characteristic features depending on the degree of influence (involvement) of the activities of the owners of aggregators on the direct participants of such relations, i.e. on entrepreneurs and consumers. It is also noted that the role and function of a digital intermediary are made dependent on the involvement of the latter in the relationship between merchants and consumers. In order to determine the scope of rights, obligations and limits of responsibility of digital intermediaries, it is permissible to use the following formula: the greater the involvement of a digital intermediary in the relationship between entrepreneurs and consumers, the more rights, duties and responsibilities arise for the intermediary when interacting with direct participants in consumer relations.

Keywords: information intermediary; aggregator owner; digital intermediary; consumer; seller; consumer attention; responsibility of the aggregator owner; aggregator involvement in consumer relations; digitalization; business law; retail.

For citation: Belov VA. Tsifrovoye posrednichestvo i potrebitelskie otnosheniya: pravovaya priroda i otvetstvennost [Digital Intermediation and Consumer Relations: Legal Nature and Responsibility]. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2022;17(8):68-82. DOI: 10.17803/1994-1471.2022.141.8.068-082 (In Russ., abstract in Eng.).

Объявление есть двигатель торговли.
Людвиг Метцель

Наличие товаров у предпринимателя или умений у мастера само по себе не создает возможности для заработка и продвижения, поскольку условия для осуществления коммерческой деятельности возникают исключительно при наличии потребителей соответствующих благ, а известный тезис «спрос рождает предложение» находит свое логическое подтверждение. Однако помимо поставки товара и выполнения работ, одной из главных задач, стоящих перед коммерсантами, является привлечение внимания все большего круга потребителей к продвигаемым ими объектам гражданского оборота, т.е. завоевание рынка. Именно по-

этому появляется спрос на услуги, связанные с продвижением информации о товарах, работах и услугах, а следовательно, и субъекты общественных отношений, желающие осуществлять такого рода деятельность, т.е. за вознаграждение привлечь внимание конечных потребителей к соответствующим товарам и услугам, которые предприниматели готовы продавать или оказывать, делясь процентом от прибыли с такими лицами — информационными посредниками. Как отмечается в юридической литературе, ключевым элементом электронной коммерции является электронный маркетинг — рекламирование перечисленных объектов с

целью ускорения их продажи в сети Интернет или в реальности. Ведущим субъектом такой маркетинговой деятельности выступает информационный посредник — лицо, самостоятельно не размещающее собственные материалы, но предоставляющее третьим лицам возможность загрузки, размещения, распространения и осуществления иных операций с контентом¹.

С точки зрения действующего законодательного регулирования (ст. 1253.1 ГК РФ²) под информационным посредником понимается один из следующих субъектов:

- лицо, осуществляющее передачу материала в информационно-телекоммуникационной сети, в том числе в сети Интернет;
- лицо, предоставляющее возможность размещения материала или информации, необходимой для его получения с использованием информационно-телекоммуникационной сети;
- лицо, предоставляющее возможность доступа к материалу в этой сети.

Исходя из определения термина «информационный посредник» наглядно усматривается тенденция, связанная с цифровизацией фактических отношений, а также способов доведения информации до потенциальных покупателей. От газет и объявлений, отправляемых по почте, происходит переход к цифровым способам: информированию в социальных сетях, мобильных приложениях, всплывающих строках при открытии компьютерных программ или посредством отправления рассылок в зависимости от контекстного поиска пользователей персональных компьютеров.

В юридической литературе к информационным посредникам относят операторов связи, провайдеров, торговых информационных посредников (например, владельцев агрегаторов) и т.п.³ Действительно, одним из наиболее распространенных видов информационных посредников являются владельцы агрегаторов, которые в настоящее время консолидируют (агрегируют) процессы взаимодействия между продавцами материальных и нематериальных благ и потребителями. В свою очередь, в законодательстве и юридической литературе в зависимости от сферы затрагиваемых отношений выделяются следующие разновидности владельцев агрегаторов:

- 1) *владелец новостного агрегатора* — владелец программы для электронных вычислительных машин, владелец сайта и (или) страницы сайта в сети Интернет, которые используются для обработки и распространения новостной информации в сети Интернет на государственном языке Российской Федерации, государственных языках республик в составе Российской Федерации или иных языках народов Российской Федерации, на которых может распространяться реклама, направленная на привлечение внимания потребителей, находящихся на территории Российской Федерации, и доступ к которым в течение суток составляет более одного миллиона пользователей сети Интернет⁴;
- 2) *владелец агрегатора информации о товарах (услугах)* — организация независимо от организационно-правовой формы либо индивидуальный предприниматель, кото-

¹ Кулезин М. А. Особенности ответственности информационного посредника — своевременные, необходимые и достаточные меры после уведомления правообладателя // Е-commerce и взаимосвязанные области (правовое регулирование) : сборник статей / А. А. Богустов, О. Н. Горохова, Д. А. Доротенко [и др.] ; рук. авт. кол. и отв. ред. М. А. Рожкова. М. : Статут, 2019.

² Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18.12.2006 № 230-ФЗ (ред. от 11.06.2021) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2022) // СЗ РФ. 2006. № 52 (ч. 1). Ст. 5496.

³ Тарасенкова А. Н. Информационное право: возрастная маркировка, цифровая безопасность и другие вопросы. М. : Редакция «Российской газеты», 2019. Вып. 20.

⁴ П. 2 постановления Правительства РФ от 27.12.2010 № 1172 (ред. от 25.12.2021) «Об утверждении Правил оптового рынка электрической энергии и мощности и о внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации по вопросам организации функционирования оптового рынка электрической энергии и мощности» // СЗ РФ. 2011. № 14. Ст. 1916.

- рые являются владельцами программы для электронных вычислительных машин и (или) владельцами сайта, и (или) страницы сайта в информационно-телекоммуникационной сети Интернет и которые предоставляют потребителю в отношении определенного товара (услуги) возможность одновременно ознакомиться с предложением продавца (исполнителя) о заключении договора купли-продажи товара (договора возмездного оказания услуг), заключить с продавцом (исполнителем) договор купли-продажи (договор возмездного оказания услуг), а также произвести предварительную оплату указанного товара (услуги) путем наличных расчетов либо перевода денежных средств владельцу агрегатора в рамках применяемых форм безналичных расчетов в соответствии с п. 3 ст. 16.1 Закона РФ от 07.02.1992 № 2300-1 «О защите прав потребителей» и Федеральным законом от 27.06.2011 № 161-ФЗ «О национальной платежной системе»⁵;
- 3) *агрегатор управления спросом на электрическую энергию* — субъект электроэнергетики или потребитель электрической энергии, заключивший в соответствии с Правилами отбора субъектов электроэнергетики и потребителей электрической энергии, оказывающих услуги по обеспечению системной надежности, и оказания таких услуг⁶ договор оказания услуг по управлению спросом на электрическую энергию с системным оператором и заключивший на период действия указанного договора договор (договоры) оказания услуг по изменению нагрузки с потребителем и (или) потребителями розничного рынка электрической энергии;
- 4) *единый агрегатор торговли* — автоматизированная информационная система, созданная в соответствии с распоряжением Правительства РФ от 28.04.2018 № 824-р⁷, обеспечивающая осуществление заказчиками государственных закупок в рамках Федерального закона от 05.04.2013 № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд»⁸, а также иных закупок, осуществляемых юридическими и физическими лицами⁹;
- 5) *платежный агрегатор* — юридическое лицо, привлекаемое оператором по переводу денежных средств в соответствии со ст. 14.1 Федерального закона № 161-ФЗ в целях:
- а) обеспечения приема электронных средств платежа юридическими лицами, индивидуальными предпринимателями и иными лицами, указанными в ч. 13 ст. 14.1 Федерального закона № 161-ФЗ;
- б) участия в переводе денежных средств в пользу юридических лиц, индивидуальных предпринимателей и иных лиц по операциям с использованием электронных средств платежа¹⁰;
- б) *торговый агрегатор* используется для обозначения электронной торговой площадки, на которой продавцы выставляют информацию о продаваемом товаре; покупатели, выбрав подходящий товар, заключают с продавцами договор купли-продажи (в элек-

⁵ Преамбула Закона РФ от 07.02.1992 № 2300-1 (ред. от 11.06.2021) «О защите прав потребителей» // СЗ РФ. 1996. № 3. Ст. 140.

⁶ Постановление Правительства РФ от 03.03.2010 № 117 // URL: <https://base.garant.ru/12174023/>.

⁷ Распоряжение Правительства РФ от 28.04.2018 № 824-р «О создании единого агрегатора торговли» // СПС «КонсультантПлюс».

⁸ СПС «КонсультантПлюс».

⁹ Регламент функционирования единого агрегатора торговли. Версия от 31.08.2021, утв. приказом АО «РТ-Проектные технологии» от 31.08.2021 № 46 // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁰ Ст. 3 Федерального закона от 27.06.2011 № 161-ФЗ (ред. от 02.07.2021) «О национальной платежной системе» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.12.2021) // СЗ РФ. 2011. № 27. Ст. 3872.

тронной форме); осуществляется предварительная оплата товара и т.д.¹¹

Одним из распространенных видов информационных посредников являются владельцы агрегаторов, однако относительно их правового статуса на практике и в юридической литературе возникают споры и дискуссии. Так, ряд авторов относит владельцев агрегаторов к категории информационных посредников, определяя отношения, которые строятся по одной из следующих моделей: модель представительства; модель комиссии; модель передачи товаров, выполнения работ, оказания услуг; смешанная модель; модель *sui generis*¹². В качестве обоснования данного тезиса авторы указывают, что агрегаторы стремятся максимально дистанцироваться от участия в правоотношениях, складывающихся между пользователями соответствующего сервиса/платформы (т.е. от участия в правоотношениях между продавцом и покупателем, заказчиком и исполнителем и т.п.), и делают акцент исключительно на предоставлении информационных услуг и услуг торговой площадки (так называемый маркетплейс — от англ. marketplace) — места, где самостоятельные и дееспособные участники гражданского оборота своей волей и в своем интересе совершают между собой сделки. В данной связи отмечается, что переключивание на агрегаторов электронной коммерции ответственности по сделкам, совершаемым пользователями соответствующих интернет-сервисов (платформ), — ошибочный путь¹³.

Другие подчеркивают, что компании-агрегаторы являются особыми субъектами предпринимательского права — организаторами граж-

данского оборота, чем, по их мнению, обуславливается необходимость создания агрегаторов в форме некоммерческих организаций с ограничением их правосубъектности, а также возложения на них дополнительных обязанностей, касающихся защиты интересов заказчиков¹⁴. Видимо, в связи с этим в юридической литературе предпринимаются попытки формулирования понятия «организатор торгового оборота», под которым подразумевается некоммерческая организация, осуществляющая некоммерческую по своим целям деятельность, направленную на содействие главным участникам торгового оборота (торговым организациям и индивидуальным предпринимателям) в продвижении товаров от производителей к потребителям, построенную на началах координации и субординации экономических связей участников торгового оборота; организаторы торгового оборота являются субъектами, предназначенными для упорядочения основных имущественных отношений в торговле¹⁵. При этом отмечается, что на практике большее распространение получила иная схема работы агрегатора, когда он не вмешивается в сами бизнес-процессы привлекаемых сторон, а только сводит их друг с другом для заключения между ними сделок, получая за это комиссию. В этом случае агрегатор не является агентом, а выступает самостоятельной фигурой, которая предоставляет информационно-консультационные услуги (возможность зарегистрировать свой аккаунт на сайте и получить доступ к услугам и сервисам) пользователям своей площадки и за них взимает плату¹⁶.

Третьи в целом указывают, что владелец агрегатора в ряде случаев не просто выступает

¹¹ Рожкова М. А. Об ответственности агрегаторов и их платформах онлайн-разбирательства споров // *Хозяйство и право*. 2018. № 9. С. 21–32.

¹² Иванов А. А. Бизнес-агрегаторы и право // *Закон*. 2017. № 5. С. 145–156.

¹³ Кузнецова Л. В. Вопросы гражданско-правовой ответственности агрегаторов электронной коммерции // *Е-commerce и взаимосвязанные области (правовое регулирование)*.

¹⁴ Молотников А. Е., Архипов Е. В. Социальные сети и компании-агрегаторы: правовые аспекты деятельности // *Предпринимательское право*. 2017. № 4. С. 38–47.

¹⁵ Абросимова Е. А. Организаторы торгового оборота: правовой статус и функциональное назначение : автореф. к дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2014. С. 24–25.

¹⁶ Бычков А. Посредничество при оказании юридических услуг: практика, риски, перспективы // *Новая бухгалтерия*. 2016. № 9. С. 130–143.

в роли обычного посредника, транслирующего соответствующую информацию для клиентов, но и оказывает услуги по доставке товара и сопутствующие этому услуги, принимает электронную оплату за товар, выполняет некоторые контрольные функции и, более того, является регулятором споров, возникающих между предпринимателями и потребителями в сфере электронной коммерции¹⁷.

И наконец, четвертые констатируют, что владельцы агрегаторов не являются просто посредниками или организаторами, а выполняют функции продавцов и должны нести наравне с последними ответственность перед потребителями. Так, по мнению И. С. Шляхтиной, если владельцы агрегаторов размещают публичные оферты различных продавцов на своем сайте, предоставляя возможность заключения договора и оплаты потребителем услуг, не переходя на их сайты, они не только выступают в качестве посредника, но и выполняют функцию продавца¹⁸. Более того, А. В. Суворов, приводя аргументы в пользу необходимости установления ответственности владельца агрегатора перед потребителями, а также возражения о том, что владелец агрегатора не является всего лишь лицом, передающим информацию между сторонами (продавцом и покупателем), указывает на возможность сопоставления (проведения аналогии) отношений, складывающихся между продавцом и владельцем агрегатора, с отношениями, базирующимися на договоре коммерческой концессии, поскольку потребитель в большинстве случаев не предполагает, что бренд агрегатора означает не более чем возможность поиска нужного товара, а рассчи-

тывает на участие владельца агрегатора в разбирательстве спорных случаев¹⁹.

Приведенные точки зрения свидетельствуют о наличии разносторонних подходов к пониманию сущности владельцев агрегаторов как субъектов общественных отношений. Авторы, как представляется, при проведении анализа рассматривали тех или иных владельцев агрегаторов как обособленных субъектов, специализирующихся в соответствующей области (продажа товаров, оказание услуг, продвижение новостей и т.д.). В данной связи следует согласиться с И. З. Аюшеевой в том, что определение агрегатора информации о товарах и услугах, данное в законе, не всегда может точно отразить те отношения, которые складываются в рамках экономики совместного потребления²⁰.

Однако во всех приведенных точках зрения имеются как положительные, так и небесспорные положения, при этом ключевым и объединяющим аспектом при определении владельцев агрегаторов является цифровая среда как место оказания соответствующих услуг. Следовательно, в условиях виртуализации и диджитализации потребительских и иных отношений допустимо говорить о владельцах агрегаторов не просто как об информационных посредниках или лицах, выполняющих роль продавца, предоставляющих «место встречи» для продавцов и покупателей, а как о специализированном субъекте цифровых отношений. В данной связи Е. Б. Подузовой справедливо отмечается, что в законодательстве положено начало определению статуса цифровых посредников. Все виды цифровых посредников являются юридическими лицами, в ряде случаев — определен-

¹⁷ Семякин М. Н. Гражданско-правовой договор в сфере цифровой экономики // Российский юридический журнал. 2020. № 1. С. 107–116.

¹⁸ Шляхтин И. С. Проблемы гражданско-правового регулирования преддоговорных отношений с участием потребителей в сфере дистанционной (электронной) торговли // Актуальные проблемы гражданского права и процесса: молодые ученые в научном поиске: межвуз. сборник науч. статей / под ред. Т. В. Милушевой. Саратов, 2015. Вып. 1. С. 109.

¹⁹ Суворов Е. Д. Некоторые проблемы электронной торговли: к вопросу об ответственности владельцев агрегаторов перед потребителями // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2019. № 9. С. 57–67.

²⁰ Аюшеева И. З. Гражданско-правовое регулирование расчетных отношений в условиях развития экономики совместного потребления (sharing economy) // Lex russica. 2019. № 9. С. 43–50.

ной организационно-правовой формы, на них распространяются классические требования к правоспособности юридических лиц, к их деликтоспособности. Специальные основания ответственности цифровых посредников установлены в полной мере лишь для операторов инвестиционных платформ, применительно ко всем операторам введены ограничения для их органов и участников. При этом, несмотря на все более активное участие цифровых посредников в гражданских правоотношениях, по-прежнему не проработаны в достаточной степени основания их привлечения к гражданско-правовой и уголовной ответственности в случае нарушения ими прав граждан и юридических лиц²¹. В данной связи, говоря о владельцах агрегаторов и принимая во внимание их специальную среду обитания и условия осуществления деятельности, представляется необходимым отметить, что они, с одной стороны, осуществляют именно цифровое (онлайн) посредничество между лицами, заказывающими соответствующие услуги по привлечению внимания потребителей, а с другой — предоставляют доступ последним к широкому спектру предложений, касающихся объектов гражданского оборота.

Правомерность и необходимость выделения владельцев агрегаторов в качестве субъектов цифрового (онлайн) посредничества подтверждается в том числе научными изысканиями зарубежных ученых в области права. В частности, при исследовании положений проекта Директивы об онлайн-посреднических платформах Европейского Союза указывается на рост посреднических онлайн-платформ и платформенной экономики, что является следствием более широкого вовлечения соответствующих субъектов в потребительские отношения, а также на разностороннюю природу фактически возникающих отношений²². В связи с этим уместно вспомнить замечание М. Н. Семякина о том, что

при определении структуры договорных связей, формируемых на базе посреднических онлайн-платформ, правового положения владельцев агрегаторов вряд ли можно исходить из однозначных (линейных) юридических моделей. Здесь нужен гибкий, дифференцированный подход, как это отражено в проекте директивы о посреднических онлайн-платформах²³.

Таким образом, допустимо сделать вывод, что потребительские отношения, в которых сделки совершаются с участием владельцев агрегаторов, свидетельствуют о наличии такого явления, как цифровое (онлайн) посредничество, проявление которого имеет отличительные и характерные черты, зависящие от степени влияния (вовлеченности) деятельности владельцев агрегаторов на непосредственных участников таких отношений, т.е. на коммерсантов и потребителей.

В целях идентификации квалифицирующих характеристик, определения моделей взаимодействия между коммерсантами, цифровыми (онлайн) посредниками и потребителями, а также для структурирования соответствующих отношений по группам нами была предпринята попытка дифференциации наиболее широко известных владельцев агрегаторов и онлайн-платформ по характеру осуществляемой ими деятельности и экономической активности, в основе которой лежит анализ влияния двусторонне направленного спроса и предложения на характер осуществляемой ими деятельности, т.е. условий взаимодействия, адресованных пользователям услуг: коммерсантам, с одной стороны, и потребителям — с другой.

Группа № 1: Модель цифрового посредничества: P + C

В данной модели взаимодействия роль владельца агрегатора сводится к позиционированию себя в качестве:

²¹ Подузова Е. Б. Субъекты цифровых правоотношений: тенденции права и бизнеса // Актуальные проблемы российского права. 2021. № 2. С. 55–60.

²² См.: URL: <https://www.eurofound.europa.eu/data/platform-economy/records/discussion-draft-of-a-directive-on-online-intermediary-platforms> (дата обращения: 07.02.2022). Также см.: URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=2821590 (дата обращения: 07.02.2022).

²³ Семякин М. Н. Указ. соч.

- рекламодателя (P) для коммерсанта;
- справочника (C) для потребителя.

В указанных отношениях функция цифрового посредничества ограничивается двумя характерными аспектами деятельности, где владелец агрегатора:

- на возмездной основе оказывает услуги коммерсанту по продвижению его товара, и (или) услуг, и (или) информации о таковых;
- как правило, не оказывает возмездных услуг потребителю от своего имени, а лишь является местом консолидации информации других лиц — правообладателей (авторов-коммерсантов).

Представителями данной группы можно называть информационные сервисы и платформы, например: «Яндекс.Новости», «Рамблер.Новости» и другие выполняющие функцию желтых страниц.

Группа № 2: Модель цифрового посредничества: P + (C + И)

В данной модели взаимодействия роль владельца агрегатора сводится к позиционированию себя в качестве:

- рекламодателя (P) для коммерсанта;
- справочника (C) для потребителя;
- исполнителя (И) для потребителя по обязательствам, не связанным с деятельностью коммерсанта.

В указанных отношениях функция цифрового посредничества выражается в следующих характерных аспектах деятельности, где владелец агрегатора:

- на возмездной основе оказывает услуги коммерсанту по продвижению его товара, и (или) услуг, и (или) информации о таковых;
- является местом консолидации информации других лиц — правообладателей (авторов-коммерсантов);
- может на возмездной основе оказывать факкультативные услуги потребителю от своего имени.

Представителями данной группы можно называть информационные сервисы и платформы,

например: Cian, Tinder, Avito, «Юла», «Профи.ру», «Авто.ру», HH.ru и др.

Группа № 3: Модель цифрового посредничества: (P + A) + (C + И)

В данной модели взаимодействия роль владельца агрегатора сводится к позиционированию себя в качестве:

- рекламодателя (P) для коммерсанта;
- агента (A) для коммерсанта;
- справочника (C) для потребителя;
- исполнителя (И) для потребителя как по обязательствам, не связанным с деятельностью коммерсанта, так и по обязательствам коммерсанта (в зависимости от конкретных аспектов деятельности).

В указанных отношениях функция цифрового посредничества заключается в следующих характерных аспектах деятельности, где владелец агрегатора:

- на возмездной основе оказывает услуги коммерсанту по продвижению его товара, и (или) услуг, и (или) информации о таковых;
- является местом консолидации информации других лиц — правообладателей (авторов-коммерсантов);
- может на возмездной основе оказывать факкультативные услуги потребителю от своего имени;
- может выполнять часть обязательств коммерсанта перед потребителем.

Представителями данной группы можно называть информационные сервисы и платформы, например: Booking, Airbnb, «Биглион», Skyscanner, OnetoTrip, Anywayanyday и др.

Группа № 4: Модель цифрового посредничества: (P + A) + (C + И + П) + СК

В данной модели взаимодействия роль владельца агрегатора сводится к позиционированию себя в качестве:

- рекламодателя (P) для коммерсанта;
- агента (A) для коммерсанта;
- справочника (C) для потребителя;
- исполнителя (И) для потребителя как по обязательствам, не связанным с деятельно-

стью коммерсанта, так и по обязательствам коммерсанта (в зависимости от конкретных аспектов деятельности);

- продавца (П) для потребителя;
- единого центра — сервисной компании (СК) как для коммерсанта, так и для потребителя.

В указанных отношениях функция цифрового посредничества заключается в следующих характерных аспектах деятельности, где владелец агрегатора:

- на возмездной основе оказывает услуги коммерсанту по продвижению его товара, и (или) услуг, и (или) информации о таковых;
- может на возмездной основе оказывать факультативные услуги потребителю от своего имени;
- является местом консолидации информации других лиц — правообладателей (авторов-коммерсантов);
- может выступать в качестве должника по возникающим обязательствам перед потребителем;
- может не выполнять часть обязательств коммерсанта перед потребителем;
- всегда работает по принципу одного окна для потребителя.

Представителями данной группы можно называть информационные сервисы и платформы, например: Uber, «Яндекс.Такси», GetTaxi, Wildberries, «Ситимобил», Ozon, AliExpress, Asos, «Яндекс.Еда», Delivery Club и др.

Как наглядно продемонстрировано на описанных моделях взаимодействия и фактически складывающихся отношений, роль и функции, выполняемые владельцем агрегатора, имеют принципиальные отличия друг от друга. При этом допустимо утверждать о наличии прямой взаимосвязи между характером выполняемых действий владельцев агрегатора и степенью его вовлеченности в отношения между коммерсантом и потребителем. Сказанное позволяет заключить, что значение цифрового посредничества и его влияние на участников потребительских отношений изменяются в зависимости от роли и функции владельца агрегатора, что неиз-

бежно должно сказываться на соответствующих правах и обязанностях участников таких отношений. Представляется возможным сформулировать следующее правило: **роль и функция цифрового посредника ставятся в зависимость от вовлеченности последнего в отношения между коммерсантами и потребителями.** Следовательно, руководствуясь выдвинутым правилом, допустимо предложить формулу определения прав, обязанностей и пределов ответственности цифровых посредников в случае их участия в потребительских отношениях: **чем больше вовлеченность цифрового посредника в отношения между коммерсантами и потребителями, тем больше прав, обязанностей и ответственности возникает у него при взаимодействии с непосредственными участниками потребительских отношений.**

В некоторой степени следование сформулированному правилу и предложенной формуле без какой-либо детальной теоретической аргументации усматривается в судебной практике. Например, при реализации цифрового посредничества по модели Р + С суды не находят основания для привлечения новостных агрегаторов к ответственности. Так, в одном из дел оператору сервиса «Рамблер.Новости» было предъявлено требование о нарушении авторских прав на фотографические произведения при формировании новостной ленты. Суд отказал в привлечении указанного лица к ответственности за нарушение исключительных прав, указав, что оператор «выполняет функции информационного посредника в качестве новостного агрегатора, который в автоматическом и ручном режиме сканирует новостные источники русскоязычного сегмента сети Интернет и предоставляет только ссылки на искомую информацию»²⁴.

В отношениях с элементом цифрового посредничества, строящегося по модели Р + (С + И), суды не находят оснований для привлечения владельцев агрегаторов к ответственности по обязательствам коммерсантов в связи с ненадлежащим исполнением последними своих обязанностей перед потребителями. Так,

²⁴ Постановление Суда по интеллектуальным правам от 06.07.2017 № С01-491/2017 по делу № А40-216998/2016.

в одном из дел истец воспользовалась информационным сервисом по подбору специалиста, расположенным по адресу <https://profi.ru> в сети Интернет, в рамках которого нашла исполнителя для своего заказа по перетяжке мебели, однако по результатам выполненного заказа она осталась недовольной качеством выполненных работ, в связи с чем обратилась с иском к владельцу сервиса, расположенного по указанному адресу. Разрешая спор по существу, оценив представленные доказательства, суд первой инстанции, руководствуясь приведенными нормами права, не нашел оснований для удовлетворения исковых требований, поскольку между сторонами договор возмездного оказания услуг по перетяжке мебели не заключался, следовательно, ответчик не принимал на себя каких-либо обязательств перед истцом, денежные средства ответчику не перечислялись, цифровой посредник ООО «Профи.ру» не несет ответственности за действия исполнителя. При этом суд первой инстанции указал, что характер деятельности цифрового посредника исключает возможность его привлечения к ответственности за ненадлежаще оказанные услуги непосредственно исполнителем, в противном случае взыскание с ответчика по настоящему делу оплаченных по договору истцом денежных средств противоречило бы требованиям действующего законодательства, в том числе положению ст. 15 ГК РФ²⁵. Однако, безусловно, в случае если владелец агрегатора оказывает какие-либо факультативные услуги, в том числе потребителю, не связанные с характером основного обязательства, возникающего между коммерсантом и потребителем, он несет за них самостоятельную ответственность на основании отдельных договорных отношений.

Отличие между второй и третьей моделями цифрового посредничества сводится к роли и функции владельца агрегатора во взаимоотношениях с участием коммерсанта. Так, в случае если цифровой посредник приобретает статус агента и не просто выступает в качестве рекламодателя, но и активным образом

выполняет или организует исполнение обязательств коммерсанта, его права, обязанности, а следовательно, и ответственность перед потребителем увеличиваются в соответствующей прогрессии.

Кардинально отличается от приведенных выше модель цифрового посредничества **(Р + А) + (С + И + П) + СК, в которой владелец агрегатора сочетает функции рекламодателя, агента коммерсанта, справочника информации, исполнителя и продавца для потребителя, а также служит как для коммерсанта, так и для потребителя в целом сервисной компанией (единым окном)**. Как справедливо отмечается в юридической литературе, владелец агрегатора выполняет функцию по подбору контрагентов друг для друга: для коммерсантов и потребителей. По сути, речь идет о том, что и заказчик, и исполнитель полностью отдадут агрегатору функцию, которую хозяйствующие субъекты обычно осуществляют самостоятельно. При этом речь идет не просто о поиске любого возможного контрагента. Владелец агрегатора находит (по крайней мере должен находить) наиболее удобного контрагента. В случае с рынком перевозки для исполнителя наиболее удобным будет тот потребитель, который находится территориально ближе всего к нему. Такой выбор снижает затраты коммерсанта, которые он несет в связи с необходимостью добраться до заказчика. Этот же самый выбор выгоден и потребителю, так как последний при таком выборе тратит меньше времени с момента заказа до момента окончания оказания услуги²⁶. Кроме того, в рамках приведенной модели владелец агрегатора (маркетплейса), как правило, выступает своего рода гарантом исполнения обязательств пользователей ресурса друг перед другом. Пользователи, ранее не знакомые друг с другом, вступая в обязательственные отношения, получают соответствующие гарантии. Платежи, как правило, осуществляются в безналичном порядке между пользователем и владельцем сайта (или его дочерними компаниями), а не между пользователями непо-

²⁵ Апелляционное определение Московского городского суда от 02.09.2021 по делу № 33-35225/2021.

²⁶ Молотников А. Е., Архипов Е. В. Указ. соч.

средственно. Сходная позиция усматривается и у И. З. Аюшеевой²⁷. Следуя сформулированному правилу и выдвинутой формуле определения объема прав, обязанностей и пределов ответственности владельцев агрегаторов, допустимо сделать вывод, что при осуществлении цифрового посредничества по четвертой модели, т.е. становясь единым центром (окном) как для коммерсантов, так и для потребителей, они приобретают наибольшее число прав, обязанностей и пределов ответственности. В данной связи стóит согласиться с авторами, которые указывают, что владельцы агрегаторов должны нести ответственность (солидарную или субсидиарную) за исполнение обязательств перед потребителями, поскольку их глубокая погруженность (вовлеченность) в отношения между коммерсантом и потребителем предоставляет такому цифровому посреднику возможность не только овладеть вниманием потребителя и в ряде случаев быть «управленцем покупательской способности», но и возлагать на него ответственность за ненадлежащее исполнение коммерсантом принятых на себя обязательств или причинение убытков потребителю. Следует констатировать, что выработанный законодателем подход, содержащийся в ст. 1253.1 ГК РФ и ст. 12 ЗоЗПП, не отражает всей полноты и многогранности потребительских отношений, возникающих при участии цифрового посредничества.

Представляется, что в связи с указанным несовершенством судебная практика в ряде случаев признает возможность привлечения владельцев агрегаторов к ответственности за ненадлежащее исполнение коммерсантами своих обязательств перед потребителями. В частности, данный подход применительно к деятельности по перевозке пассажиров усматривается в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 26.06.2018 № 26, согласно которому лицо, к которому обращается клиент для заключе-

ния договора перевозки пассажиров и багажа, отвечает перед пассажиром за причиненный в процессе перевозки вред, если оно заключило договор перевозки от своего имени либо из обстоятельств заключения договора (например, рекламные вывески, информация на сайте в сети Интернет, переписка сторон при заключении договора и т.п.) у добросовестного гражданина-потребителя могло сложиться мнение, что договор перевозки заключается непосредственно с этим лицом, а фактический перевозчик является его работником либо третьим лицом, привлеченным к исполнению обязательств по перевозке (п. 3 ст. 307, ст. 403 ГК РФ, ст. 8, 9 Закона «О защите прав потребителей»)²⁸. Вместе с тем, несмотря на то обстоятельство, что приведенные положения постановления Пленума ВС РФ претерпели изменение по сравнению с изначально выдвигаемыми тезисами в рамках соответствующего проекта²⁹, в них по-прежнему отсутствуют критерии и объяснения, почему вопреки положениям законодательства владелец агрегатора может быть привлечен к ответственности. Полагаем, что, помимо приведенных в рамках настоящей статьи доводов относительно возможности привлечения цифровых посредников к ответственности, в случае если отношения строятся по модели цифрового посредничества (Р + А) + (С + И + П) + СК, допустимо обратиться к зарубежной судебной практике. В частности, следует отметить судебный акт Верховного суда Соединенного Королевства, рассматривавшего спор с участием компании Uber, где было выделено пять факторов, подчеркивающих степень вовлеченности названного ресурса в потребительские отношения, связанные с оказанием услуг такси:

1. Во-первых, если поездка забронирована через приложение Uber, именно Uber устанавливает тариф, и водителям не разрешается взимать плату, превышающую тариф, рассчитанный

²⁷ Аюшеева И. З. Указ. соч. С. 43–50.

²⁸ П. 18 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 26.06.2018 № 26 «О некоторых вопросах применения законодательства о договоре перевозки автомобильным транспортом грузов, пассажиров и багажа и о договоре транспортной экспедиции» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2018. № 8.

²⁹ Более подробно см.: Белов В. А. Корпоративное такси и проблемные вопросы ответственности агрегаторов // Коммерческое право. 2022. № 2.

приложением Uber. Таким образом, именно Uber определяет, сколько водителям платят за работу, которую они выполняют.

2. Во-вторых, условия контрактов, на которых водители оказывают свои услуги, навязываются Uber, и водители не имеют права голоса в них.

3. В-третьих, после того как водитель войдет в приложение Uber, решение водителя о том, принимать ли заказы на поездки, ограничивается Uber. Один из способов сделать это — отслеживать скорость принятия (и отмены) запросов водителем и налагать штраф, если слишком много запросов на поездки отклоняется или отменяется, автоматически отключая водителя от приложения Uber на 10 минут, тем самым предотвращая работу водителя до тех пор, пока ему не будет разрешено снова войти в систему.

4. В-четвертых, Uber также осуществляет значительный контроль над тем, как водители предоставляют свои услуги. Одним из нескольких методов, упомянутых в судебном решении, является использование рейтинговой системы, в соответствии с которой пассажиров просят оценить услуги водителя по шкале от 1 до 5 после каждой поездки. Любой водитель, который не сможет поддерживать требуемый средний рейтинг, получит ряд предупреждений, и, если его средний рейтинг не улучшится, в конечном итоге его отношения с Uber будут прекращены.

5. Пятым важным фактором является то, что Uber ограничивает общение между пассажиром и водителем до минимума, необходимого для выполнения конкретной поездки, и предпринимает активные действия, чтобы предотвратить установление водителем каких-либо

отношений с пассажиром, способных выйти за рамки индивидуальной поездки³⁰.

Представляется, что именно в данной связи существуют основания для обсуждения установления на законодательном уровне положений, закрепляющих солидарную ответственность службы заказа легкового такси (владельца агрегатора услуг такси) и водителя в случае причинения вреда жизни, здоровью, имуществу пассажира при перевозке легковым такси³¹.

Однако установление возможности привлечения к ответственности цифровых посредников в определенной сфере деятельности, безусловно, не отражает в полной мере правовую природу и сущность деятельности владельцев агрегаторов, а также степень их влияния на потребительские отношения. Действующая система норм права нуждается во внедрении соответствующих критериев, наличие или отсутствие которых обуславливало бы права, обязанности, а также пределы ответственности цифровых посредников, вовлеченных в потребительские отношения. Представляется, что выработанное в рамках статьи правило и выдвинутая формула могут способствовать достижению указанной цели. Иными словами, владелец агрегатора должен признаваться полноправным участником потребительских отношений с возложением на него всех прав, обязанностей и ответственности в случае, если реализуется большинство из приведенных ниже признаков:

— договор между коммерсантом и потребителем заключается исключительно через цифровые инструменты, поддерживаемые владельцем агрегатора;

³⁰ Judgement of the Supreme Court of United Kingdom 19 February 2021, Case ID: UKSC 2019/0029 // URL: <https://www.supremecourt.uk/cases/docs/uksc-2019-0029-judgment.pdf> (дата обращения: 08.02.2022). См. также: Judgement of the Grand Chamber of the Court of Justice of the European Union 20 December 2017, Case C-434/15 // URL: <https://www.politico.eu/wp-content/uploads/2017/12/European-Court-of-Justice-Uber-ruling-December-20-2017-POLITICO.pdf> (дата обращения: 08.02.2022) ; Order of San Francisco County Superior Court of the State of California August 10, 2020, No. CGC-20-584402 // URL: <https://www.courthousenews.com/wp-content/uploads/2020/08/UberLyftEmployees-SFRuling.pdf> (дата обращения: 08.02.2022) ; Judgement of the Court of Amsterdam 13.09.2021, Case ID: 8937120 CV EXPL 20-22882 // URL: <https://www.courthousenews.com/wp-content/uploads/2021/09/amsterdam-uber-ruling.pdf> (дата обращения: 08.02.2022).

³¹ Ст. 28 проекта федерального закона «Об организации перевозок пассажиров и багажа легковым такси» // URL: <https://regulation.gov.ru/projects/List/AdvancedSearch#npa=120719> (дата обращения: 08.02.2022).

- цифровой посредник организует, контролирует и обеспечивает исполнение всех платежных операций между коммерсантом и потребителем;
- условия и порядок заключения, исполнения и расторжения потребительского договора между коммерсантом и потребителем определяются и доводятся до сведения указанных лиц через соответствующие инструменты владельца агрегатора;
- цена услуги, лояльная и бонусная политика определяются цифровым посредником;
- владелец агрегатора создает и поддерживает видимость только своего бренда и товарного знака;
- владелец агрегатора работает по принципу единого окна и не предоставляет или ограничивает общение между потребителем и коммерсантом напрямую через цифровую платформу;
- владелец агрегатора реализует собственные маркетинговые инициативы, направленные на привлечение внимания неопределенного круга лиц, к осуществляемой им деятельности под предлогом охвата большого товарного сегмента;
- цифровой посредник принимает на себя обязанности и осуществляет деятельность по обработке и рассмотрению претензионных требований, а также досудебному урегулированию возникающих между коммерсантом и потребителем вопросов, связанных с исполнением обязательств.

Нельзя не отметить, что аналогичный подход усматривается в ст. 18 проекта Директивы об онлайн-посреднических платформах Европейского Союза³². Следовательно, по мере вовлечения цифрового посредника в потребительские отношения, т.е. по мере совпадения указанных и иных характерных черт, права, обязанности и пределы ответственности владельца агрегатора увеличиваются, в том числе до степени становления последнего полноправным участником

потребительских отношений, несущим соответствующее бремя перед его участниками.

Подытоживая вышесказанное, необходимо отметить:

1. Потребительские отношения, в которых сделки совершаются с участием владельцев агрегаторов, свидетельствуют о наличии такого явления, как цифровое (онлайн) посредничество, проявление которого имеет отличительные и характерные черты, зависящие от степени влияния (вовлеченности) деятельности владельцев агрегаторов на непосредственных участников таких отношений, т.е. на коммерсантов и потребителей.

2. Существует четыре наиболее распространенных модели цифрового посредничества, где роли и функции владельцев агрегаторов реализуются отличным друг от друга образом.

3. Роль и функция цифрового посредника ставятся в зависимость от вовлеченности последнего в отношения между коммерсантами и потребителями.

4. В целях определения объема прав, обязанностей и пределов ответственности цифровых посредников допустимо использовать следующую формулу: чем больше вовлеченность цифрового посредника в отношения между коммерсантами и потребителями, тем больше прав, обязанностей и ответственности возникает у него при взаимодействии с непосредственными участниками потребительских отношений.

5. Владелец агрегатора должен признаваться полноправным участником потребительских отношений с возложением на него всех прав, обязанностей и ответственности, в случае если реализуется большинство из приведенных ниже признаков:

- а) договор между коммерсантом и потребителем заключается исключительно через цифровые инструменты, поддерживаемые владельцем агрегатора;
- б) цифровой посредник организует, контролирует и обеспечивает исполнение всех пла-

³² URL: <https://www.eurofound.europa.eu/data/platform-economy/records/discussion-draft-of-a-directive-online-intermediary-platforms> (дата обращения: 07.02.2022). См. также: URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=2821590 (дата обращения: 07.02.2022).

- тежных операций между коммерсантом и потребителем;
- в) условия и порядок заключения, исполнения и расторжения потребительского договора между коммерсантом и потребителем определяются и доводятся до сведения указанных лиц через соответствующие инструменты владельца агрегатора;
- г) владелец агрегатора создает и поддерживает видимость только своего бренда и товарного знака;
- д) владелец агрегатора работает по принципу единого окна и не предоставляет или ограничивает общение между потребителем и коммерсантом напрямую через цифровую платформу;
- е) владелец агрегатора реализует собственные маркетинговые инициативы, направленные на привлечение внимания неопределенного круга лиц, к осуществляемой им деятельности под предлогом охвата большого товарного сегмента;
- ж) цифровой посредник принимает на себя обязанности и осуществляет деятельность по обработке и рассмотрению претензионных требований, а также досудебному урегулированию возникающих между коммерсантом и потребителем вопросов, связанных с исполнением обязательств.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Абросимова Е. А.* Организаторы торгового оборота: правовой статус и функциональное назначение : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.03. — М., 2014.
2. *Аюшеева И. З.* Гражданско-правовое регулирование расчетных отношений в условиях развития экономики совместного потребления (sharing economy) // *Lex russica*. — 2019. — № 9. — С. 43–50.
3. *Бычков А.* Посредничество при оказании юридических услуг: практика, риски, перспективы // *Новая бухгалтерия*. — 2016. — № 9. — С. 130–143.
4. *Иванов А. А.* Бизнес-агрегаторы и право // *Закон*. — 2017. — № 5. — С. 145–156.
5. *Кузнецова Л. В.* Вопросы гражданско-правовой ответственности агрегаторов электронной коммерции // *Е-commerce и взаимосвязанные области (правовое регулирование) : сборник статей / А. А. Богустов, О. Н. Горохова, Д. А. Доротенко [и др.] ; рук. авт. кол. и отв. ред. М. А. Рожкова*. — М. : Статут, 2019. — 448 с.
6. *Кулезин М. А.* Особенности ответственности информационного посредника — своевременные, необходимые и достаточные меры после уведомления правообладателя // *Е-commerce и взаимосвязанные области (правовое регулирование) : сборник статей / А. А. Богустов, О. Н. Горохова, Д. А. Доротенко [и др.] ; рук. авт. кол. и отв. ред. М. А. Рожкова*. — М. : Статут, 2019. — 448 с.
7. *Молотников А. Е., Архипов Е. В.* Социальные сети и компании-агрегаторы: правовые аспекты деятельности // *Предпринимательское право*. — 2017. — № 4. — С. 38–47.
8. *Подузова Е. Б.* Субъекты цифровых правоотношений: тенденции права и бизнеса // *Актуальные проблемы российского права*. — 2021. — № 2. — С. 55–60.
9. *Рожкова М. А.* Об ответственности агрегаторов и их платформах онлайн-разбирательства споров // *Хозяйство и право*. — 2018. — № 9. — С. 21–32.
10. *Семякин М. Н.* Гражданско-правовой договор в сфере цифровой экономики // *Российский юридический журнал*. — 2020. — № 1. — С. 107–116.
11. *Суворов Е. Д.* Некоторые проблемы электронной торговли: к вопросу об ответственности владельцев агрегаторов перед потребителями // *Вестник экономического правосудия Российской Федерации*. — 2019. — № 9. — С. 57–67.
12. *Тарасенкова А. Н.* Информационное право: возрастная маркировка, цифровая безопасность и другие вопросы. — М. : Редакция «Российской газеты», 2019. — Вып. 20. — 176 с.
13. *Шляхтин И. С.* Проблемы гражданско-правового регулирования преддоговорных отношений с участием потребителей в сфере дистанционной (электронной) торговли // *Актуальные проблемы гражданско-правового регулирования*

данского права и процесса: молодые ученые в научном поиске : межвуз. сборник науч. статей / под ред. Т. В. Милушевой. — Саратов, 2015. — Вып. 1.

Материал поступил в редакцию 10 февраля 2022 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Abrosimova E. A. Organizatory torgovogo oborota: pravovoy status i funktsionalnoe naznachenie: avtoref. dis. ... d-ra yurid. nauk: 12.00.03. — M., 2014.
2. Ayusheeva I. Z. Grazhdansko-pravovoe regulirovanie raschetnykh otnosheniy v usloviyakh razvitiya ekonomiki sovmestnogo potrebleniya (sharing economy) // Lex russica. — 2019. — № 9. — S. 43–50.
3. Bychkov A. Posrednichestvo pri okazanii yuridicheskikh uslug: praktika, riski, perspektivy // Novaya bukhgalteriya. — 2016. — № 9. — S. 130–143.
4. Ivanov A. A. Biznes-agregatory i pravo // Zakon. — 2017. — № 5. — S. 145–156.
5. Kuznetsova L. V. Voprosy grazhdansko-pravovoy otvetstvennosti agregatorov elektronnoy kommertsii // E-commerce i vzaimosvyazannye oblasti (pravovoe regulirovanie): sbornik statey / A. A. Bogustov, O. N. Gorokhova, D. A. Dorotenko [i dr.]; ruk. avt. kol. i otv. red. M. A. Rozhkova. — M.: Statut, 2019. — 448 s.
6. Kulezin M. A. Osobennosti otvetstvennosti informatsionnogo posrednika — svoevremennyye, neobkhodimyye i dostatochnyye mery posle uvedomleniya pravoobladatelya // E-commerce i vzaimosvyazannyye oblasti (pravovoe regulirovanie): sbornik statey / A. A. Bogustov, O. N. Gorokhova, D. A. Dorotenko [i dr.]; ruk. avt. kol. i otv. red. M. A. Rozhkova. — M.: Statut, 2019. — 448 s.
7. Molotnikov A. E., Arkhipov E. V. Sotsialnye seti i kompanii-agregatory: pravovyye aspekty deyatel'nosti // Predprinimatelskoe pravo. — 2017. — № 4. — S. 38–47.
8. Poduzova E. B. Subekty tsifrovyykh pravootnosheniy: tendentsii prava i biznesa // Aktual'nyye problemy rossiyskogo prava. — 2021. — № 2. — S. 55–60.
9. Rozhkova M. A. Ob otvetstvennosti agregatorov i ikh platformakh onlayn-razbiratelstva sporov // Khozyaystvo i pravo. — 2018. — № 9. — S. 21–32.
10. Semyakin M. N. Grazhdansko-pravovoy dogovor v sfere tsifrovoy ekonomiki // Rossiyskiy yuridicheskiy zhurnal. — 2020. — № 1. — S. 107–116.
11. Suvorov E. D. Nekotorye problemy elektronnoy torgovli: k voprosu ob otvetstvennosti vladeltsev agregatorov pered potrebitelyami // Vestnik ekonomicheskogo pravosudiya Rossiyskoy Federatsii. — 2019. — № 9. — S. 57–67.
12. Tarasenkova A. N. Informatsionnoe pravo: vozrastnaya markirovka, tsifrovaya bezopasnost i drugie voprosy. — M.: Redaktsiya «Rossiyskoy gazety», 2019. — Vyp. 20. — 176 s.
13. Shlyakhtin I. S. Problemy grazhdansko-pravovogo regulirovaniya preddogovornykh otnosheniy s uchastiem potrebiteley v sfere distantsionnoy (elektronnoy) torgovli // Aktualnyye problemy grazhdanskogo prava i protsessa: molodye uchenye v nauchnom poiske: mezhvuz. sbornik nauch. statey / pod red. T. V. Milushevoy. — Saratov, 2015. — Vyp. 1.

Правовое регулирование облачного гейминга

Аннотация. В работе рассмотрены проблемы использования технологии облачного гейминга. Автор дает определение облачного гейминга и исследует три основные модели, в соответствии с которыми может предоставляться удаленный доступ к играм: программное обеспечение как сервис; платформа как сервис; инфраструктура как сервис. Изучены два блока вопросов, возникающих при использовании облачных сервисов для игр. В частности, на примере нескольких сервисов облачного гейминга рассмотрены вопросы из области интеллектуальной собственности: доведение до всеобщего сведения и воспроизведение компьютерных игр, а также договорно-правовое регулирование отношений между оператором облачных сервисов, игроком и правообладателем игр. Определена правовая природа отношений между оператором облачных сервисов и игроком, выделены признаки соответствующего договора. Сделан вывод о том, что текущее правовое регулирование позволяет разрешить большинство проблем в этой сфере.

Ключевые слова: облачный сервис; игра; лицензионный договор; договор оказания услуг; правообладатель; исключительное право; доведение до всеобщего сведения; воспроизведение; публичный договор; абонентский договор; односторонний отказ от исполнения договора.

Для цитирования: Чурилов А. Ю. Правовое регулирование облачного гейминга // Актуальные проблемы российского права. — 2022. — Т. 17. — № 8. — С. 83–92. — DOI: 10.17803/1994-1471.2022.141.8. 083-092.

Legal Regulation of Cloud Gaming

Aleksey Yu. Churilov, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Department of Civil Law, Law Institute of the National Research Tomsk State University; Scientific and Educational Center «Intellectual Property and Intellectual Rights,» Law Institute of the National Research Tomsk State University
Moskovsky trakt, d. 8, Tomsk, Russia, 634050
lefikantor@yandex.ru

Abstract. The paper considers the problems of using cloud gaming technology. The author defines cloud gaming and explores three main models according to which remote access to games can be provided: software as a service, a platform as a service, and an infrastructure as a service. The author examines two blocks of issues that arise when using cloud services for games. In particular, taking several cloud gaming services as a case study, the author examines the following issues from the field of intellectual property: communicating to the public and reproducing computer games and contract law regulation of relations between a cloud services' operator, a player and a rightholder. The paper highlights the legal nature of a relationship between the cloud services' operator and the player and elements of the corresponding contract. It is concluded that the current legal regulation allows the parties involved to resolve most issues in this area.

© Чурилов А. Ю., 2022

* Чурилов Алексей Юрьевич, кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета, Научно-образовательный центр «Интеллектуальная собственность и интеллектуальные права» ЮИ НИ ТГУ
Московский тракт, д. 8, г. Томск, Россия, 634050
lefikantor@yandex.ru

Keywords: cloud service; game; license agreement; service agreement; copyright holder; exclusive right; communication to the public; reproduction; public agreement; subscription agreement; unilateral refusal to perform the contract.

Cite as: Churilov AYu. Pravovoe regulirovanie oblachnogo geyminga [Legal Regulation of Cloud Gaming]. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2022;17(8):83-92. DOI: 10.17803/1994-1471.2022.141.8.083-092 (In Russ., abstract in Eng.).

Игровая индустрия за последнее десятилетие претерпела существенные изменения: цифровая дистрибуция игр, игры как сервис и т.д. Значимым изменением следует признать возникновение и развитие так называемого облачного гейминга. В отечественной науке под облачными сервисами в упрощенном виде понимают автоматизированный способ предоставления вычислительных мощностей, в том числе программного обеспечения, в режиме удаленного доступа через сеть Интернет по запросу клиента или технологическую модель, при которой вместо какого-либо физического ресурса предоставляется его виртуальная модель¹. Под облаком подразумевается один сервер или сеть серверов, чаще всего распределенных, которые используются для хранения, обработки и передачи пользовательских данных и всего графического процессинга видеоигр². Google, NVIDIA и Sony уже создали свои сервисы облачного гейминга: Stadia, GeForce Now и PS Now соответственно. Данные сервисы используют различные сетевые протоколы и технологии для облачного гейминга³, однако с правовой точки зрения это не имеет существенного значения. Одним из направлений дорожной карты развития высокотехнологичной области «Мобильные сети связи пятого поколения» на период до 2024 г. Минцифры было заявлено развитие мобильного Интернета, в том числе для обеспечения возможности существования облачного гейминга⁴.

В литературе можно встретить несколько терминов для обозначения облачного гейминга: cloud gaming, gaming-as-a-service, streaming gaming⁵. В общих чертах исследователи определяют облачный гейминг как сервис, который позволяет играть в видеоигры без наличия физических комплектующих и локальной копии игры у пользователя. Единственная оговорка, которую необходимо сделать в связи с этим определением, — все же наличие физических комплектующих на стороне пользователя необходимо, поскольку доступ к облачному серверу должен осуществляться посредством технического устройства (так называемый тонкий клиент).

Упрощенно технологическая суть облачного гейминга состоит в предоставлении компаниями-операторами обычных сервисов компьютерных мощностей игрокам, которые удаленно будут запускать игру и смотреть свой же игровой процесс на устройстве, с помощью которого они получили доступ к игре, расположенной на облачном сервисе. Фактически речь идет о стриминге игрового процесса, но не для значительного числа лиц (как это бывает, к примеру, при стриме на YouTube), а для самого игрока, который полностью контролирует этот поток видео. Таким образом, основная нагрузка будет на стороне облачного сервиса, в то время как игроку нет необходимости приобретать дорогостоящие комплектующие, достаточно лишь технического устройства с соответствующим

¹ Савельев А. И. Электронная коммерция в России и за рубежом: правовое регулирование. 2-е изд. М. : Статут, 2016.

² Исследование облачного гейминга в России — 2020 // URL: <https://www.pwc.ru/ru/publications/cloud-gaming-2020.html> (дата обращения: 02.03.2022).

³ Подробнее см.: A network analysis on cloud gaming: Stadia, GeForce Now and PSNow / A. Di Domenico [et al.] // *Network*. 2021. Т. 1. No. 3. С. 247–260.

⁴ Паспорт дорожной карты развития высокотехнологичной области «Мобильные сети связи пятого поколения» на период до 2024 года (утв. Минцифры России 16.11.2020 № 27) // СПС «КонсультантПлюс».

⁵ Подробнее см.: Исследование облачного гейминга в России — 2020.

программным обеспечением и устойчивого соединения с сетью Интернет.

Преимущества облачных сервисов очевидны как для игроков, так и для разработчиков игр. Так, игрокам нет необходимости вкладывать средства в покупку комплектующих и постоянное улучшение компьютеров. Следует подчеркнуть, что это преимущество не относится к игровым консолям (PlayStation, Xbox), поскольку их цикл жизни, отсутствие возможности их улучшать, а также отсутствие по общему правилу проблем производительности, связанных с комплектующими, позволяют избежать соответствующей проблемы с рынком комплектующих. Кроме того, не менее важна мультиплатформенность облачного гейминга: в такие игры, как уже отмечалось, можно играть на любом устройстве с соответствующим программным обеспечением (далее также — ПО) и интернет-соединением (так, сервис PS Now функционирует не только на консолях PlayStation, с помощью него можно играть в игры, предназначенные для консоли, на персональном компьютере). Для разработчиков, пожалуй, ключевым преимуществом является возможность снижения издержек при производстве игр: нет необходимости приобретать оборудование, серверы. Кроме того, авторы отмечают потенциал для предотвращения незаконного использования результатов интеллектуальной деятельности в условиях облачного гейминга⁶.

Выделяют три основных модели облачных технологий⁷ (распределены по уменьшению взаимодействия пользователя с оператором облачного сервиса): программное обеспечение как сервис (Software as a Service, или SaaS); платформа как сервис (Platform as a Service, PaaS); инфраструктура как сервис (Infrastructure as a Service, IaaS)⁸. Каждая из этих моделей подразумевает разные подходы к правовому регу-

лированию отношений, возникающих между оператором облачного сервиса, разработчиком игр и конечным потребителем-игроком.

Программное обеспечение как сервис (SaaS), или облачное приложение, характеризуется всесторонним взаимодействием пользователя и оператора. Стандартными примерами могут служить электронная почта, ведение календаря и офисные средства (например, Microsoft Office 365). SaaS предоставляет полноценный набор программного обеспечения — пользователь лишь запускает программу через специальный клиент. Вся базовая инфраструктура, ПО промежуточного слоя, ПО приложений и данные приложений находятся в центре обработки данных оператора. Он же управляет оборудованием и программным обеспечением на основе соответствующего соглашения об обслуживании и обеспечивает доступность и безопасность приложений и данных.

Платформа как сервис (PaaS) — это полноценная среда разработки и развертывания в облаке с ресурсами, которые позволяют предоставлять любые приложения, от простых облачных приложений до продвинутых облачных приложений промышленного класса. PaaS включает инфраструктуру (серверы, хранилище и сетевое оборудование), а также ПО промежуточного слоя, средства разработки, службы системы управления базами данных и др. PaaS предназначена для поддержки полного жизненного цикла веб-приложения: разработки, тестирования, развертывания, управления и обновления. Это промежуточный этап между SaaS и IaaS.

Инфраструктура как сервис (IaaS) подразумевает предоставление лишь двух типов ресурсов: вычислительных мощностей и ресурсов хранения информации⁹. Оператор обеспечивает только оборудованием и виртуальным доступом

⁶ A Survey on Cloud Gaming: Future of Computer Games / W. Cai [et al.] // IEEE Access. 2016. Vol. 4. P. 7605–7620.

⁷ Более подробно об облачных сервисах, их преимуществах и принципах работы см., например: *Barbieri L., Bonanni M. Mastering Azure Serverless Computing*. Packt, 2019.

⁸ *D'Angelo G., Ferretti S., Marzolla M. Cloud for Gaming* // Encyclopedia of Computer Graphics and Games / N. Lee (ed.). Springer, 2015.

⁹ *Карцхия А. А. Облачные технологии: правовой аспект* // Российский юридический журнал. 2018. № 6. С. 162–172.

к нему (инфраструктуру) — пользователи самостоятельно выбирают, какие программы/игры им необходимо установить.

Можно выделить два основных блока вопросов, возникших в связи с развитием облачного гейминга: вопросы права интеллектуальной собственности и вопросы обязательственного права.

В рамках права интеллектуальной собственности наибольший интерес представляет именно авторское право, поскольку по общему правилу видеоигры рассматриваются в первую очередь как объекты авторского права; в различных юрисдикциях подходы могут различаться, но, как правило, видеоигры охраняются как объекты авторского права¹⁰. Облачный гейминг поднимает два ключевых вопроса, касающихся исключительных прав: исключительного права на воспроизведение и исключительного права на доведение до всеобщего сведения.

Исключительное право на воспроизведение произведения — это право на изготовление одного (и более) экземпляра произведения или его части в любой материальной форме, в том числе в форме звуко- или видеозаписи, изготовление в трех измерениях одного (и более) экземпляра двухмерного произведения и в двух измерениях одного (и более) экземпляра трехмерного произведения. При этом запись произведения на электронном носителе, в том числе запись в память ЭВМ, также считается воспроизведением. Не считается воспроизведением краткосрочная запись произведения, которая носит временный или случайный характер и составляет неотъемлемую и существенную часть технологического процесса, имеющего единственной целью правомерное использование произведения либо осуществляемую информационным посредником между третьими лицами передачу произведения в информационно-телекоммуникационной сети, при условии что такая

запись не имеет самостоятельного экономического значения.

Определение того, было воспроизведение или нет, во времена традиционных способов игры на консолях и персональных компьютерах было довольно легкой процедурой. Для начала игры необходимо было установить игру на компьютер или консоль, т. е. записать произведение в память ЭВМ, что является актом воспроизведения и требует заключения соответствующего лицензионного договора. Но развитие облачных сервисов существенно изменило ситуацию в игровой индустрии: игрок не устанавливает игру непосредственно на свое устройство, т. е. не совершает акта воспроизведения. Даже если какие-либо элементы игры все же сохраняются на компьютере пользователя, то они, вероятнее всего, будут подпадать под предусмотренное законом исключение краткосрочной записи произведения, не имеющей самостоятельного экономического значения. Например, Европейский Суд в качестве такого исключения рассматривает, в частности, кэшированные копии материалов веб-сайтов, которые создаются при их просмотре¹¹. Вместе с тем сказанное справедливо исключительно для модели SaaS, поскольку все игры уже предустановлены на компьютерах оператора. Модели PaaS и IaaS подразумевают предоставление удаленного доступа только к компьютерным мощностям, но не к самим играм, которые устанавливает непосредственно пользователь-игрок. И поскольку игрок осуществляет установку игры в память устройства оператора, бесспорно, совершая при этом акт воспроизведения, возникает вопрос: можно ли утверждать, что оператор тоже использует соответствующую игру путем записи в память ЭВМ? Ответ на него не так прост, как кажется на первый взгляд. С одной стороны, игра устанавливается в память ЭВМ оператора, с другой — можно утверждать, что оператор

¹⁰ Котенко Е. С. Авторские права на мультимедийный продукт : монография. М. : Проспект, 2013 ; Данилов И. С. Game over: серьезный вопрос о роли права в мире видеоигр // Предпринимательское право. 2021. № 1. С. 53–58 ; The Legal Status of Video Games: Comparative Analysis in National Approaches / A. Ramos [et al.] // WIPO publication. 2013 ; Nintendo v. PC Box. 2014. Case C-355/12.

¹¹ Public Relations Consultants Association Ltd v. Newspaper Licensing Agency Ltd. 2014. Case C-360/13.

лишь предоставляет доступ к удаленному компьютеру игроку. В деле *VCAST Limited v. RTI SpA*¹² Генеральный адвокат Мацей Шпунар выразил мнение, в соответствии с которым воспроизведение осуществляет пользователь, но не оператор облачного сервиса, поскольку инициатива копирования в память ЭВМ исходит от пользователя. В США также сложилось мнение, что одного лишь факта предоставления вычислительных мощностей недостаточно для признания действий оператора воспроизведением¹³. При этом некоторые сервисы включают в условия обслуживания требование о предоставлении им лицензии на данные, которые хранит у них пользователь¹⁴.

Исключительное право на доведение произведения до всеобщего сведения на международном уровне закреплено в ст. 8 Договора Всемирной организации интеллектуальной собственности об авторском праве 1996 г. и воспринято отечественным гражданским законодательством. Автор обладает исключительным правом на доведение произведения до всеобщего сведения таким образом, что любое лицо может получить доступ к произведению из любого места и в любое время по собственному выбору¹⁵. Этот вопрос можно разрешить однозначно в первую очередь в отношении модели SaaS, поскольку все приложения и игры предоставляются игроку и уже установлены на устройствах оператора, игрок получает к ним доступ без необходимости совершения дополнительных действий, как то: установка, оптимизация игры и т.д. Следовательно, критерий «новая публика», который применяется для выявле-

ния факта доведения до всеобщего сведения¹⁶, соблюдается в любом случае только при использовании модели SaaS, поскольку сама суть этой модели состоит в предоставлении доступа к игре неограниченному кругу лиц в любое время. Игроки не являются правообладателями, они лишь получатели этой игры и составляют новую публику. К такому же выводу, но применительно к публичному показу произведения, пришел Верховный суд США в деле *American Broadcasting Cos., Inc. v. Aereo, Inc.*¹⁷.

При использовании моделей PaaS и IaaS, как уже отмечалось, установка приложений и игр выполняется самим игроком, оператор облачных сервисов предоставляет лишь инфраструктуру и вспомогательное ПО. Вот почему эти модели представляют интерес с точки зрения того, можно ли считать оператора облачных сервисов лицом, которое осуществляет доведение до всеобщего сведения. Следует начать с того, что ни новой публики, ни элемента всеобщности в данном случае, очевидно, не будет: доступ к соответствующей игре и стриму будет по общему правилу иметь только сам игрок. Вместе с тем, если допустить, что доступ к этой игре, установленной игроком на виртуальный сервер оператора облачных сервисов, будет иметь неограниченное количество пользователей, возникает вопрос, кто же в таком случае довел игру до всеобщего сведения и кто будет нести ответственность в случае нарушения исключительных прав? Игрок? Оператор? Или же и оператор, и игрок? Ответ на этот вопрос попытался применительно к видеосервису YouTube и сервису хранения данных Uploaded дать Европейский

¹² *VCAST Limited v. RTI SpA*. 2017. Case C-265/16.

¹³ *CoStar Group, Inc. v. LoopNet, Inc.*, 373 F.3d 544 (4th Cir. 2004). Следует подчеркнуть, что решение было принято не единогласно: один из судей посчитал, что из-за действий ответчика по скринингу он также должен нести ответственность за незаконное воспроизведение охраняемых результатов интеллектуальной деятельности.

¹⁴ См., например: Terms And conditions сервиса Pluto // URL: <https://dashboard.pluto.app/#/termsAndConditions> (дата обращения: 02.03.2022).

¹⁵ Некоторые авторы признают такую формулировку закона не вполне удачной. См., например: *Пушков А. М.* Совершенствование правового регулирования вопросов использования произведений в информационно-телекоммуникационных сетях // *Юрист*. 2021. № 9. С. 48–52.

¹⁶ *Nils Svensson and Others v. Retriever Sverige AB*. Judgment of the Court (Fourth Chamber). 2014. Case C-466/12.

¹⁷ *American Broadcasting Cos., Inc. v. Aereo, Inc.*, 573 U.S. 431 (2014).

Суд¹⁸ в 2020 г., и эта логика применима также к операторам облачных сервисов. Суд ЕС занял позицию, в соответствии с которой по общему правилу именно пользователь осуществляет доведение до всеобщего сведения: хостинг-платформа (оператор облачных сервисов) является лишь посредником при доведении результата интеллектуальной деятельности до всеобщего сведения. Однако лицом, ответственным за доведение до всеобщего сведения, может быть признан и оператор облачных сервисов, в зависимости от той роли, которую он играет в этом процессе. Суд ЕС при разрешении спора применил норму об ограничении ответственности информационного посредника, в соответствии с которой он не несет ответственности за нарушение авторского права, если: а) не инициирует передачу; б) не выбирает получателя передачи; в) не выбирает или исправляет информацию, содержащуюся в передаче¹⁹.

Следовательно, оператор облачных сервисов не будет признаваться лицом, доводящим до всеобщего сведения игру, в том случае если он лишь предоставляет технические средства для такого действия. Суд предложил учитывать в том числе следующие факторы, которые могут повлиять на признание оператора лицом, осуществляющим доведение до всеобщего сведения: а) участвует в отборе материала (например, игр) и предоставляет средства для незаконного использования этих объектов; б) не предпринимает никаких действий для блокировки незаконно доведенного до всеобщего сведения материала; в) не предпринимает мер для предотвращения незаконного использования результатов интеллектуальной деятельности на своей платформе. При этом Суд ЕС отмечает, что акт трансляции из облака объекта авторского права не может быть оправдан на основании

исключения исходя из целей личного использования²⁰. С учетом сложившейся практики использования IaaS облачных сервисов оператор не будет признаваться лицом, доводящим до всеобщего сведения соответствующие результаты интеллектуальной деятельности. Не менее важным фактором является и то, что, в отличие от ситуации в деле *American Broadcasting Cos., Inc. v. Aereo, Inc.*, игрок, устанавливая игру на виртуальном сервере, заключает лицензионное соглашение с правообладателем. Например, в соответствии с условиями пользовательского соглашения облачного сервиса GeForce Now, «для использования конкретной единицы контента (игры) в рамках сервиса пользователь должен получить лицензию от правообладателя на основании договора между пользователем и правообладателем данной единицы контента»²¹. Практики привлечения к ответственности за доведение до всеобщего сведения именно лица, разместившего материалы, в частности в сети Интернет, придерживаются и отечественные суды²².

Не менее интересен вопрос, касающийся проблемы договорных отношений между субъектами соответствующих правоотношений при облачном гейминге. И ответ на него зависит в первую очередь от того, какая модель облачного гейминга используется сторонами.

Модель Software as Service подразумевает, что воспроизведение и доведение до всеобщего сведения осуществляются оператором, а не игроком, поскольку первый заключает лицензионный договор с правообладателем игры и в соответствии с этим соглашением получает право на воспроизведение и доведение до всеобщего сведения соответствующих игр (кроме случаев, если оператор и правообладатель игр совпадают в одном лице). Следовательно, игро-

¹⁸ Frank Peterson v. Google LLC. and. Elsevier Inc. v. Cyando AG. 2020. Joined Cases C-682/18 and C-683/18.

¹⁹ Практически аналогичные положения содержатся в ст. 1253.1 ГК РФ.

²⁰ Сидоренко А. И. Судебные доктрины в сфере интеллектуальных прав в России и за рубежом // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2021. № 3. С. 100–115.

²¹ URL: <https://gfn.ru/eula.html> (дата обращения: 02.03.2022).

²² См., например: постановление Суда по интеллектуальным правам от 20.01.2022 № C01-2136/2021 по делу № A40-52233/2021 ; постановление Суда по интеллектуальным правам от 25.03.2021 № C01-263/2021 по делу № A65-6320/2020.

ку нет необходимости заключать лицензионное соглашение для получения доступа к игре, необходимо лишь заключение договора между оператором облачного сервиса и игроком. Вместе с тем некоторые облачные сервисы, в частности Google Stadia, в пользовательском соглашении закрепляют довольно интересное положение, в соответствии с которым игрок заключает лицензионный договор с правообладателем, согласно которому он получает право доступа²³ к соответствующей игре через оператора. Представляется, однако, что более адекватным подходом, с учетом природы облачного гейминга по модели GaaS, является подход, используемый компанией Netflix в отношениях с пользователями. В пользовательском соглашении указано: «во время действия подписки Netflix мы предоставляем вам ограниченное, неисключительное, непередаваемое право на доступ к сервису Netflix и контенту Netflix»²⁴. В этих случаях речь идет не о заключении лицензионного договора с правообладателем, а о заключении договора с оператором облачного сервиса на доступ к контенту, который предоставляется облачным сервисом или онлайн-кинотеатром²⁵.

В случае же с моделями Platform as a Service и Infrastructure as a Service структура договорных отношений более сложная. Игроку необходимо, во-первых, заключить соглашение об использовании компьютерных мощностей оператора облачного сервиса и, во-вторых, заключить лицензионный договор с правообладателем игры, в соответствии с которым он приобретает право использовать соответствующую игру на облачном сервисе. Ярким примером является уже упомянутый сервис GeForce Now, по условиям пользовательского соглашения которого игрок: 1) уплачивает определенную денежную

сумму за доступ к самому сервису; 2) заключает лицензионные договоры с правообладателями игры, привязывая их к соответствующему облачному сервису. При этом Nvidia не является ни стороной данного лицензионного договора, ни третьим лицом, в пользу которого такой договор заключен²⁶.

Помимо вопросов относительно лицензионного договора, возникают вопросы, касающиеся природы договора, в соответствии с которым пользователь получает доступ к инфраструктуре оператора облачного сервиса. Такой договор исследователи квалифицируют как договор возмездного оказания услуг, обладающий всеми соответствующими признаками²⁷. Следует подчеркнуть, что базовая версия облачного сервиса может представлять собой и безвозмездный договор.

Договор доступа к инфраструктуре может быть заключен также по конструкции абонентского договора. К примеру, в соответствии с условиями облачного сервиса GeForce Now, «оформив подписку, пользователь заключает с администрацией договор на условиях, предусмотренных настоящим соглашением, а также положениями ст. 429.4 Гражданского кодекса РФ (абонентский договор)». Абонентским признается договор, предусматривающий внесение одной из сторон (абонентом) определенных, в том числе периодических, платежей или иного предоставления за право требовать от другой стороны (исполнителя) предоставления предусмотренного договором исполнения в затребованном количестве или объеме либо на иных условиях, определяемых абонентом, при этом несовершение абонентом действий по получению исполнения или направление требования исполнения в объеме меньшем, чем это пред-

²³ Right to access.

²⁴ URL: <https://help.netflix.com/ru/legal/termsfuse>.

²⁵ Природа этого договора может определяться по-разному, в том числе его можно рассматривать как договор оказания услуг. См., в частности: Кузнецова О. А. Гражданско-правовое регулирование договорных отношений в сфере телекоммуникационных услуг : монография. М. : Юстицинформ, 2018 ; Веденина Д. В. Закон об онлайн-кинотеатрах: обзор нововведений для аудиовизуальных сервисов // Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права. 2017. № 10. С. 53–58.

²⁶ Разд. 5 Пользовательского соглашения GeForce Now: Использование сервиса.

²⁷ Карцхия А. А. Указ. соч. С. 162–172.

усмотрено абонентским договором, по общему правилу не освобождает абонента от обязанности осуществлять платежи по абонентскому договору. Действительно, такой договор имеет все признаки абонентского: игрок вносит ежемесячную плату за пользование облачным сервисом, при этом не имеет значения, пользуется он им или нет в течение оплаченного периода. С точки зрения допустимости одностороннего отказа оператора от исполнения договора решающее значение имеет квалификация такого договора в качестве публичного. Как отмечает Верховный Суд РФ, по смыслу п. 2 ст. 310, п. 3 ст. 426, ст. 450.1 ГК РФ не связанный с нарушением со стороны потребителя односторонний отказ лица, обязанного заключить публичный договор, от исполнения публичного договора не допускается, в том числе в случаях, предусмотренных правилами об отдельных видах договоров, например статьей 782 ГК РФ²⁸. При этом в силу ст. 426 ГК РФ публичным признается договор, который заключается лицом, обязанным по характеру деятельности продавать товары, выполнять работы, оказывать услуги в отношении каждого, кто к нему обратится, например договоры в сфере розничной торговли, перевозки транспортом общего пользования, оказания услуг связи, энергоснабжения, медицинского, гостиничного обслуживания. К публичным договорам относятся также иные договоры, прямо названные в законе в качестве таковых, например договор бытового подряда, договор водоснабжения, договор обязательного страхования ответственности владельцев транспортных средств. Очевидно, что в отсутствие специального регулирования прямое указание на публичность договора о предоставлении доступа к инфраструктуре оператора облачного сервиса в законодательстве отсутствует. Несмотря на попытки Верховного Суда РФ расширить кате-

горию публичного договора за счет включения туда договоров, одной из сторон которых является продавец (исполнитель), который занимается предпринимательской деятельностью и, как правило, реализует социально необходимые и публично значимые товары (работы, услуги)²⁹, вряд ли можно отнести «облачные» договоры к публичным, поскольку они прямо не названы таковыми в законе и такие услуги не относятся к публично значимым. Таким образом, в силу п. 2 ст. 782 ГК РФ исполнитель вправе отказаться от исполнения обязательств по договору возмездного оказания услуг лишь при условии полного возмещения заказчику убытков, и, как следствие, условия договоров о предоставлении услуг облачных сервисов, предусматривающие возможность прекращения доступа к ним, в том числе по основаниям, не связанным с нарушением договора одной из сторон, соответствуют закону.

Подводя итог, следует заключить, что гражданско-правовое регулирование облачного гейминга находится в удовлетворительном состоянии. Преимуществом действующего регулирования является предоставление свободы выбора как технологической модели облачного гейминга, так и соответствующих договорных конструкций в этой сфере. Вместе с тем нужно отметить, что отсутствие правовой регламентации отдельных аспектов договорных отношений сторон приводит к правовой неопределенности на соответствующих рынках. Так, законодателю все же необходимо решить, следует относить договор доступа к инфраструктуре облачного гейминга к числу публичных или же нет. Не менее актуальным представляется уточнение статуса оператора облачного сервиса в качестве информационного посредника для решения вопроса о возможности привлечения его к ответственности за нарушение исключительных прав пользователем.

²⁸ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 25.12.2018 № 49 «О некоторых вопросах применения общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации о заключении и толковании договора» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2019. № 2.

²⁹ П. 22 Обзора судебной практики по делам о защите прав потребителей (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 20.10.2021) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2021. № 11.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Веденина Д. В. Закон об онлайн-кинотеатрах: обзор нововведений для аудиовизуальных сервисов // Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права. — 2017. — № 10. — С. 53–58.
2. Данилов И. С. Game over: серьезный вопрос о роли права в мире видеоигр // Предпринимательское право. — 2021. — № 1. — С. 53–58.
3. Карцхия А. А. Облачные технологии: правовой аспект // Российский юридический журнал. — 2018. — № 6. — С. 162–172.
4. Котенко Е. С. Авторские права на мультимедийный продукт : монография. — М. : Проспект, 2013. — 128 с.
5. Кузнецова О. А. Гражданско-правовое регулирование договорных отношений в сфере телекоммуникационных услуг : монография. — М. : Юстицинформ, 2018. — 208 с.
6. Пушков А. М. Совершенствование правового регулирования вопросов использования произведений в информационно-телекоммуникационных сетях // Юрист. — 2021. — № 9. — С. 48–52.
7. Савельев А. И. Электронная коммерция в России и за рубежом: правовое регулирование. — 2-е изд. — М. : Статут, 2016. — 640 с.
8. Сидоренко А. И. Судебные доктрины в сфере интеллектуальных прав в России и за рубежом // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. — 2021. — № 3. — С. 100–115.
9. A network analysis on cloud gaming: Stadia, GeForce Now and PSNow / A. Di Domenico [et al.] // Network. — 2021. — Т. 1. — No. 3. — P. 247–260.
10. A Survey on Cloud Gaming: Future of Computer Games / W. Cai [et al.] // IEEE Access. — 2016. — Vol. 4. — P. 7605–7620.
11. Barbieri L., Bonanni M. Mastering Azure Serverless Computing. — Packt, 2019. — 362 p.
12. Ferretti S., Marzolla M. Cloud for Gaming // Encyclopedia of Computer Graphics and Games / N. Lee (ed.). — Springer, 2015.
13. The Legal Status of Video Games: Comparative Analysis in National Approaches / A. Ramos [et al.] // WIPO publication. — 2013. — 96 p.

Материал поступил в редакцию 2 марта 2022 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Vedenina D. V. Zakon ob onlayn-kinoteatrakh: obzor novovvedeniy dlya audiovizualnykh servisov // Intellektualnaya sobstvennost. Avtorskoe pravo i smezhnye prava. — 2017. — № 10. — S. 53–58.
2. Danilov I. S. Game over: sereznny vopros o roli prava v mire videoigr // Predprinimatelskoe pravo. — 2021. — № 1. — S. 53–58.
3. Kartskhiya A. A. Oblachnye tekhnologii: pravovoy aspekt // Rossiyskiy yuridicheskiy zhurnal. — 2018. — № 6. — S. 162–172.
4. Kotenko E. S. Avtorskie prava na multimediyyny produkt: monografiya. — M.: Prospekt, 2013. — 128 s.
5. Kuznetsova O. A. Grazhdansko-pravovoe regulirovanie dogovornykh otnosheniy v sfere telekommunikatsionnykh uslug: monografiya. — M.: Yustitsinform, 2018. — 208 s.
6. Pushkov A. M. Sovershenstvovanie pravovogo regulirovaniya voprosov ispolzovaniya proizvedeniy v informatsionno-telekommunikatsionnykh setyakh // Yurist. — 2021. — № 9. — S. 48–52.
7. Savelev A. I. Elektronnyaya kommertsiya v Rossii i za rubezhom: pravovoe regulirovanie. — 2-e izd. — M.: Statut, 2016. — 640 s.

8. Sidorenko A. I. Sudebnye doktriny v sfere intellektualnykh prav v Rossii i za rubezhom // Zhurnal zarubezhnogo zakonodatelstva i sravnitel'nogo pravovedeniya. — 2021. — № 3. — S. 100–115.
9. A network analysis on cloud gaming: Stadia, GeForce Now and PSNow / A. Di Domenico [et al.] // Network. — 2021. — Т. 1. — No. 3. — P. 247–260.
10. A Survey on Cloud Gaming: Future of Computer Games / W. Cai [et al.] // IEEE Access. — 2016. — Vol. 4. — P. 7605–7620.
11. Barbieri L., Bonanni M. Mastering Azure Serverless Computing. — Packt, 2019. — 362 p.
12. Ferretti S., Marzolla M. Cloud for Gaming // Encyclopedia of Computer Graphics and Games / N. Lee (ed.). — Springer, 2015.
13. The Legal Status of Video Games: Comparative Analysis in National Approaches / A. Ramos [et al.] // WIPO publication. — 2013. — 96 p.

ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ И КОРПОРАТИВНОЕ ПРАВО

DOI: 10.17803/1994-1471.2022.141.8.093-103

И. В. Ершова*,
Е. Е. Енькова**

Санкционный комплаенс, или внутрифирменное управление рисками от рестрикций

Аннотация. В статье предпринята попытка осмыслить потенциал санкционного комплаенса для цели предотвращения или минимизации бизнес-рисков российских компаний в условиях санкционного давления коллективного Запада. На основе анализа нормативных и доктринальных источников показано, что названный вид комплаенса, с одной стороны, базируется на официальных документах, с другой — предполагает разработку уникальной системы мер с учетом географической, отраслевой, иной специфики деятельности конкретной коммерческой организации. Сформулированы характерные черты современного правового регулирования экономики в России. Аргументировано мнение о том, что принимаемые меры направлены на уменьшение эффекта иностранных санкций, а в долгосрочной перспективе — на развитие российского товарного рынка, снижение уровня зависимости отечественной экономики от зарубежных товаров и технологий. С учетом различных подходов дана правовая квалификация санкционному режиму как особому либо экстраординарному. Сделан вывод о его последующей трансформации в ординарный. Приведено понимание и значение санкционного комплаенса. Выявлены условия разработки коммерческими организациями санкционной комплаенс-политики. Представлена модель санкционного комплаенса с указанием ключевых особенностей последнего. Охарактеризованы различные организационные формы санкционного комплаенса. Намечены перспективы его дальнейшего развития в российских компаниях.

Ключевые слова: бизнес; предпринимательский риск; рестрикции; санкционные риски; антисанкционная политика государства; санкционный правовой режим; система комплаенс-контроля; санкционный комплаенс; рискориентированный подход; юридическая ответственность.

© Ершова И. В., Енькова Е. Е., 2022

* *Ершова Инна Владимировна*, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой предпринимательского и корпоративного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), заслуженный юрист РФ
Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993
ivershova@msal.ru

** *Енькова Екатерина Евгеньевна*, кандидат юридических наук, доцент, заместитель заведующего кафедрой предпринимательского и корпоративного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993
enkova.e.e@yandex.ru

Для цитирования: Ершова И. В., Енькова Е. Е. Санкционный комплаенс, или Внутрифирменное управление рисками от рестрикций // Актуальные проблемы российского права. — 2022. — Т. 17. — № 8. — С. 93–103. — DOI: 10.17803/1994-1471.2022.141.8.093-103.

Sanctions Compliance, or Intra-Company Risk Management Caused by Restrictions

Inna V. Ershova, Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Business and Corporate Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Honored Lawyer of the Russian Federation
ul. Sadovaya-Kudrinskaya, d. 9, Moscow, Russia, 125993
ivershova@msal.ru

Ekaterina E. Enkova, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Deputy Head of the Department of Business and Corporate Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
ul. Sadovaya-Kudrinskaya, d. 9, Moscow, Russia, 125993
enkova.e.e@yandex.ru

Abstract. The paper makes an attempt to comprehend the potential of sanctions compliance for the purpose of preventing or minimizing business risks for Russian companies under the conditions of sanctions pressure of the collective West. Based on the analysis of regulatory and doctrinal sources, it is shown that this type of compliance under consideration, on the one hand, is based on official documents and, on the other hand, it involves development of a unique system of measures taking into account the geographical, sectoral, and other specifics of the activities of a particular commercial organization. The authors define characteristic features of the modern legal regulation of the economy in Russia. The paper substantiates an opinion that the measures taken are aimed at reducing the impact of foreign sanctions, and, in the long term, they will lead to the development of the Russian commodity market, reducing the level of dependence of the domestic economy on foreign goods and technologies. Taking into account different approaches, the authors characterize a sanctions regime as either a special regime or an extraordinary regime. The conclusion is made about its subsequent transformation into an ordinary one. The paper provides understanding and meaning of sanctions compliance. It also explains conditions for the development of sanctions compliance policy by commercial organizations. The authors give a model of sanctions compliance indicating the key features of the latter and characterising various organizational forms of sanctions compliance. The authors also outline prospects for its further development in Russian companies.

Keywords: business; entrepreneurial risk; restrictions; sanctions risks; anti-sanctions policy of the state; sanctions legal regime; compliance control system; sanctions compliance; risk-oriented approach; legal responsibility.

Cite as: Ershova IV, Enkova EE. Sanktsionnyy kompliens, ili Vnutrifirmennoe upravlenie riskami ot restriksiy [Sanctions Compliance, or Intra-Company Risk Management Caused by Restrictions]. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2022;17(8):93-103. DOI: 10.17803/1994-1471.2022.141.8.093-103 (In Russ., abstract in Eng.).

Введение

Бизнес и риск — неразрывно связанные категории. Рисковый характер является одним из признаков предпринимательской деятельности, закрепленных в ст. 2 ГК РФ. Легальное определение предпринимательского риска содержится в

п. 2 ст. 929 ГК РФ. Исходя из правовой позиции Верховного Суда РФ, «предпринимательский риск гражданина заключается в вероятности наступления событий, в результате которых продолжение осуществления данной деятельности станет невозможным»¹. В доктрине обоснована позиция, согласно которой предприниматель-

¹ Кассационное определение Судебной коллегии по административным делам Верховного Суда РФ от 14.04.2021 № 39-КАД21-1-К1 // URL: <https://legalacts.ru/sud/kassatsionnoe-opredelenie-sudebnoi-kollegii->

ский риск должен рассматриваться в двух аспектах: объективном и субъективном. Риск в объективном смысле — это опасность, объективно существующая возможность наступления вредных последствий, а в субъективном — осознание возможности наступления неблагоприятных последствий в результате выбора одного из вариантов поведения в сложившейся ситуации².

В последние годы рискованный аспект предпринимательской деятельности усугубился: перечень рисков для отечественных компаний пополнился еще одной позицией — не основанные на нормах международного права санкции ряда зарубежных стран. Начиная с 2014 г. против Российской Федерации введено 10 128 ограничений, 7 374 из них принято после начала специальной военной операции на Украине³. По данным зарубежного источника, по состоянию на 8 июня 2022 г. против России было введено 10 684 санкций, а с 22 февраля 2022 г. — 7 930. При этом 6 862 из них носят индивидуальный характер⁴. Таким образом, угроза санкций⁵ сегодня является одним из ключевых политических рисков для бизнеса.

Правовые решения государства для противодействия санкциям

При разработке санкционной комплаенс-стратегии компания ориентируется на соответствующие правовые решения государства. Данные решения можно классифицировать по различным основаниям:

- по юридическому оформлению: находят закрепление в федеральных законах или подзаконных нормативных правовых актах;
- по сроку принятия: временные и без указания периода действия;
- по содержанию: регламентируют вопросы налогообложения, кредитования, продажи валюты, осуществления госконтроля, введения моратория на возбуждение дел о банкротстве, совершения госзакупок и др.;
- по масштабу действия: затрагивают экономику в целом либо отдельные отрасли (например, IT-сферу, лизинг);
- по характеру воздействия: стандартные и чрезвычайные (например, внешнее управление иностранными компаниями);
- по этапу принятия: введенные в действие и находящиеся в стадии разработки.

po-administrativnym-delam-verkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii-ot-14042021-n-39-kad21-1-k1/? (дата обращения: 16.06.2022).

² Предпринимательское право Российской Федерации : учебник / отв. ред. Е. П. Губин, П. Г. Лахно. 3-е изд. М. : Норма : Инфра-М, 2017. С. 30 ; *Белых В. С.* Правовое регулирование предпринимательской деятельности в России : монография. М. : Проспект, 2005. С. 46 ; *Копылов В. А.* Риск в предпринимательской деятельности : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2003. С. 7–8.

³ Володин назвал количество введенных с начала спецоперации антироссийских санкций // URL: <https://lenta.ru/news/2022/05/08/volodin/> (дата обращения: 15.05.2022).

⁴ URL: <https://www.castellum.ai/russia-sanctions-dashboard> (дата обращения: 10.06.2022).

⁵ В экономической литературе выделяют такие виды санкций, как: финансовые, торговые, технологические, санкции SDN (включение юридических и физических лиц в список субъектов, которые попали под ограничения). Рестрикции могут быть введены как отдельными странами, так и объединениями государств. Они могут применяться в отношении страны в целом либо могут быть адресованы определенным юридическим и физическим лицам. Перечень наиболее распространенных экономических санкций выглядит следующим образом: замораживание счетов, замораживание имущественных активов граждан и организаций, запрет на оказание финансовой помощи и инвестиции, запрет на экспорт и импорт каких-либо товаров, ограничения на торговлю, запрет на перевозки определенными видами транспорта, запрет на оказание отдельных услуг, запрет на удовлетворение исков, запрет на экспорт технологий, запрет на проведение сделок, ограничения на экспорт товаров, связанных с ураном и ядерной промышленностью.

Анализ действующих и планируемых к принятию нормативных правовых актов позволил сформулировать следующие **характерные черты правового регулирования на современном этапе:**

— **оперативное изменение законодательства.**

Яркий пример — Указом Президента РФ от 09.06.2022 № 360⁶ отменено требование к экспортерам об обязательной продаже 50 % валютной выручки. Решение касается как сырьевого, так и несырьевого экспорта и относится к экспортным контрактам в любой иностранной валюте⁷. Еще один показательный пример. Банк России 10 июня 2022 г. снизил ключевую ставку на полтора процентных пункта: с 11 до 9,5 % годовых. Причины: замедление инфляции и снижение экономической активности в меньшем масштабе, чем ожидалось. Таким образом, ставка вернулась к февральскому значению, с которого Центральный банк РФ резко повысил ее до 20 % из-за турбулентности на финансовом рынке⁸;

— **преобладание подзаконных нормативных правовых актов.**

Это вполне объяснимо, поскольку процедура принятия федерального закона многостадийна и весьма продолжительна, тогда как эффективное регулирование экономики требует хотя и взвешенных, но нередко незамедлительных решений;

— **поэтапное принятие нормативных решений.**

Правовые решения российского государства в сложившейся политической и экономической ситуации зачастую носят характер ответных мер. В связи с принятием очередного пакета санкций недружественными государствами разрабатываются адекватные правовые меры;

— **дополнение федеральных мер поддержки на региональном и муниципальном уровнях.**

Так, Указом Президента РФ от 16.03.2022 № 121⁹ в связи с санкционной политикой недружественных государств высшим должностным лицам субъектов РФ предписано с учетом географических особенностей соответствующих территорий принять исчерпывающие меры по обеспечению социально-экономической стабильности. И регионы, исходя из имеющихся полномочий и возможностей бюджетов, активно занимаются нормотворчеством, чтобы оказать содействие субъектам предпринимательства¹⁰;

— **комбинированный характер вводимых мер.**

Сложность экономической ситуации и стремление поддержать бизнес обуславливают применение разнообразных подходов к оформлению правовых решений (например, один нормативный правовой акт регламенти-

⁶ Указ Президента РФ от 09.06.2022 № 360 «О внесении изменений в Указ Президента РФ от 28.02.2022 № 79 “О применении специальных экономических мер в связи с недружественными действиями Соединенных Штатов Америки и примкнувших к ним иностранных государств и международных организаций” и Указ Президента РФ от 18.03.2022 № 126 “О дополнительных временных мерах экономического характера по обеспечению финансовой стабильности Российской Федерации в сфере валютного регулирования”» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru>. 09.06.2022.

⁷ Отменено требование к экспортерам продавать 50 % валютной выручки // URL: https://minfin.gov.ru/ru/press-center/?id_4=37967-otmeneno_trebovanie_k_eksporteram_prodat_50_valyutnoi_vyruchki (дата обращения: 10.06.2022).

⁸ Маркелов Р. Банк России снизил ключевую ставку до 9,5 % // URL: <https://rg.ru/2022/06/10/bank-rossii-snizil-kliuchevuiu-stavku-do-95.html> (дата обращения: 10.06.2022).

⁹ Указ Президента РФ от 16.03.2022 № 121 «О мерах по обеспечению социально-экономической стабильности и защиты населения в Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru>. 16.03.2022.

¹⁰ Справочная информация «Антикризисные меры — 2022. Экономическая поддержка бизнеса в субъектах Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

рует одновременно несколько мер поддержки¹¹ либо разные документы регулируют отдельные аспекты осуществления регионального контроля (надзора) с целью упрощения разрешительных процедур¹²).

Сопоставимый по масштабам всплеск нормотворческой активности наблюдался весной 2020 г. в период пандемии коронавирусной инфекции. В связи с этим невольно напрашивается сравнение, которое наряду с общими чертами позволяет выявить особенности правового регулирования в современных реалиях. На наш взгляд, специфика правовых решений в 2022 г. заключается в следующем:

- 1) разработка уникальной системы правовых решений; нет стандартного (унифицированного) набора мер для разных стран, как это наблюдалось в ковидный период;
- 2) правовые решения носят характер ответных, порой «зеркальных» мер (реакция на санкции);
- 3) двойственное содержание принимаемых нормативных документов. С одной стороны, регламентация различных мер государственной поддержки субъектов предпринимательства и отдельных отраслей. С другой — контрсанкции в отношении компаний из недружественных государств;
- 4) наряду с подзаконными нормативными правовыми актами, разрабатываются пакеты федеральных законов и документы стратегического планирования с целью переформатирования экономики.

Спикер Госдумы Вячеслав Володин анонсировал принятие в весеннюю сессию целого ряда

экономических законопроектов (в частности, о введении внешнего управления в иностранных компаниях, ушедших с российского рынка, продлении действия периода пониженных ставок налога на прибыль до 1 января 2024 г., поддержке лизингополучателей, об упрощении казначейского сопровождения контрактов)¹³. Что касается документов стратегического планирования, то, к примеру, во исполнение перечня поручений Президента РФ по итогам совещания по вопросам развития металлургического комплекса от 20.04.2022 Правительству РФ в срок до 1 июня 2022 г. надлежало утвердить стратегию развития металлургической промышленности Российской Федерации на период до 2030 г.¹⁴

Анализ правовых основ введения ограничительных мер в России, а также последних изменений в законодательстве позволяет заключить, что в настоящее время меры, вводимые в России, направлены не столько на уменьшение эффекта иностранных санкций, сколько на развитие собственного товарного рынка, снижение уровня зависимости российской экономики от зарубежных товаров и технологий в целом, выстраивание взаимовыгодных торговых альянсов на постоянной основе со странами Юго-Восточной Азии и Латинской Америки¹⁵.

«Санкционное право» формирует санкционный правовой режим экономической деятельности в целом и деятельности коммерческих организаций в частности. Исходя из различных классификаций правовых режимов в доктрине

¹¹ Постановлением Правительства Москвы от 22.03.2022 № 407-ПП установлены, в частности, мораторий на повышение арендной платы; ставка платы 9,5 % годовых при рассрочке внесения земельных платежей; беспроцентная отсрочка платы за изменение вида разрешенного использования земельного участка; льготы в части объектов некапитального строительства; упрощение разрешительных процедур.

¹² Например: постановления Правительства Москвы от 22.03.2022 № 407-ПП и № 438-ПП, от 29.03.2022 № 454-ПП, от 12.04.2022 № 582-ПП (СПС «КонсультантПлюс»).

¹³ В Госдуме рассказали о законопроектах для противодействия санкциям // URL: <https://lenta.ru/news/2022/05/15/defense/> (дата обращения: 01.06.2022).

¹⁴ Перечень поручений по итогам совещания по вопросам развития металлургического комплекса // URL: <http://www.kremlin.ru/acts/assignments/orders/68449> (дата обращения: 01.06.2022).

¹⁵ Добрынина Л. Ю., Губарева А. В. Правовое обоснование ответных мер Российской Федерации на экономические санкции США, ЕС и их союзников // Национальная безопасность. 2020. № 1. С. 32.

он квалифицируется как особый либо экстраординарный¹⁶. Представляется, что в перспективе по мере структурной перестройки отечественной экономики он трансформируется в ординарный.

Санкционный комплаенс как элемент системы комплаенс-контроля

Термин «комплаенс» произошел от англ. *compliance* — соответствие, *to comply* — соответствовать. Из-за отсутствия единого закона о комплаенсе в законодательстве не представлено его легального определения. В доктрине предложены различные авторские понятия комплаенса.

Санкционный комплаенс является разновидностью системы комплаенс-контроля коммерческих организаций и формируется наряду с такими его видами, как антимонопольный, антикоррупционный, бухгалтерский, налоговый, экологический, трудовой в области защиты персональных данных и др. В данной классификации критерием является сфера применения комплаенса.

Отметим, что в теории выделяют и другие виды комплаенса: юридический и этический¹⁷; правовой, репутационный, операционный и пр. По организационному признаку построения принято говорить о двух основных подходах к комплаенсу:

а) основанному на соблюдении нормы (известный в Западной Европе как *rule based approach*);

б) основанному на анализе рисков (*risk based approach*).

Для нашего исследования последняя классификация имеет особое значение, поскольку санкционный комплаенс призван **управлять санкционными рисками** коммерческих организаций.

В научной литературе приводятся дефиниции санкционного комплаенса. К примеру, он определяется как «система бизнес-процессов, направленная на выявление и локализацию потенциальных рисков, связанных с введенными санкционными ограничениями»¹⁸, комплаенс предлагают трактовать как «независимую систему бизнес-процессов организации, направленную на выявление и минимизацию рисков, связанных с введенными санкционными ограничениями в отношении организации, дочерних структур организации, клиентов, контрагентов, партнеров, вендоров, корреспондентов организации»¹⁹; «систему следования введенным запретам и ограничениям». Данный вид комплаенса отличается экстерриториальным характером ограничительных мер, параллельным действием разных санкционных режимов и быстроменяющимся законодательством²⁰.

Содержание санкционного комплаенса

Системы санкционного комплаенса активно внедряются в зарубежных странах. В частности, в США — стране, меньше других испытывающей на себе санкционное давление, 2 мая 2019 г. Министерством финансов США был принят

¹⁶ Тарасенко О. А. Формирование доктрины и законодательства о правовых режимах банковской деятельности // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2001. Вып. 51. С. 105–132 ; Кванина В. В. Понятие и виды правовых режимов предпринимательской деятельности // Вестник Томского государственного университета. 2017. № 424. С. 234–240.

¹⁷ Копытин Д. Что такое compliance, или Играем по правилам // Кадровик. 2010. № 2. URL: <http://www.kadrovik.org/chtotakoe-compliance-iliigraem-popravilam> (дата обращения: 01.06.2022).

¹⁸ Косов М. Е., Роцин Н. С., Лебедева Н. В. Санкционный комплаенс (специальные политики и процедуры) // Аллея науки. 2019. Т. 2. № 11 (38). С. 601.

¹⁹ Дарадонов К. В. Санкционный комплаенс: вопросы достаточности нормативного обеспечения // Бизнес. Образование. Право. 2021. № 2 (55). С. 266.

²⁰ Гландин С., Примаков Д. Санкционный комплаенс в 2019 г.: тенденции и новые веяния // Legal Insight. 2019. № 04 (80). С. 36.

документ A Framework for OFAC Compliance Commitments²¹.

Согласно названному акту Управление по контролю за иностранными активами (OFAC) Министерства финансов США обеспечивает соблюдение программ экономических и торговых санкций США против целевых иностранных правительств, отдельных лиц, групп и организаций в соответствии с целями и задачами национальной безопасности и внешней политики. Управление по контролю за иностранными активами настоятельно рекомендует организациям, подпадающим под юрисдикцию США, а также иностранным организациям, которые ведут бизнес в США или с ними, лицами из США или используют товары или услуги американского происхождения, применять основанный на риске подход к соблюдению санкций путем разработки, внедрения и регулярного обновления программы соблюдения санкций (SCP).

Каждая основанная на риске SCP будет варьироваться в зависимости от множества факторов (размер и сложность компании, продукты и услуги, клиенты и контрагенты, географическое положение и пр.), и в то же время она должна включать по крайней мере пять основных компонентов соответствия требованиям (Руководящим принципам, Guidelines): обязательства руководства; оценка рисков; внутренний контроль; тестирование и аудит; обучение работников.

Следование указанным принципам призвано снизить риск умышленного либо неосторожного нарушения санкционного законодательства. Если всё же такое произойдет, то наличие в организации SCP, построенной на Guidelines, трактуется как смягчающее обстоятельство, позволяющее снизить ответственность.

В силу положений A Framework for OFAC Compliance Commitments риски, связанные с соблюдением санкций, представляют собой потенциальные угрозы или уязвимости, которые, если их игнорировать или не обрабатывать

должным образом, могут привести к нарушениям правил Управления по контролю за иностранными активами и негативно повлиять на репутацию и бизнес организации. Управление рекомендует организациям применять риск-ориентированный подход при разработке или обновлении SCP. Один из основных принципов этого подхода заключается в том, что организации должны проводить регулярную и, при необходимости, постоянную «оценку рисков» с целью выявления потенциальных проблем, с которыми они могут столкнуться. Результаты оценки рисков — неотъемлемая часть информирования о политике, процедурах, внутреннем контроле и об обучении SCP в целях снижения таких рисков.

В настоящее время *исходными условиями для построения системы комплаенса* в России являются: беспрецедентный характер вводимых санкций; гораздо более широкий, чем при пандемии COVID-19, спектр проблем; наличие у государства антисанкционного плана; разработка и принятие мер поддержки, носящих длящийся характер.

В рамках научной школы кафедры предпринимательского и корпоративного права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) разработан *модель санкционного комплаенса*²².

Так, по мнению А. Р. Рязановой, санкционный комплаенс «как часть системы внутреннего контроля организации... предполагает принятие организацией мер для выявления и оценки рисков нарушения применимых санкционных режимов в целях обеспечения соответствия применимым требованиям и предотвращения привлечения организации к юридической ответственности. Особенностью санкционного комплаенса является то, что часто компании обязуются выполнять требования права иностранного государства или наднационального объединения, которые ввели санкционный режим, но право которых не является их личным законом»²³.

²¹ URL: https://home.treasury.gov/system/files/126/framework_ofac_cc.pdf (дата обращения: 10.06.2022).

²² Ершова И. В., Енькова Е. Е. Реформа аудита & развитие комплаенса: обзор научно-практической конференции // Право и бизнес. 2022. № 2. С. 60.

²³ Аудит & комплаенс: закон, доктрина, практика : монография / отв. ред. И. В. Ершова. М. : Проспект, 2022. С. 267–277 (автор § 2 гл. 9 — А. Р. Рязанова).

Данный вид комплаенса характеризуется следующими ключевыми особенностями:

- постоянная динамика и возникновение новых санкционных режимов и санкционных программ;
- возможность вторичных санкций и экстерриториальный характер некоторых санкционных программ;
- множественность и конкуренция санкционных режимов;
- косвенное применение санкционных мер (правило 50 % владения или правило контроля);
- наличие исключений из санкционного режима;
- запрет схем по обходу санкционных ограничений, применение схем квалифицируется как правонарушение.

Указанные особенности позволяют заключить, что санкционный комплаенс является важной частью внутренней системы контроля организаций, поскольку нарушение санкционных режимов может привести к юридической ответственности перед государством или к проблемам при ведении предпринимательской деятельности (например, в случае заморозки активов или блокировки банковского перевода).

Специалисты по комплаенсу выделяют несколько распространенных ошибочных стереотипов, о которых нужно знать владельцам и менеджменту бизнеса при разработке санкционной комплаенс-политики, чтобы избежать ответственности:

- санкционный комплаенс избыточен либо существующий комплаенс хорош и не требует развития;
- если нет злого умысла и компания преднамеренно не нарушает режимы санкций, значит, риск для нее не актуален;
- государственные регуляторы обращают внимание на нарушения крупных компаний, а средний и малый бизнес им не интересен;
- регуляторы игнорируют незначительные нарушения и сомнительные случаи, их вни-

мание привлекают только вопиющие нарушения;

- «санкции за нарушение санкций» не страшны, если работать в иной юрисдикции;
- если государственные регуляторы сразу не узнали о нарушениях, то о них можно забыть: привлечение к ответственности не последует²⁴.

Для российских субъектов предпринимательства санкционный комплаенс имеет два ключевых направления. Во-первых, это исполнение российского санкционного законодательства, которое является обязательным для российских лиц. Во-вторых, это учет ограничений и запретов иностранного санкционного законодательства, способных сорвать заключение и исполнение сделок и в целом осложнить ведение хозяйственной деятельности. Следует отметить усиление тенденции включения российскими организациями в сферу действия своих санкционных комплаенс-программ рисков, связанных с несоблюдением зарубежного санкционного законодательства. При этом анализ российской судебной практики показывает, что исполнение иностранного санкционного законодательства на территории России может быть признано нарушением публичного порядка.

Необходимо внести изменения в российское законодательство в части установления административной и уголовной ответственности за несоблюдение мер ограничительного характера, введенных Россией (по аналогии с ведущими юрисдикциями в этой области — США, ЕС и Великобританией). В частности, надлежит предусмотреть специальные составы административных правонарушений, размеры штрафов за правонарушения и определить органы с контрольно-надзорными полномочиями в этой сфере.

Для примера укажем, что Управление по контролю за иностранными активами Министерства финансов США администрирует и применяет экономические и торговые санкции, основанные на внешней политике США и целях национальной безопасности, против

²⁴ Тимофеев И., Хоменко М. Управление риском санкций: семь стереотипов и пять элементов // URL: <https://pravo.ru/story/221854/> (дата обращения: 01.06.2022).

целевых иностранных стран и режимов, и др.²⁵ Свою деятельность Управление основывает на документах комплаенс-политик организаций (SCP), данных регуляторов и других органов федеральной администрации²⁶.

Оформление санкционной комплаенс-политики

В практике российских коммерческих организаций используются **различные организационные формы санкционного комплаенса**:

1. Принятие локального акта. Это может быть отдельная санкционная комплаенс-политика либо общая комплаенс-политика, охватывающая санкционные риски.

2. Создание самостоятельного структурного комплаенс-подразделения, подразделения юридического и (или) иного департамента²⁷

либо наделение соответствующими функциями работника организации (комплаенс-офицера).

3. Применение автоматизированных систем выявления комплаенс-рисков²⁸.

В этой связи следует позитивно оценить инициативу Торгово-промышленной палаты РФ, на сайте которой размещены часто задаваемые вопросы и ответы Еврокомиссии об обходе и должной осмотрительности в отношении вводимых санкций, о замораживании активов и запрете на предоставление средств или экономических ресурсов²⁹. Тем самым российские юридические лица оперативно информируются о моделях поведения своих зарубежных партнеров. Думается, федеральной и региональным торгово-промышленным палатам совместно с объединениями предпринимателей и юристов (например, Российским союзом промышленников и предпринимателей, Ассоциацией юристов России) нужно

²⁵ Office of Foreign Assets Control — Sanctions Programs and Information // URL: <https://home.treasury.gov/policy-issues/office-of-foreign-assets-control-sanctions-programs-and-information> (дата обращения: 10.06.2022).

²⁶ Вместе с тем Управление по контролю за иностранными активами вправе требовать представления материалов через «административную повестку» и обладает целым арсеналом мер реагирования на нарушения — от предупреждения или административного штрафа в соответствии с ИЕРА (civil monetary penalty, сумма зависит от транзакции, достигает сотен тысяч долларов) до передачи дела для уголовного преследования или отзыва лицензии. Фальсификация или сокрытие от Управления доказательств могут обернуться лишением свободы на срок до 5 лет. Умышленное нарушение санкций, наложенных в соответствии с ИЕРА, может наказываться в соответствии с федеральным статутом лишением свободы на срок до 20 лет. См.: *Филяшин А.* Американские экономические санкции и их исполнение: очень короткое введение // URL: https://zakon.ru/blog/2022/04/21/amerikanskie_ekonomicheskie_sankcii_i_ih_ispolnenie_ochen_kороткое_vvedenie? (дата обращения: 10.06.2022).

²⁷ *Гландин С., Иволина А.* Комплаенс: вместе и врозь. Выделять ли санкционный комплаенс в отдельное подразделение? // *Внутренний контроль в кредитной организации.* 2021. № 2. С. 106–108.

²⁸ Такая практика широко распространена в США, где большая часть компаний, желающих проверить своих контрагентов и клиентов, используют специализированные базы данных (Refinitiv World Check, LexisNexis, Factiva и др.). С их помощью можно проверить актуальные санкционные списки, а также профили организаций, морских и воздушных судов, принадлежащих лицам, включенным в санкционный список или контролируемых ими, выявить ценные бумаги, в отношении которых действуют санкции, провести оценку рисков и т.д. Меры реагирования по сведениям из баз данных заключаются как в выявлении организаций, непосредственно попавших под действие санкций, так и в проверке благонадежности любой подозрительной организации. См.: *Сазонов В.* Как предотвратить попадание в санкционные списки. Важные факторы, которые следует учитывать при проведении санкционного комплаенса // URL: <https://www.advgazeta.ru/mneniya/kak-predotvratit-popadanie-v-sanktsionnye-spiski/?ysclid=l4cjehb58806490253> (дата обращения: 10.06.2022).

²⁹ Sanctions adopted following Russia's military aggression against Ukraine // URL: https://ec.europa.eu/info/business-economy-euro/banking-and-finance/international-relations/restrictive-measures-sanctions/sanctions-adopted-following-russias-military-aggression-against-ukraine_fr#horizontal (дата обращения: 01.06.2022).

развивать данное начинание и формулировать для отечественного бизнеса подобные стандарты дозволенного поведения в условиях продолжающегося санкционного давления.

4. Включение специальных оговорок в контракты с контрагентами в целях учета санкционных рисков.

Представляется целесообразным повышение роли санкционного комплаенса в россий-

ских организациях (особенно организациях, осуществляющих внешнеэкономическую деятельность) для обеспечения контроля над активами и эффективного ведения бизнеса (с перспективой учета наличия санкционного комплаенса в качестве обстоятельства, влияющего на характер и размер юридической ответственности за нарушение санкционного режима).

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Аудит & комплаенс: закон, доктрина, практика : монография / отв. ред. И. В. Ершова. — М. : Проспект, 2022. — 304 с.
2. Гландин С., Ивонина А. Комплаенс: вместе и врозь. Выделять ли санкционный комплаенс в отдельное подразделение? // Внутренний контроль в кредитной организации. — 2021. — № 2. — С. 106–108.
3. Гландин С., Примаков Д. Санкционный комплаенс в 2019 г.: тенденции и новые веяния // Legal Insight. — 2019. — № 04 (80). — С. 36–39.
4. Дарадонов К. В. Санкционный комплаенс: вопросы достаточности нормативного обеспечения // Бизнес. Образование. Право. — 2021. — № 2 (55). — С. 263–268.
5. Добрынина Л. Ю., Губарева А. В. Правовое обоснование ответных мер Российской Федерации на экономические санкции США, ЕС и их союзников // Национальная безопасность. — 2020. — № 1. — С. 24–37.
6. Ершова И. В., Енькова Е. Е. Реформа аудита & развитие комплаенса: обзор научно-практической конференции // Право и бизнес. — 2022. — № 2. — С. 57–60.
7. Кванина В. В. Понятие и виды правовых режимов предпринимательской деятельности // Вестник Томского государственного университета. — 2017. — № 424. — С. 234–240.
8. Косов М. Е., Рощин Н. С., Лебедева Н. В. Санкционный комплаенс (специальные политики и процедуры) // Аллея науки. — 2019. — Т. 2. — № 11 (38). — С. 595–608.
9. Современные проблемы развития предпринимательского и корпоративного права в России и за рубежом : монография / под общ. ред. В. А. Вайпана, М. А. Егоровой. — М. : Юстицинформ, 2021. — 672 с.
10. Тарасенко О. А. Формирование доктрины и законодательства о правовых режимах банковской деятельности // Вестник Пермского университета. Юридические науки. — 2001. — Вып. 51. — С. 105–132.

Материал поступил в редакцию 21 июня 2022 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Audit & komplaens: zakon, doktrina, praktika: monografiya / otv. red. I. V. Ershova. — M.: Prospekt, 2022. — 304 s.
2. Glandin S., Ivonina A. Komplaens: vmeste i vroz. Vydelyat li sanktsionnyy komplaens v otdelnoe podrazdelenie? // Vnutrenniy kontrol v kreditnoy organizatsii. — 2021. — № 2. — S. 106–108.
3. Glandin S., Primakov D. Sanktsionnyy komplaens v 2019 g.: tendentsii i novye veyaniya // Legal Insight. — 2019. — № 04 (80). — S. 36–39.
4. Daradonov K. V. Sanktsionnyy komplaens: voprosy dostatochnosti normativnogo obespecheniya // Biznes. Obrazovanie. Pravo. — 2021. — № 2 (55). — S. 263–268.

5. Dobrynina L. Yu., Gubareva A. V. Pravovoe obosnovanie otvetnykh mer Rossiyskoy Federatsii na ekonomicheskie sanktsii SShA, ES i ikh soyuznikov // *Natsionalnaya bezopasnost*. — 2020. — № 1. — S. 24–37.
6. Ershova I. V., Enkova E. E. Reforma audita & razvitie komplaensa: obzor nauchno-prakticheskoy konferentsii // *Pravo i biznes*. — 2022. — № 2. — S. 57–60.
7. Kvanina V. V. Ponyatie i vidy pravovykh rezhimov predprinimatelskoy deyatel'nosti // *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. — 2017. — № 424. — S. 234–240.
8. Kosov M. E., Roshchin N. S., Lebedeva N. V. Sanktsionnyy komplaens (spetsialnye politiki i protsedury) // *Alleya nauki*. — 2019. — Т. 2. — № 11 (38). — S. 595–608.
9. *Sovremennye problemy razvitiya predprinimatelskogo i korporativnogo prava v Rossii i za rubezhom: monografiya / pod obshch. red. V. A. Vaypana, M. A. Egorovoy*. — M.: Yustitsinform, 2021. — 672 s.
10. Tarasenko O. A. Formirovanie doktriny i zakonodatelstva o pravovykh rezhimakh bankovskoy deyatel'nosti // *Vestnik Permskogo universiteta. Yuridicheskie nauki*. — 2001. — Vyp. 51. — S. 105–132.

ESG-стандарты и оценка (экспертиза) комплексной безопасности проектов¹

Аннотация. Активная интеграция ESG-оценки в бизнес-процессы различных государств актуализирует вопрос формирования комплексной системы рейтингования различных видов проектной деятельности в зависимости от уровня нефинансовых рисков в экологической, социальной и корпоративной среде в Российской Федерации. Отдельно ставится вопрос о рисках процедуры рейтингования информации, полученной в результате ESG-оценки. На основании изученного зарубежного опыта определяются виды оценки безопасности проектов в зависимости от разных оснований дифференциации. По итогам анализа делается вывод о предпочтительности персонального выбора конкретной модели оценивания в зависимости от цели проводимой оценки. Сделан также вывод о том, что четко установленных нормативных оснований дифференциации методологий оценки ESG нет, в связи с чем каждое суверенное образование вправе разработать свои виды и методологии оценивания безопасности проектов, придерживаясь общей ESG-концепции, нацеленной на устойчивое развитие экономик всего мира.

Ключевые слова: ESG-стандарты; ESG-принципы; рейтингование; комплексная безопасность проектов; риски; дифференциация; информация; бизнес-процессы; финансовые риски; нефинансовые риски; долгосрочные инвестиции; корпоративное управление.

Для цитирования: Посулихина Н. С. ESG-стандарты и оценка (экспертиза) комплексной безопасности проектов // Актуальные проблемы российского права. — 2022. — Т. 17. — № 8. — С. 104–110. — DOI: 10.17803/1994-1471.2022.141.8.104-110.

ESG Standards and Integrated Project Security Assessment (Expertise)²

Natalya S. Posulikhina, Cand. Sci. (Law), Lecturer, Department of Medical Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
ul. Sadovaya-Kudrinskaya, d. 9, Moscow, Russia, 125993
nsposulikhina@msal.ru

Abstract. The active integration of ESG assessment into business processes of various states is drawing attention to the issue of developing an integrated rating system for various types of project activities, depending on the level of non-financial risks in the environmental, social and corporate environment in the Russian Federation. The author raises a question on the risks of the rating procedure for information obtained due to the ESG assessment. Following

¹ Исследование выполнено в рамках программы стратегического академического лидерства «Приоритет-2030».

² The reported study was carried out as part of the strategic academic leadership program "Priority 2030".

© Посулихина Н. С., 2022

* *Посулихина Наталья Семеновна*, кандидат юридических наук, преподаватель кафедры медицинского права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993
nsposulikhina@msal.ru

the studied foreign experience, the types of project safety assessment are determined depending on the different bases of differentiation. Based on the results of the analysis, the author makes a conclusion about the preference for a personal choice of a particular assessment model, depending on the purpose of the assessment. The author also concludes that there are no clearly established regulatory grounds for differentiating ESG assessment methods, and therefore each sovereign entity has the right to develop its own types and methods for assessing project safety, adhering to the general ESG concept aimed at sustainable development of economies around the world.

Keywords: ESG standards; ESG principles; rating; complex security of projects; risks; differentiation; information; business processes; financial risks; non-financial risks; long-term investments; corporate governance.

Cite as: Posulikhina NS. ESG-standarty i otsenka (ekspertiza) kompleksnoy bezopasnosti proektov [ESG Standards and Integrated Project Security Assessment (Expertise)]. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2022;17(8):104-110. DOI: 10.17803/1994-1471.2022.141.8.104-110. (In Russ., abstract in Eng.).

Оценка безопасности проектов на основании ESG-стандартов — это комплексная система рейтингования различных видов проектной деятельности в зависимости от уровня нефинансовых рисков в экологической, социальной и корпоративной среде (факторы ESG). Несмотря на то что факторы ESG иногда называют нефинансовыми, они имеют ощутимые финансовые последствия. Интересным представляется вопрос о соотношении аббревиатуры ESG и термина «устойчивое развитие» («устойчивое инвестирование»). Так, по мнению Джона Хейла, доктора философии, CFA, активное использование в корпоративной практике сокращения «ESG» скрывает более масштабную цель устойчивого инвестирования³.

В настоящее время ESG-стандарты проходят разный путь интеграции в бизнес-процессы различных государств. Так, в Российской Федерации раскрытие подобного рода нефинансовой информации в настоящее время является добровольной инициативой. Однако производство соответствующей оценки напрямую влияет как на внешний, так и на внутренний потенциал развития компании или продвижение того или иного проекта:

— формирование прозрачной ESG-отчетности стимулирует привлечение долгосрочных инвестиций в отрасль (доверие инвесторов, устойчивый поток капитала). В настоящее время существует термин «устойчивое

инвестирование» — это инвестиционный подход, который использует критерии экологического, социального и корпоративного управления⁴. Так, согласно исследованию Morningstar, более 70 % всех инвесторов заинтересованы в социально ответственном инвестировании, в то время как более 80 % миллениалов стремятся проявлять социальную ответственность в своих инвестиционных решениях;

— приверженность ESG-принципам создает реальные преимущества для компаний, в том числе повышение доходности (лучшее наблюдение за рисками, более низкие затраты);

— приверженность ESG-принципам формирует преимущества для общества (уменьшение неравенства, экономическая трансформация).

Наряду с многочисленными преимуществами ESG-инвестиций, следует учитывать и ряд негативных эффектов, связанных с отсутствием четких стандартов в рейтинговании собранной информации. К числу подобного рода трудностей (*рисков процедуры рейтингования*) целесообразно отнести следующие:

— разные подходы к рейтингованию компаний (проектов) и интерпретации собранных данных (отсутствие единых унифицированных стандартов отчетности ESG);

— качество и достоверность полученной информации на основе опроса компаний могут быть подвергнуты сомнению в процессе рей-

³ Sustainability or ESG? Do the Words We Use Make a Difference? // URL: <https://www.morningstar.com/articles/1094268/sustainability-or-esg-do-the-words-we-use-make-a-difference> (дата обращения: 27.01.2022).

⁴ Sustainable Investing // URL: <https://www.morningstar.com/topics/sustainable-investing> (дата обращения: 27.01.2022).

- тингования (например, некоторые компании делают ложные заявления относительно своей экологической, социальной или корпоративной повестки, обесценивая в конечном итоге свой ESG-статус⁵);
- невозможность использования универсального подхода при оценивании ESG-статуса в отношении стартапов и крупных корпораций. Так, отсутствие адаптируемых показателей ESG-оценки в отношении начинающих компаний и крупных корпораций порой приводит к несправедливым оценкам при рейтинговании проектов (например, опрос 500 стартапов показал, что 37 % предпринимателей заявили, что им еще слишком рано проводить политику ESG⁶);
 - одной из ключевых проблем, которую трудно избежать, независимо от того, какая система оценки используется для определения ESG-статуса компании, остается отсутствие раскрытия информации или ее прозрачности. Не все компании одинаково готовы или могут обеспечить равный уровень прозрачности в отношении своей корпоративной политики и практики⁷.

Применительно к европейским предприятиям целесообразно отметить, что в отношении них действует Директива 2014/95/ЕС, которая устанавливает обязательные требования в части ежегодного раскрытия крупными компаниями нефинансовой информации и информации о разнообразии.

Этот вид регулирующих усилий не ограничивается Европой. Так, по крайней мере 14 членов G20 и 32 из 50 крупнейших экономик страны

имеют хотя бы одно нормативное положение, охватывающее аспекты раскрытия информации об окружающей среде, социальной сфере и управлении. Поскольку эти глобальные регуляторные меры продолжают появляться как в Европе, так и за ее пределами, существуют учреждения, отслеживающие их ход и потенциальное влияние. Например, PRI ООН поддерживает текущую базу данных этой информации.

В новом законодательстве Китая (февраль 2018 г.) основное внимание уделяется обязательному раскрытию информации об окружающей среде; Правила Великобритании предписывают раскрытие информации о правах человека и борьбе с рабством. Франция повысила ставки, потребовав от инвесторов более прозрачной отчетности о климатических и социальных рисках в своих портфелях⁸.

В США предпринимаются усилия, связанные с ESG: законопроект о реформе Додда Франка, руководство Министерства труда по пенсионным планам, SEC, которая по-новому взглянула на устаревшие протоколы отчетности за десятилетия (Регламент SK), — но этот регуляторный импульс замедлился. Тем не менее американские компании по-прежнему добровольно раскрывают данные ESG в рекордных количествах и сталкиваются с растущей сетью требований к отчетности ESG за рубежом⁹.

Виды оценки безопасности проектов

В первую очередь следует отметить, что четко установленных нормативных оснований диф-

⁵ Fifa accused of greenwashing in World Cup carbon offset scheme // URL: <https://www.climatechangenews.com/2018/06/11/fifa-accused-greenwashing-world-cup-carbon-offset-scheme/> (дата обращения: 28.01.2022).

⁶ ESG Gains Momentum Among Early-Stage Startups // URL: <https://www.nasdaq.com/articles/esg-gains-momentum-among-early-stage-startups-2020-07-16> (дата обращения: 28.01.2022).

⁷ ESG Ratings: How can a business' environmental and social impact be measured? // URL: <https://earlymetrics.com/esg-ratings-how-can-a-business-environmental-and-social-impact-be-measured/> (дата обращения: 28.01.2022).

⁸ Во Франции статья 173 закона об энергетическом переходе требует от инвесторов объяснять, как они включают факторы ESG в свои инвестиционные стратегии. Это помогло инвесторам перейти к управлению своими активами с учетом критериев ESG.

⁹ ESG Reporting Guide 2.0 // URL: <https://www.nasdaq.com/docs/2019/11/26/2019-ESG-Reporting-Guide.pdf> (дата обращения: 28.01.2022).

ференциации методологий оценки ESG не установлено. Следовательно, каждое суверенное образование вправе разработать свои виды и методологии оценивания безопасности проектов, придерживаясь общей ESG-концепции, нацеленной на устойчивое развитие экономик всего мира.

Базовая классификация видов оценки безопасности проектов основана непосредственно на ESG-концепции, в рамках которой итоговая ESG-оценка является совокупностью количественных и качественных оценок по трем блокам: «Экология», «Социальная ответственность» и «Управление». В рамках каждого из блоков оценка проводится в три этапа.

1 этап. Оценка деятельности оцениваемого лица.

2 этап. Оценка действий по минимизации рисков и способности им противостоять.

3 этап. Оценка страновых, региональных и макрорегиональных рисков.

В зависимости от *территориального масштаба* проводимой оценки безопасности проектов можно выделить следующие ее виды:

- оценка страновых рисков;
- оценка макрорегиональных рисков;
- оценка региональных рисков;
- оценка отраслевых рисков;
- оценка подотраслевых рисков;
- гибридная шкала оценивания и др.

Например, соответствующая методология оценки ESG заложена в подходе АКРА к оценке деятельности финансовых и нефинансовых компаний, а также суверенных и субсуверенных образований в области экологической и социальной ответственности, корпоративного и государственного управления¹⁰.

Вид оценки также зависит от *типа оцениваемого лица* и может быть дифференцирован: — для финансовых компаний (оценка производится на основании рангового подхода,

сравниваются показатели оцениваемого лица с показателями компаний отрасли, в которой ведет операционную деятельность оцениваемое лицо, что позволяет учесть специфику соответствующей отрасли);

- для суверенных и субсуверенных образований осуществляется сравнение показателей деятельности оцениваемого лица с показателями прочих стран¹¹.

В зависимости от лиц, которые могут осуществлять ESG-оценку компаний и различных проектов, виды оценки могут быть дифференцированы на:

- внутреннюю оценку (сама компания производит оценку);
- внешнюю оценку (проводят контрагенты или третьи лица, обладающие соответствующей компетенцией).

Данный подход представлен, например, в проекте Национального стандарта ESG, разработанного экспертным центром по ESG-трансформации «Деловой России» (2021)¹².

В основу следующей классификации видов систем оценивания безопасности проектов положены *пять ключевых факторов*: прецедент, распространенность, потенциал, перспектива и практичность. Данная система видов оценивания частично представлена в глобальном руководстве по экологической, социальной и управленческой отчетности (ESG) для государственных и частных компаний, разработанном Nasdaq¹³.

1. Оценка существенности (значимости) проекта

При оценке существенности компаниям рекомендуется учитывать воздействия на внешние заинтересованные стороны и экосистемы в дополнение к тем, которые непосредственно влияют на компанию. Этот процесс (и последующая отчетность о нем) позволяет инвесторам лучше оценить системные и долгосрочные

¹⁰ АКРА Методология оценки ESG (30 июня 2021 г.) // URL: <https://www.acra-ratings.ru/upload/iblock/924/ubma02xwj8dt1pkvpmkyvtdkiykawv4.pdf> (дата обращения: 28.01.2022).

¹¹ АКРА Методология оценки ESG (30 июня 2021 г.).

¹² Национальный стандарт ESG // URL: https://bidzaar.com/start/wp-content/uploads/2021/12/Национальный_стандарт_ESG_проект_Экспертного_центра_ESG_трансформации.pdf (дата обращения: 28.01.2022).

¹³ ESG Reporting Guide 2.0.

риски, которые неизбежно возникают в результате этих воздействий. Понимание внешних воздействий освещает общее ценностное предложение компании и профиль долгосрочных рисков. Например, Международный совет по интегрированной отчетности (IIRC) считает *проблему существенной, если она актуальна* (вероятно, окажет влияние на создание стоимости) и *достаточно важна с точки зрения ее значимости*¹⁴.

Однако отсутствие общемировых стандартов в понимании существенности представляемой информации приводит к невозможности установления единых стандартов оценки игроков на рынке с точки зрения приверженности ESG-концепции. Например, агентства в США, Сингапуре и Японии сосредоточили свое внимание на раскрытии информации, непосредственно относящейся к финансовой существенности, в

то время как в ЕС, Великобритании и Гонконге прямо включено раскрытие информации о более широком социальном воздействии (иногда называемом «двойной существенностью»). Такие различия могут оказаться постоянным препятствием для глобального сближения правил, связанных с ESG¹⁵.

2. Этическая оценка управленческих решений

Этическое обоснование необходимо в бизнесе как минимум по трем основным причинам:

1. Законов недостаточно для охвата всех аспектов или «серых» областей проблемы.
2. Теории свободного и регулируемого рынка не информируют эффективно менеджеров о влиянии решений.
3. Этическое обоснование необходимо, потому что сложные моральные проблемы требуют интуитивного подхода¹⁶.

Таблица 1

Соотношение ESG-факторов с этической оценкой принимаемых решений

ESG-факторы	Этические вопросы
Экологическая среда	Как Вы реагируете на изменение климата? Как Вы обращаетесь с отходами? Как Вы сберегаете водные ресурсы?
Социальная среда	Какие решения Вы принимаете, чтобы справиться с бедностью? Какие меры Вы принимаете, чтобы обеспечить сохранение здоровья своих сотрудников?
Корпоративная среда	Отчитываются ли управляющие органы о принятых управленческих решениях? Созданы ли в компании специальные органы, отвечающие за проведение этической экспертизы принимаемых решений (этические комитеты, комиссии)?

3. Оценка безопасности проектов путем оценки действий по минимизации рисков (риск-ориентированный подход)

Данный вид ESG-оценки особенно актуален для привлечения инвестиций в биотехнологические отрасли и проекты. Например, в числе привлекательных инвестиционных ESG-проектов в сфере здравоохранения в 2022 г., по данным доклада MSCI, названа инициатива

создания новых антибиотиков. Пока продолжается борьба с COVID-19, появляются угрозы следующего глобального кризиса в области здравоохранения: к 2050 г. 10 млн человек в год могут умирать от ранее излечимых бактериальных инфекций. Чтобы решить эту проблему, необходимы крупные инвестиции в новые антибиотики и резкое сокращение их повседневного использования в течение сле-

¹⁴ ESG Reporting Guide 2.0.

¹⁵ 2022 ESG Trends to Watch. URL: <https://www.msci.com/research/2022-esg-trends-to-watch> (дата обращения: 28.01.2022).

¹⁶ Armstrong A. Ethics and ESG // Australasian Accounting, Business and Finance Journal. 2020. 14(3). P. 6–17.

дующих нескольких лет, особенно в сельском хозяйстве¹⁷.

Основанием выделения следующей классификации видов систем оценивания ESG-статуса суверенного образования (проекта) выступает способ измерения производительности ESG-компаний. В первую очередь следует отметить, что разные аналитические агентства в основном используют идентичную схему проведения измерений, основанную на сборе данных (путем проведения опросов и анализа информации в открытых информационных источниках), обработке полученной информации (анализ, выводы, рекомендации) и присвоении ESG-оценки в соответствии с разработанными системами рейтингования компаний.

Так, например, MSCI разработала собственную платформу искусственного интеллекта, которая собирает и стандартизирует публичные данные, документы о раскрытии информации компании и новостные статьи¹⁸. Затем аналитики компании следуют стандартизированной методологии, чтобы предоставить рейтинг инвестирования ESG от AAA (самый высокий) до EEE (самый низкий)¹⁹.

В Lab разработала метку B-Corp. Компании должны ответить на 200 вопросов по темам, связанным с управлением, работниками, сообществом, окружающей средой и клиентами. Основываясь на его общем балле, бизнес может

быть сертифицирован B-Corp. Этикетка B-Corp пересматривается каждые два года с целью актуализации информации о статусе компании²⁰.

Рассмотрев разные модели систем оценивания ESG-потенциала компании (инвестиционного проекта), целесообразно отметить, что персональный выбор той или иной модели оценивания и приоритетных векторов оценивания (выбор ESG-фактора, который подлежит оценке) зависит от нескольких обстоятельств, ключевым из которых является цель проводимой оценки. Например, с точки зрения изменения климата для предприятия важно, сколько угля оно сжигает. Для банка все зависит от того, сколько угля он финансирует через свой кредитный портфель.

Так, для многих институциональных инвесторов в этом нет ничего нового. Использование различных данных и оценок ESG для достижения различных целей уже давно является частью их процесса. Если эти инвесторы хотят создать портфель, ориентированный только на климатические риски, они используют климатические показатели, разработанные для определения целевых характеристик, — и все. Оставшиеся метрики, связанные с ESG, такие как разнообразие советов директоров, записи о безопасности продуктов или вопросы, связанные с управлением отходами, просто излишни для этой целевой установки.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. АКРА Методология оценки ESG (30 июня 2021) // URL: <https://www.acra-ratings.ru/upload/iblock/924/ubma02xwjk8dt1pkvpmkyvtdkiykawv4.pdf> (дата обращения: 28.01.2022).
2. Национальный стандарт ESG // URL: https://bidzaar.com/start/wp-content/uploads/2021/12/Национальный_стандарт_ESG_проект_Экспертного_центра_ESG_трансформации.pdf (дата обращения: 28.01.2022).
3. Armstrong Anona Ethics and ESG // Australasian Accounting, Business and Finance Journal. — 2020. — 14(3). — P. 6–17.

¹⁷ 2022 ESG Trends to Watch.

¹⁸ 2022 ESG Trends to Watch.

¹⁹ ESG Ratings: How can a business' environmental and social impact be measured?

²⁰ Creating a more inclusive, equitable, and regenerative economic system for all // URL: <https://bcorporation.eu> (дата обращения: 28.01.2022).

4. Creating a more inclusive, equitable, and regenerative economic system for all // URL: <https://bcorporation.eu> (дата обращения: 28.01.2022).
5. Fifa accused of greenwashing in World Cup carbon offset scheme // URL: <https://www.climatechangenews.com/2018/06/11/fifa-accused-greenwashing-world-cup-carbon-offset-scheme/> (дата обращения: 28.01.2022).
6. ESG Gains Momentum Among Early-Stage Startups // URL: <https://www.nasdaq.com/articles/esg-gains-momentum-among-early-stage-startups-2020-07-16> (дата обращения: 28.01.2022).
7. ESG Ratings: How can a business' environmental and social impact be measured? // URL: <https://earlymetrics.com/esg-ratings-how-can-a-business-environmental-and-social-impact-be-measured/> (дата обращения: 28.01.2022).
8. ESG Reporting Guide 2.0 // URL: <https://www.nasdaq.com/docs/2019/11/26/2019-ESG-Reporting-Guide.pdf> (дата обращения: 28.01.2022).
9. 2022 ESG Trends to Watch // URL: <https://www.msci.com/research/2022-esg-trends-to-watch> (дата обращения: 28.01.2022).
10. Sustainable Investing // URL: <https://www.morningstar.com/topics/sustainable-investing> (дата обращения: 27.01.2022).

Материал поступил в редакцию 28 января 2022 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. AKRA Metodologiya otsenki ESG (30 iyunya 2021) // URL: <https://www.acra-ratings.ru/upload/iblock/924/ubma02xwj8dt1pkvpmkyvtdkiykawv4.pdf> (дата обращения: 28.01.2022).
2. Natsionalnyy standart ESG // URL: https://bidzaar.com/start/wp-content/uploads/2021/12/Natsionalnyy_standart_ESG_proekt_Ekspertnogo_tsentra_ESG_transformatsii.pdf (дата обращения: 28.01.2022).
3. Armstrong Anona Ethics and ESG // Australasian Accounting, Business and Finance Journal. — 2020. — 14(3). — P. 6–17.
4. Creating a more inclusive, equitable, and regenerative economic system for all // URL: <https://bcorporation.eu> (дата обращения: 28.01.2022).
5. Fifa accused of greenwashing in World Cup carbon offset scheme // URL: <https://www.climatechangenews.com/2018/06/11/fifa-accused-greenwashing-world-cup-carbon-offset-scheme/> (дата обращения: 28.01.2022).
6. ESG Gains Momentum Among Early-Stage Startups // URL: <https://www.nasdaq.com/articles/esg-gains-momentum-among-early-stage-startups-2020-07-16> (дата обращения: 28.01.2022).
7. ESG Ratings: How can a business' environmental and social impact be measured? // URL: <https://earlymetrics.com/esg-ratings-how-can-a-business-environmental-and-social-impact-be-measured/> (дата обращения: 28.01.2022).
8. ESG Reporting Guide 2.0 // URL: <https://www.nasdaq.com/docs/2019/11/26/2019-ESG-Reporting-Guide.pdf> (дата обращения: 28.01.2022).
9. 2022 ESG Trends to Watch // URL: <https://www.msci.com/research/2022-esg-trends-to-watch> (дата обращения: 28.01.2022).
10. Sustainable Investing // URL: <https://www.morningstar.com/topics/sustainable-investing> (дата обращения: 27.01.2022).

DOI: 10.17803/1994-1471.2022.141.8.111-117

А. Е. Сеньшин*

Правосубъектность предпринимательских групп в правоотношениях несостоятельности (банкротства)

Аннотация. Действующее российское законодательство характеризуется отсутствием системного подхода к регулированию правоотношений с участием экономически взаимозависимых субъектов имущественного оборота. Связано это в первую очередь с тем, что предпринимательские группы не признаются самостоятельными субъектами права ввиду господства традиционного гражданско-правового принципа автономности и самостоятельности каждого юридического лица. Вместе с тем такой подход не отвечает реалиям предпринимательских отношений. Особенно ярко это проявляется в правоотношениях несостоятельности, в которых господствует принцип «один должник — одна процедура». В связи с этим всё чаще высказываются предложения о признании предпринимательской группы в качестве самостоятельного субъекта дел о несостоятельности (банкротстве). При этом именно ответ на вопрос, является ли предпринимательская группа правосубъектным образованием, можно назвать отправной точкой для дальнейшего выстраивания всей системы законодательного регулирования правоотношений несостоятельности с их участием. Целью статьи является исследование такого свойства предпринимательской группы, как правосубъектность. В статье выделены и проанализированы основные доктринальные подходы к проблеме правосубъектности предпринимательских объединений. Сделан вывод об относительной правосубъектности предпринимательских групп, в соответствии с которой предпринимательские группы существуют в качестве единого субъекта права только при наличии определенных в законе признаков.

Ключевые слова: предпринимательская группа; предпринимательское объединение; холдинг; правосубъектность; правоотношения несостоятельности (банкротства); материальная консолидация; процедурная координация; единый субъект права; группа компаний; конструкция юридического лица; субъект предпринимательского права.

Для цитирования: Сеньшин А. Е. Правосубъектность предпринимательских групп в правоотношениях несостоятельности (банкротства) // Актуальные проблемы российского права. — 2022. — Т. 17. — № 8. — С. 111–117. — DOI: 10.17803/1994-1471.2022.141.8.111-117.

© Сеньшин А. Е., 2022

* Сеньшин Александр Евгеньевич, аспирант кафедры предпринимательского и корпоративного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, 125993
sanya.senshin@mail.ru

Legal Personality of Business Groups in Insolvency (Bankruptcy) Arrangements

Aleksandr E. Senshin, Postgraduate Student, Department of Entrepreneurial and Corporate Law,
Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
ul. Sadovaya-Kudrinskaya, d. 9, Moscow, Russia, 125993
sanya.senshin@mail.ru

Abstract. The current Russian legislation is characterized by the absence of a systematic approach to the regulation of legal arrangements involving economically interdependent property turnover subject. This is primarily due to the fact that business groups are not recognized as independent subjects of law due to the dominance of the traditional civil law principle of autonomy and independence of each legal entity. However, this approach does not meet the realities of business relations. This is especially evident in insolvency arrangements, in which "one debtor — one procedure" principle prevails. In this regard, more and more proposals arise as to recognize an enterprise group as an independent subject of insolvency (bankruptcy) cases. At the same time, it is precisely answers the question of whether an enterprise group is a legal entity that can be called the starting point for further building the entire system of legislative regulation of insolvency arrangements with their participation. The purpose of this paper is to study such a feature of an entrepreneurial group as legal personality. The paper highlights and analyzes the main doctrinal approaches to the problem of the legal personality of business associations. The author makes a conclusion about the relative legal personality of business groups, according to which business groups exist as a single subject of law only if there are features defined in the law.

Keywords: business group; business association; holding; legal personality; insolvency (bankruptcy) arrangement; material consolidation; procedural coordination; sole subject of law; company group; structure of a legal entity; subject of business law.

Cite as: Senshin AE. Pravosubektnost predprinimatelskikh grupp v pravootnosheniyakh nesostoyatelnosti (bankrotstva) [Legal Personality of Business Groups in Insolvency (Bankruptcy) Arrangements]. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2022;17(8):111-117. DOI: 10.17803/1994-1471.2022.141.8.111-117. (In Russ., abstract in Eng.).

Наиболее характерной чертой имущественного оборота является использование такой формы ведения бизнеса, как предпринимательские группы. Именно они позволяют предпринимателям в короткий срок сконцентрировать в своих руках крупный капитал, оптимизировать налогообложение и защитить свои активы от возможных взысканий. Для поддержания здоровой конкуренции государство стремится поставить под контроль создание и деятельность таких объединений. Ярким примером в этом направлении является недавняя инициатива по созданию закрытого реестра связанных между собой компаний, который будет вестись Федеральной службой государственной статистики¹.

Вместе с тем рост числа предпринимательских групп обнаруживает пробелы в правовом регулировании отношений с участием экономически взаимозависимых субъектов. Особенно остро это проявляется в законодательстве о банкротстве, в котором сталкиваются совершенно противоположные интересы его участников. В связи с этим всё чаще высказываются мнения о возможности признания предпринимательской группы в качестве нового субъекта правоотношений несостоятельности. В частности, 15.07.2019 Комиссией Организации Объединенных Наций по праву международной торговли (далее — ЮНСИТРАЛ) был принят Типовой закон о несостоятельности предпринимательских групп, который был рекомендован для

¹ Росстат переписывает явные и скрытые бизнес-группы // Агентство правовой информации. URL: <http://legalpress.ru/view/2934> (дата обращения: 01.11.2021).

внедрения в законодательные системы других государств². Стоит отметить, что российский законодатель в 2011 г. предпринимал аналогичную попытку по установлению режима несостоятельности предпринимательских групп, результатом чего стал подготовленный Минэкономразвития проект федерального закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части установления особенностей банкротства предпринимательских групп»³. Тем не менее данный проект так и не был внесен на рассмотрение в Государственную Думу РФ и в настоящее время может быть объектом исключительно теоретических исследований.

Несмотря на, казалось бы, очевидную необходимость признания предпринимательской группы в качестве субъекта правоотношений несостоятельности, такой шаг противоречит фундаментальному принципу законодательства о банкротстве, который звучит как «один должник — одно имущество — одно производство по делу о несостоятельности — один суд — один арбитражный управляющий»⁴.

Данный принцип, в свою очередь, основывается на традиционном понимании отдельного юридического лица в качестве самостоятельного и независимого субъекта права. Именно это является отправной точкой для выстраивания всей системы правового регулирования несостоятельности предпринимательской группы, в которой принято выделять две модели — процедурную координацию и материальную консолидацию.

Первая предусматривает исключительно процедурные особенности ведения дел о банкротстве с сохранением юридической обособленности каждого члена предпринимательской

группы, например назначение единого арбитражного управляющего, сотрудничество судов, проведение скоординированных слушаний. При данной модели несостоятельности предпринимательской группы не происходит каких-либо материально-правовых изменений и каждый участник такого объединения рассматривается в качестве самостоятельной единицы. При материальной консолидации, напротив, происходит объединение всех активов и пассивов участников группы в единую конкурсную массу, формируется единый реестр кредиторов, т.е. на основании разрозненных юридических лиц фактически формируется новый субъект права. Данная модель традиционно рассматривается как крайний способ банкротства предпринимательской группы и применяется, как правило, при наличии различного рода злоупотреблений со стороны должника.

Таким образом, для дальнейшей разработки особенностей несостоятельности предпринимательских групп необходимо ответить на главный вопрос: является ли предпринимательская группа самостоятельным правосубъектным образованием, или она существует исключительно в правоотношениях несостоятельности и при определенных законом признаках?

Для ответа на данный вопрос в первую очередь необходимо обратиться к теории гражданского права, поскольку правоотношения несостоятельности преимущественно основываются на положениях Гражданского кодекса РФ (п. 1 ст. 1 Закона о банкротстве). Следует отметить, что в области частного права законодатель не выработал системного подхода к регулированию отношений с участием группы субъектов.

В настоящее время в отдельных отраслях права существуют разрозненные нормы,

² Типовой закон ЮНСИТРАЛ о несостоятельности предпринимательских групп и Руководство по его принятию // URL: https://uncitral.un.org/sites/uncitral.un.org/files/media-documents/uncitral/ru/19_11348_mloegi_ru.pdf (дата обращения: 01.11.2021).

³ Проект федерального закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части установления особенностей банкротства предпринимательских групп» (подготовлен Минэкономразвития России) (не внесен в ГД ФС РФ, текст по состоянию на 04.04.2011) // СПС «КонсультантПлюс».

⁴ Спасение бизнеса в банкротном праве: отчет Института европейского права : пер. с англ. М. : Статут, 2021. С. 526.

которые практически никак не связаны между собой. В частности, это «аффилированные лица» в корпоративном праве⁵, «взаимозависимые лица» — в налоговом законодательстве⁶, «группа лиц» — в антимонопольном законодательстве⁷, «банковская группа и банковский холдинг» — в законодательстве о банковской деятельности⁸ и т.д. 27 сентября 2021 г. в Государственную Думу РФ был внесен законопроект, которым предлагается ввести такие новые понятия, как «финансовый холдинг» и «финансовая группа»⁹, что позволяет говорить о том, что в ближайшее время такое выборочное регулирование будет господствующим в российском законодательстве.

Вместе с тем отсутствие системного подхода никак не отобразилось на активной деятельности российских ученых, которые продолжают изучать проблему правовой природы предпринимательских объединений и вырабатывать концептуально новые подходы.

Ввиду того что гражданское право не предусматривает такого самостоятельного субъекта, как предпринимательское объединение, сложился подход, в соответствии с которым отрицается правосубъектность таких объединений. Главным аргументом в пользу данной теории является тот факт, что правосубъектными образованиями являются отдельные участники предпринимательских объединений — юридические лица, однако само по себе объединение таким свойством обладать не может. Наиболее ярким представителем данной позиции является известнейший российский цивилист

Е. А. Суханов. В частности, он указывал на то, что «как имущественно обособленный и вполне самостоятельный субъект гражданского права юридическое лицо не может “входить в состав” другого юридического лица»¹⁰. Рассматривая проблему правосубъектности предпринимательского объединения на примере холдинга, Г. В. Цепов делает аналогичный вывод о том, что «холдинг является группой юридических лиц, которая не обладает ни полной, ни частичной правосубъектностью»¹¹.

Анализируя данную позицию, нужно отметить, что в современном имущественном обороте полностью самостоятельными субъектами права можно назвать лишь субъектов малого и среднего предпринимательства. Крупный бизнес в основном ведется путем использования вертикально или горизонтально интегрированных предпринимательских объединений, которые позволяют снизить коммерческий риск за счет диверсификации своей деятельности в различных направлениях. При этом участников таких объединений, на наш взгляд, не стоит рассматривать как полностью самостоятельных субъектов права, поскольку они фактически не обладают собственной волей и действуют в чужом интересе (п. 2 ст. 1 ГК РФ). Их воля формируется извне контролирующей компанией, которая с помощью различного рода правовых механизмов (преобладающее участие в капитале, соответствующие положения в уставе зависимого юридического лица и т.д.) способна оказывать прямое влияние на предпринимательскую деятельность. Кроме

⁵ Закон РСФСР от 22.03.1991 № 948-1 «О конкуренции и ограничении монополистической деятельности на товарных рынках» (ред. от 26.07.2006) // Бюллетень нормативных актов. 1992. № 2–3.

⁶ Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая) от 31.07.1998 № 146-ФЗ (ред. от 20.04.2021) // СЗ РФ. 1998. № 31. Ст. 3824.

⁷ Федеральный закон от 26.07.2006 № 135-ФЗ «О защите конкуренции» (ред. от 17.02.2021) // СЗ РФ. 2006. № 31 (ч. I). Ст. 3434.

⁸ Федеральный закон от 02.12.1990 № 395-1 «О банках и банковской деятельности» (ред. от 30.12.2020) // СЗ РФ. 1996. № 6. Ст. 492.

⁹ Проект федерального закона № 1256483-7 «О финансовых группах и финансовых холдингах и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (ред., внесенная в ГД ФС РФ, текст по состоянию на 27.09.2021) // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁰ Суханов Е. Предприятие и юридическое лицо // Хозяйство и право. 2004. № 7. С. 11.

¹¹ Цепов Г. В. Обеспечение интересов головной компании в холдинге // Закон. 2007. № 3. С. 78.

того, принимая позицию о гражданско-правовой самостоятельности отдельных участников предпринимательских объединений, следует учесть, что без надлежащей правовой защиты остаются кредиторы таких лиц. Баланс активов и пассивов внутри предпринимательской группы может выстраиваться с целью укрыть наиболее ценное имущество от взыскания кредиторов. В результате таких противоправных действий кредитор получает гораздо меньший процент удовлетворения своих требований по сравнению с тем, что он мог бы получить в случае, если учитывались бы активы всей группы в целом. Стоит отметить, что для предотвращения как раз именно этих последствий в корпоративное право были включены нормы об аффилированных лицах.

В доктрине существует обратный подход, в соответствии с которым предпринимательские группы признаются полностью правосубъектными образованиями. Так, И. И. Крипак в своем исследовании рассматривал предпринимательское объединение в качестве сложного коллективного субъекта права, состоящего из множества самостоятельных юридических лиц и способного выступать в имущественном обороте в качестве единого субъекта права¹².

Вместе с тем данный подход, на наш взгляд, также не может быть признан верным. Конструкция юридического лица изначально задумывалась как средство ограничения ответственности предпринимателя с целью повышения инвестиционной активности. Следует учитывать, что несколько юридических лиц могут контролироваться одним лицом, но при этом осуществлять свою деятельность в различных отраслях экономики. Однако признание предпринимательской группы в качестве единого субъекта права может негативно сказаться на всем имущественном обороте, поскольку предприниматель будет опасаться вести свою деятельность посредством организации разветвленной структуры предприятий. Связано это в первую очередь с тем, что при предъявлении кредитором

требований к одному подконтрольному предприятию под угрозой привлечения к ответственности оказываются и все остальные, в том числе те, которые осуществляют свою деятельность в совершенно другом секторе экономики. Кроме того, согласно действующему законодательству юридическое лицо становится полноправным субъектом права в случае его государственной регистрации. В настоящее время предпринимательские группы существуют де-факто и в российской правовой системе отсутствуют какие-либо правовые нормы, регулирующие регистрацию таких образований.

В связи с этим наиболее верной представляется третья концепция, в соответствии с которой за предпринимательской группой признается свойство частичной правосубъектности. Данная позиция сложилась на основании разрозненных правовых норм, регулирующих отношения с участием предпринимательских объединений. Ее сущность состоит в том, что сами по себе группы компаний не являются правосубъектными образованиями, однако в некоторых правоотношениях (антимонопольные, налоговые, банковские и иные) они могут выступать в качестве таковых. Так, В. В. Лаптев утверждал, что предпринимательские объединения «...действуют в качестве хозяйственных систем, которые в целом не пользуются правами юридического лица и не являются завершенными, полнокровными субъектами предпринимательского права. Вместе с тем в некоторых отношениях они обладают хозяйственной правосубъектностью»¹³.

Таким образом, концепция частичной правосубъектности группы компаний исходит из реально существующей картины рыночных отношений, в которых такие образования играют все большую роль. И для выполнения этой задачи ученые стремятся наделить предпринимательские объединения частичной правосубъектностью, или «квазисубъектностью», не отходя от классических взглядов на автономность и имущественную обособленность входящих в них юридических лиц. С этой точки зрения

¹² Крипак И. И. Сложный коллективный субъект права: проблемы общей теории и практики : дис. ... канд. юрид. наук. Кострома, 2006. С. 24.

¹³ Лаптев В. В. Субъекты предпринимательского права : учеб. пособие. М. : Юрист, 2003. С. 161.

данная концепция, несомненно, является прогрессивной и правильной. Вместе с тем такая позиция неоднократно подвергалась критике. В частности, критикуя позицию сторонников «частичной правосубъектности» («квазисубъектности») предпринимательских объединений, Г. В. Цепов говорит о том, что «как невозможно быть “немножко беременной”, так нельзя быть и “частично правосубъектным”: субъект права либо есть, либо его нет»¹⁴.

Вместе с тем именно концепция частичной правосубъектности предпринимательской группы позволяет избежать рассмотренных крайностей и решить задачу правового регулирования несостоятельности связанных между собой должников. Целесообразно наделить такое образование, как предпринимательская группа, свойством правосубъектности исключительно в Законе о банкротстве, при этом факт ее существования в качестве единого субъекта права будет зависеть от наличия/отсутствия определенных в законе признаков. В качестве таковых можно назвать наличие внутренних отношений контроля и зависимости, срок существования таких отношений, проведение единой экономической политики в течение определенного периода, функциональное единство участников такой группы и т.д.

Следует отметить, что такая концепция имеет ряд преимуществ. Так, признание предпринимательской группы в качестве единого субъекта правоотношений несостоятельности не требует кардинально нового понимания сущности юридического лица. Вне дела о банкротстве участники предпринимательской группы рассматриваются как самостоятельные и автономные участники имущественного оборота, в то время как в делах о банкротстве их взаимозависимость может приниматься во внимание с целью увеличения конкурсной массы и повышения процента удовлетворения требований кредиторов. В этом

отношении категория «предпринимательской группы» будет во многом схожа с категорией антимонопольного права «группа лиц», которая также рассматривается в качестве единого субъекта права при наступлении определенных в Законе о защите конкуренции признаков.

Именно такая концепция была принята зарубежными законодателями при регулировании отношений с участием взаимосвязанных субъектов. Например, в ФРГ законодатель сознательно отказался от использования уже существующей категории «связанных предприятий» (*verbundene Unternehmen*), которые в должной мере урегулированы Законом об акционерных обществах от 06.09.1965 (*Aktiengesetz*)¹⁵, и в своем законодательстве о несостоятельности (*Insolvenzordnung*)¹⁶ предусмотрел отдельные положения о предпринимательской группе (*Unternehmensgruppe*). Т. П. Шишмарева в своем сравнительно-правовом исследовании отмечала, что «в немецкой доктрине, наряду с традиционным учением о правоспособности, существует и теория относительной правоспособности (*Theorie von der Relativität der Rechtsfähigkeit*), с помощью которой обосновывается участие неправосубъектных образований в качестве субъектов в обороте»¹⁷.

Таким образом, отвечая на поставленный в начале данного исследования вопрос, нужно сказать о том, что предпринимательская группа обладает частичной правосубъектностью и существует исключительно в правоотношениях несостоятельности при наличии определенных признаков. Иное понимание будет противоречить действующему гражданскому праву, которое не признает группу компаний в качестве единого субъекта права, и подрывет всю инвестиционную активность предпринимателей. Специальные положения о несостоятельности предпринимательских групп, закрепленные исключительно в Законе о банкротстве, позволяют

¹⁴ Цепов Г. В. Указ. соч. С. 77.

¹⁵ *Aktiengesetz vom 06.09.1965 (BGBl. I S. 1089) (FNA 412-I)*. Zuletzt geändert durch Gesetz vom 22.12.2020 (BGBl. I S. 3256) m.W.v. 01.01.2021.

¹⁶ *Insolvenzordnung (InsO) vom 5. Oktober 1994 (BGBl. I S. 2866)*. Zuletzt geändert durch Gesetz vom 22.12.2020 (BGBl. I S. 3328) m.W.v. 31.12.2021.

¹⁷ Шишмарева Т. П. Институт несостоятельности в России и Германии. М. : Статут, 2015. С. 70.

защитить интересы конкурсных кредиторов, не вмешиваясь при этом в иные правоотношения, которые обладают собственной спецификой и направлены на достижение совершенно других задач.

Предпринимательская группа является категорией исключительно законодательства о банкротстве, что и является отправной точкой для дальнейших исследований проблемы участия в делах о несостоятельности лиц, связанных между собой отношениями контроля и зави-

симости. Континентальная правовая система, к которой относится и Россия в том числе, традиционно относилась к концепции юридических лиц с уважением, рассматривая их наряду с людьми самостоятельными субъектами права. Это, в свою очередь, позволяет говорить о том, что банкротство предпринимательской группы должно основываться в первую очередь на процессуальной основе и избегать каких-либо значимых изменений сущностных особенностей юридических лиц.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Крипак И. И. Сложный коллективный субъект права: проблемы общей теории и практики : дис. ... канд. юрид. наук. — Кострома, 2006. — 225 с.
2. Лаптев В. В. Субъекты предпринимательского права : учеб. пособие. — М. : Юристъ, 2003. — 236 с.
3. Росстат переписет явные и скрытые бизнес-группы // Агентство правовой информации. — URL: <http://legalpress.ru/view/2934> (дата обращения: 01.11.2021).
4. Спасение бизнеса в банкротном праве: отчет Института европейского права : пер. с англ. — М. : Статут, 2021. — 604 с.
5. Суханов Е. Предприятие и юридическое лицо // Хозяйство и право. — 2004. — № 7.
6. Цепов Г. В. Обеспечение интересов головной компании в холдинге // Закон. — 2007. — № 3.
7. Шишмарева Т. П. Институт несостоятельности в России и Германии. — М. : Статут, 2015. — 332 с.

Материал поступил в редакцию 6 января 2022 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Kripak I. I. Slozhnyy kollektivnyy subekt prava: problemy obshchey teorii i praktiki: dis. ... kand. yurid. nauk. — Kostroma, 2006. — 225 s.
2. Laptev V. V. Subekty predprinimatelskogo prava: ucheb. posobie. — M.: Yurist, 2003. — 236 s.
3. Rosstat perezishet yavnyye i skrytye biznes-gruppy // Agentstvo pravovoy informatsii. — URL: <http://legalpress.ru/view/2934> (data obrashcheniya: 01.11.2021).
4. Spasenie biznesa v bankrotnom prave: otchet Instituta evropeyskogo prava: per. s angl. — M.: Statut, 2021. — 604 s.
5. Sukhanov E. Predpriyatye i yuridicheskoe litso // Khozyaystvo i pravo. — 2004. — № 7.
6. Tsepev G. V. Obespechenie interesov golovnoy kompanii v kholdinge // Zakon. — 2007. — № 3.
7. Shishmareva T. P. Institut nesostoyatel'nosti v Rossii i Germanii. — M.: Statut, 2015. — 332 s.

ТРУДОВЫЕ ОТНОШЕНИЯ И СОЦИАЛЬНОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ

DOI: 10.17803/1994-1471.2022.141.8.118-135

С. В. Парамонова*

Правовая природа обособленных структурных подразделений организаций

Аннотация. На основе ретроспективного анализа установлен источник и время возникновения в правовом регулировании отношений в сфере труда терминологической группы «филиал, представительство и иное обособленное структурное подразделение организации». Возникновение в сфере труда такого образования, как обособленное структурное подразделение, связывается со сменой приоритетов в порядке организации деятельности юридических лиц. Исторические предпосылки и теория организации позволили сделать вывод о том, что потребность юридического лица в расширении возможностей для внешнего взаимодействия, в том числе по причине изменения географии деятельности, может удовлетворяться за счет создания особых подразделений. Особые подразделения являются обособленными подразделениями организации и отличаются от удаленных подразделений и рабочих мест своим предназначением. Сформулированы материальные и формальные признаки особых подразделений. Терминологическую группу, используемую в сфере труда, предлагается рассматривать как прием обобщения однопорядковых образований. Доказано, что применение приема обобщения не создает в сфере труда нового понятия, но требует установления более четких границ.

Ключевые слова: обособленное подразделение; филиал; представительство; удаленные подразделения; удаленные рабочие места; представление интересов организации; признаки особых подразделений; правовые формы обособленных подразделений; межотраслевые связи; трудовые отношения.

Для цитирования: Парамонова С. В. Правовая природа обособленных структурных подразделений организаций // Актуальные проблемы российского права. — 2022. — Т. 17. — № 8. — С. 118–135. — DOI: 10.17803/1994-1471.2022.141.8.118-135.

Legal Nature of Separate Business Units of Organizations

Svetlana V. Paramonova, Head of the Human Resources Department, Senior Lecturer, Department of Labor Law, Ural State Law University
ul. Komsomolskaya, d. 21, Ekaterinburg, Russia, 620137
paramonovasv@mail.ru

Abstract. Applying the retrospective analysis the author establishes the source and time of occurrence of the terminological group "branch, representative office and other separate business unit of the organization" in the legal

© Парамонова С. В., 2022

* *Парамонова Светлана Владимировна*, начальник управления кадров, старший преподаватель кафедры трудового права Уральского государственного юридического университета имени В.Ф. Яковлева
Комсомольская ул., д. 21, г. Екатеринбург, Россия, 620137
paramonovasv@mail.ru

regulation of labor relations. The emergence of such an entity as a separate business unit in the sphere of labor is associated with a change in priorities in the organization of the activities of legal entities. Historical background and theory of organization leads to the conclusion that the need of a legal entity to expand opportunities for external interaction, including due to a change in the geography of activity, can be satisfied through the creation of special units. Special units are separate units of the organization and differ from remote divisions and workplaces in their purpose. The author formulates material and formal signs of special units. The author proposes to consider the terminological group used in the labor sphere as a method of generalizing single-order formations. It is proved that the application of the generalization technique does not create a new concept in the labor sphere but requires the establishment of clearer boundaries.

Keywords: separate unit; branch; representation; remote divisions; remote jobs; representing the interests of the organization; signs of special units; legal forms of separate units; intersectoral relations; labor relations.

Cite as: Paramonova SV. Pravovaya priroda obosoblennykh strukturnykh podrazdeleniy organizatsiy [Legal Nature of Separate Business Units of Organizations]. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2022;17(8):118-135. DOI: 10.17803/1994-1471.2022.141.8.118-135. (In Russ., abstract in Eng.).

В правовом пространстве понятие «обособленное структурное подразделение» впервые на уровне кодифицированного акта обозначило себя в 2001 г. после принятия Трудового кодекса Российской Федерации. До настоящего времени в области правового регулирования труда обозначающий данное понятие термин чаще всего используется в составе группы терминов — «филиал, представительство или иное обособленное структурное подразделение организации». В Кодексе законов о труде 1971 г.¹ сходная терминологическая группа была представлена так: «филиал, представительство, отделение и другое обособленное подразделение предприятия, учреждения, организации».

Формирование целостного представления об образовании, с работниками которого отношения в сфере труда регулируются особым образом, возможно только через обращение к его правовой природе. Выявить правовую природу означает дать «юридическую характеристику явления, выражающую его специфику, место и функции среди других правовых явлений в соответствии с его социальной природой»². При

наличии неопределенности в вопросе характеристики явления, ввиду отсутствия дефиниции понятия, крайне важно попытаться найти его истинное правовое начало («правовой корень»³). Для этого необходим выход за отраслевые границы, в том числе ретроспективный анализ.

Филиалы и представительства — особые гражданско-правовые образования. Впервые в гражданско-правовом кодифицированном акте данные образования были упомянуты в 60-е гг. прошлого столетия⁴. Применительно к ним словосочетание «обособленное подразделение» впервые прозвучало в первой половине 80-х гг. При этом соответствующая категория работников до 90-х гг. не выделялась ни на уровне Основ законодательства Союза ССР и союзных республик о труде, утвержденных Законом СССР от 15.07.1970⁵, ни в Кодексе законов о труде. Только в 1992 г. в Кодексе появилось дополнительное основание прекращения трудового договора с руководителями обособленных подразделений предприятий, учреждений, организаций⁶.

¹ Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1971. № 50. Ст. 1007 (документ утратил силу).

² Алексеев С. С. Общие дозволения и общие запреты в советском праве. М., 1989. С. 227.

³ Комиссарова Е. Г. Формально логические аспекты понятия «правовая природа» // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2012. № 2 (16). С. 23–29.

⁴ Гражданский кодекс РСФСР : Закон РСФСР от 11.06.1964 // Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1964. № 24. Ст. 406 (документ утратил силу).

⁵ Ведомости Верховного Совета СССР. 1970. № 29. Ст. 265 (документ утратил силу).

⁶ Закон РФ от 25.09.1992 № 3543-1 «О внесении изменений и дополнений в Кодекс законов о труде РСФСР» // Российская газета. 1992. № 219 (документ утратил силу).

КЗоТ воспроизвел формулировки Закона СССР от 04.06.1990 № 1529-1 «О предприятиях в СССР»⁷ и Закона РСФСР от 25.12.1990 № 445-1 «О предприятиях и предпринимательской деятельности»⁸. Согласно положениям этих законов предприятия обладали правом учреждать представительства, филиалы, отделения и другие обособленные подразделения, действующие на основании уставов или положений, с правом открытия текущих и расчетных счетов. Через эти признаки определялась обособленность подразделения и в сфере труда⁹. После принятия Гражданского кодекса Российской Федерации обособленным подразделением считалось, если отвечало признакам, содержащимся в ст. 55 ГК РФ¹⁰.

Очевидно, что «правовой корень» такого образования, как обособленное структурное подразделение, находится не в сфере труда, а в области гражданско-правового регулирования создания и деятельности хозяйствующих субъектов. С историко-правовой точки зрения имеет значение то, что вкладывается в понятие хозяйствующего субъекта на том или ином историческом этапе, какие правовые формы он принимает, на каких условиях свою деятельность осуществляет и за счет каких средств она может быть масштабирована, в том числе территориально.

Оставив в стороне дискуссию о юридической сущности хозяйствующего субъекта, предлагается сфокусироваться на субъектах, кото-

рые формируются посредством объединения и осуществляют хозяйственную деятельность¹¹. В кругу такого рода хозяйствующих субъектов центральное место, так или иначе, занимает организация, обладающая статусом юридического лица. Кроме того, не имеет смысла отрицать или отдельно доказывать тот факт, что понятие «обособленное подразделение» с позиции публичного признания данного образования исторически привязано к этой правовой форме коллективного участия в гражданском обороте.

К началу XX в. в России, несмотря на отсутствие понятия юридического лица на уровне общеимперского законодательства, его отдельные виды, пусть без наличия строгой системы, но всё же имели нормативное закрепление¹². Правовые средства организации деятельности юридических лиц не предусматривали порядок создания обособленных подразделений в современном их понимании. В XIX в. представление интересов юридических лиц вне места их нахождения осуществлялось за счет создания отделений, контор, агентств, руководители которых именовались приказчиками. В теории такие образования подвергались изучению. Считалось, что в отличие от агентов, исполняющих разного рода поручения и выступающих второстепенными органами управления, открытие постоянных филиалов должно быть «формально обставленным»¹³.

Приказное управление и механизм представительства рассматривались в качестве предпо-

⁷ Ведомости Совета народных депутатов СССР и Верховного Совета СССР. 1990. № 25. Ст. 460 (документ утратил силу).

⁸ Ведомости Совета народных депутатов и Верховного Совета РСФСР. 1990. № 30. Ст. 418 (документ утратил силу).

⁹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22.12.1992 № 16 «О некоторых вопросах применения судами Российской Федерации законодательства при разрешении трудовых споров» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 1993. № 3 (документ утратил силу).

¹⁰ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15.01.1998 № 1 «О внесении изменений и дополнений в некоторые постановления Пленума Верховного Суда РФ» // Российская газета. 1998. № 17 (документ утратил силу).

¹¹ В том ее значении, которое не сводится исключительно к предпринимательской деятельности. См., например: *Белых В. С.* Правовое регулирование предпринимательской деятельности в России : монография. М., 2014. С. 144–145.

¹² *Щершеневич Г. Ф.* Учебник русского гражданского права : в 2 т. М., 2019. Т. 1 : Общая часть. С. 94.

¹³ *Тарасов И. Т.* Учение об акционерных компаниях. М., 2000. С. 581–582.

сылки возникновения конструкций филиалов и представительств юридических лиц¹⁴. Статус приказчиков, которых относили к вспомогательному персоналу, работающему по договору личного найма с правом представлять интересы предприятия по доверенности¹⁵, действительно, позволяет провести определенные параллели между ними и современными руководителями двух широко известных форм обособленных подразделений организаций. Особенностью статуса приказчика являлось то, что он действовал «в обстановке и на сцене торгового заведения», его положение характеризовалось внешней стороной — представительством и внутренней стороной — служением хозяину¹⁶.

По мнению ученых, в России институт юридического лица, как в доктринальном, так и в нормативном аспекте, получил свое развитие в советский период¹⁷. Смена личностно ориентированного подхода на организационно ориентированный подход дала возможность выработки правовых средств территориальной организации деятельности юридических лиц через их обособленные подразделения¹⁸. В период становления советского правопорядка внимание на них было обращено в связи с необходимостью организации учета хозяйствующих субъектов. Декрет СНК РСФСР от 27.07.1918 «О регистрации торговых и промышленных предприятий (Положение)»¹⁹ стал одним из первых документов, в котором была установлена обязанность

регистрации не только предприятия по месту нахождения его главной конторы, но и всех его филиальных отделений по месту их нахождения.

В дальнейшем уточнялись не только правила учета сведений об организационном положении юридических лиц, но и терминология, делались первые попытки приблизиться к юридической характеристике рассматриваемых подразделений. В Положении о торговой регистрации, утвержденном Советом Народных Комиссаров СССР 20.10.1925²⁰, под филиалом понимались представительства, отделения, конторы, агентства и другие аналогичные единицы предприятий, которые подлежали регистрации, если им предоставлялось право совершения торговых операций. Аналогичные положения были сохранены в последующих актах о регистрации хозяйствующих субъектов в 1927 г.²¹ и 1931 г.²²

Отнюдь не сразу, фрагментарно, но тем не менее в конце 20-х гг. XX в. в актах, определяющих порядок создания и деятельности отдельных видов юридических лиц, стали появляться положения, касающиеся их обособленных подразделений. Так, Положение об акционерных обществах, утвержденное постановлением ЦИК СССР, СНК СССР от 17.08.1927²³, действовавшее до 1962 г., впервые закрепило право акционерных обществ открывать филиалы (конторы, отделения, агентства, представительства и т.п.). Уставом мог быть определен район, в пределах которого такие подразделения создаются, для

¹⁴ *Перевалова И. В.* Правовое положение филиалов и представительств по законодательству Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2005. С. 18–19, 22.

¹⁵ *Шершеневич Г. Ф.* Учебник торгового права : учебник для вузов. М., 2017. С. 76–85.

¹⁶ *Цитович П. П.* Учебник торгового права. Киев, 1891. С. 76.

¹⁷ *Юридические лица в российском гражданском праве : монография : в 3 т. Т. 1 : Общие положения о юридических лицах / отв. ред. А. В. Габов, О. В. Гутников, С. А. Сеницын.* М., 2020. С. 55.

¹⁸ *Субботин А. Н.* Обособленные подразделения юридических лиц: опыт историко-теоретического цивилистического анализа // *Политика и общество.* 2010. № 6. С. 73.

¹⁹ СУ РСФСР. 1918. № 59. Ст. 651 (документ утратил силу).

²⁰ Собрание законодательства СССР. 1925. № 82. Ст. 623 (документ утратил силу).

²¹ Об утверждении Положения о торговой регистрации: постановление СНК СССР от 31.08.1927 // Собрание законодательства СССР. 1927. № 57. Ст. 579 (документ утратил силу).

²² Об утверждении Положения о государственной регистрации предприятий, организаций и лиц, участвующих в хозяйственном обороте: постановление СНК СССР от 09.02.1931 № 109 // Собрание законодательства СССР. 1931. № 8. Ст. 99 (документ утратил силу).

²³ Собрание законодательства СССР. 1927. № 49. Ст. 500 (документ утратил силу).

кредитной деятельности и сферы строительства определение района было обязательным.

Примечательно, что некоторые акты, действовавшие вплоть до 80-х гг., которые содержали аналогичные нормы, первоначально представлялись также относились к разновидности филиала. Например, согласно Положению о государственных торговых предприятиях (торгах), утвержденному постановлением ЦИК СССР, СНК СССР от 17.08.1927²⁴, каждый торг наделялся правом открывать филиалы. По смыслу данного положения филиалы могли создаваться не только в виде представительств, отделений, контор, агентств, но и магазинов, складов и т.п. В этом, а также в иных актах этого периода подробное правовое регулирование деятельности юридического лица через создание обособленных подразделений отсутствовало.

В 1935 г. был установлен общий для всех юридических лиц порядок открытия и регистрации филиалов и представительств²⁵, который отличался особой сложностью и был направлен под предлогом необходимости поддержания качества работы и сбалансированности штатного состава²⁶ на создание препятствий для применения такого способа организации деятельности хозяйствующих субъектов. В данном документе филиал и представительство уже были представлены как независимые формы, хотя открытый перечень видов филиалов сохранился. Пересмотрен порядок был только в 1982 г.

Особенности государственного устройства и управления, специфика социально-экономической политики и, как следствие, особое видение стратегии развития советского народного хозяйства и без административных барьеров объективно не способствовали востребованности масштабирования деятельности юридических лиц за счет создания обособленных подразде-

лений. Хозяйствующие субъекты создавались и осуществляли свою деятельность независимо от сферы, преимущественно в форме трестов или иных формируемых по их принципу составных образований. Такой способ хозяйствования в известной степени решал проблему расширения деятельности хозяйствующих субъектов.

Организационно-правовая форма треста позволяла объединить на основе административного подчинения в одно сложное юридическое лицо производственные и подсобные единицы (заводы, фабрики, магазины, склады, автобазы и др.), которые в большинстве своем, конечно, были территориально разобщены. По смыслу Положения о государственных промышленных трестах, утвержденного постановлением ЦИК СССР, СНК СССР от 29.06.1927²⁷, производственное предприятие, входящее в состав треста, наделялось неординарным статусом, с одной стороны, предполагающим автономность, с другой стороны, исключающим возможность выступать в гражданском обороте от своего имени.

Укрупненное хозяйствование и отсутствие потребности в создании обособленных подразделений юридических лиц не исключали значимости вопроса о правовых основах их создания и деятельности. Это требовалось в том числе и для разрешения противоречий, возникающих при смешении понятий филиала и производственной или подсобной единицы в составе треста. Обозначив эту проблему и обосновав необходимость ее разрешения на законодательном уровне, С. Н. Братусь одним из первых в новом правовом измерении попытался раскрыть сущность филиала и представительства. Он был убежден в том, что филиал, в отличие от единицы, — это часть юридического лица, полностью зависимая от него и предназначенная для пространственного расширения сферы его

²⁴ Собрание законодательства СССР. 1927. № 49. Ст. 502 (документ утратил силу).

²⁵ Постановление СНК СССР от 09.12.1935 № 2623 «О порядке открытия и регистрации филиалов и представительств хозяйственных организаций и предприятий» // Собрание законодательства СССР. 1935. № 64. Ст. 518 (документ утратил силу).

²⁶ *Иоффе О. С.* Советское гражданское право (Курс лекций). Л., 1958. С. 88–89.

²⁷ Собрание законодательства СССР. 1927. № 39. Ст. 391, 392 (документ утратил силу).

деятельности, которая самостоятельным субъектом быть не может²⁸.

В 70-х гг. XX столетия был взят курс на создание пространственно-распределенных образований в форме объединений. В связи с этим был принят пул соответствующих актов. Все созданные в это время объединения можно разделить на два типа. К первому типу объединений относятся те, которые юридическими лицами не являлись и состояли из самостоятельных предприятий и организаций (промышленные объединения)²⁹, ко второму типу относятся те, которые являлись юридическими лицами и преимущественно состояли из головной и иных производственных³⁰ или структурных³¹ единиц (производственные объединения). В отдельных случаях производственным объединениям могли быть подчинены самостоятельные предприятия³². Несмотря на неоднозначные формулировки, к производственным или подсобным единицам самостоятельные предприятия уже однозначно не относились.

В результате преобразований правовое положение основных элементов организационной структуры крупных хозяйствующих субъектов стало формально более определенным, в том числе произошла своего рода трансформация такого элемента их структуры, как производственная (структурная) единица. Под ней теперь понималось подразделение, осуществляющее определенную деятельность в составе объеди-

нения. Юридическим лицом оно не являлось, но обладало отдельным набором элементов правосубъектности³³. Производственной единицей могли быть фабрика, завод, автохозяйство, строительное управление и т.д.

Правовое положение производственной (структурной) единицы организации кардинально отличалось от правового положения ее филиала и представительства тем, что источниками экономических и правовых основ деятельности единицы были как достаточно подробные нормативные положения, так и волеизъявление самого объединения. В ряде случаев единица даже могла действовать от своего имени. Единица в составе объединения — самостоятельное сложное правовое явление, находящееся на границе между юридическим лицом и его филиалом, подвергалось доктринальному осмыслению в разных аспектах и характеризовалось как нетипичный институт гражданского права³⁴.

Считалось, что потребность в наличии этой особой правовой формы была обусловлена сохранением значительности масштаба хозяйственной деятельности производственных (структурных) единиц и полноты осуществления в них производственного цикла, а также территориальной удаленностью большинства единиц от аппарата управления объединений. В связи с этим выделение единиц в отдельную группу хозяйственных организаций, именуемых особыми участниками гражданского оборота,

²⁸ Братусь С. Н. Юридические лица в советском гражданском праве (понятие, виды, государственные юридические лица). М., 1947. С. 357–362.

²⁹ Постановление Совмина СССР от 02.03.1973 № 140 «Об утверждении Общего положения о всесоюзном и республиканском промышленных объединениях» // СП СССР. 1973. № 7. Ст. 32 (документ утратил силу).

³⁰ Постановление Совмина СССР от 27.03.1974 № 212 «Об утверждении Положения о производственном объединении (комбинате)» // СП СССР. 1974. № 8. Ст. 38 (документ утратил силу).

³¹ Постановление Совмина СССР от 30.12.1975 № 1062 «Об утверждении Положения о научно-производственном объединении» // СП СССР. 1976. № 2. Ст. 13 (документ утратил силу).

³² Использование в актах формулировки «самостоятельное предприятие» оценивается как факт, подтверждающий, что образ юридического лица по-прежнему в этом периоде оставался размытым. См.: Козлова Н. В. Понятие и сущность юридического лица. Очерк истории и теории : учебное пособие. М., 2003. С. 20–37.

³³ Советское гражданское право : учебник : в 2 т. Т. 1 / Т. И. Илларионова, М. Я. Кириллова, О. А. Красавчиков [и др.]. М., 1985. С. 153–154.

³⁴ Садиков О. Н. Нетипичные институты в советском гражданском праве // Советское государство и право. 1979. № 2. С. 32–39.

рассматривалось в качестве адекватного и перспективного правового средства регулирования круга субъектов имущественных отношений³⁵.

В 1980–1990-х гг. наметилась тенденция к отказу от перечисления в актах конкретных форм обособленных подразделений, создаваемых юридическими лицами, стал использоваться такой прием, как обобщение. В это время, помимо филиалов и отделений, юридические лица получили возможность создавать другие обособленные подразделения. Это следовало из Порядка, создания, реорганизации и ликвидации предприятий, объединений, организаций и учреждений, утвержденного постановлением Совмина СССР от 02.09.1982 № 816³⁶, где, кстати, впервые было употреблено понятие «обособленное подразделение». В 1991 г. в Основах гражданского законодательства Союза ССР и республик³⁷ (в акте такого уровня впервые) был установлен полноценный гражданско-правовой статус филиалов и представительств юридических лиц. Они официально были признаны формой обособленных подразделений организаций.

Появление в актах общего характера понятия «другое обособленное подразделение» не было связано с наличием в структуре хозяйствующих субъектов такого элемента, как производственная (структурная) единица. Впоследствии в Законе СССР от 30.06.1987 № 7284-ХI «О государственном предприятии (объединении)»³⁸, который, к слову, утратил силу в связи с принятием первого закона о предприятиях, она на некоторое время получила единое наименование «структурная единица» и как форма обособленного подразделения никогда не рассматривалась. Ретроспективный анализ демонстрирует, что филиалы и представительства, а также структурные единицы объединений — это

параллельно применяемые длительное время инструменты организации деятельности юридического лица. Социально-экономический фон оказал влияние на востребованность и судьбу этих инструментов в определенных исторических периодах.

Когда образ филиалов и представительств формально был очерчен, статус определен, возможно, виделось достаточным, причем именно в таком формате и объеме, с акцентом на территориальное расширение, урегулировать вопрос организации деятельности юридического лица. Гражданский кодекс Российской Федерации лишь воспроизвел соответствующие положения Основ гражданского законодательства Союза ССР и республик 1991 г. Распространено мнение, что в силу общедозволительного метода регулирования гражданских правоотношений на основе принципа «разрешено все, что не запрещено» это обстоятельство не лишает организации права создавать «территориально обособленные подразделения»³⁹.

Можно сказать, что не утратили актуальности условно две позиции, которые ранее часто встречались в теоретических диспутах. Суть одной из них заключается в том, что любое территориально обособленное подразделение юридического лица, которое имеет признаки, указанные в ст. 55 ГК РФ, независимо от его наименования, является или филиалом, или представительством⁴⁰. Сторонники этой позиции предлагали все нормативные правовые акты привести в соответствие с гражданским законодательством, понятие «иное (другое) обособленное (структурное) подразделение» из законодательства исключить, в крайнем случае заменить его на понятие «территориально обособленное подразделение»⁴¹.

³⁵ Пугинский Б. И. Избранные труды. М., 2020. С. 153–155.

³⁶ СП СССР. 1982. № 25. Ст. 130.

³⁷ Ведомости СНД и ВС СССР. 1991. № 26. Ст. 733 (документ утратил силу).

³⁸ Ведомости ВС СССР. 1987. № 26. Ст. 385 (документ утратил силу).

³⁹ Предпринимательское право : Правовое сопровождение бизнеса : учебник для магистров / отв. ред. И. В. Ершова. М., 2017. С. 168.

⁴⁰ Постатейный комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации / под ред. Т. Е. Абовой, М. М. Богуславского, А. Ю. Кабалкина, А. Г. Лисицына-Светланова ; Ин-т государства и права РАН. М., 2005.

⁴¹ См., например: *Первалова И. В.* Указ. соч. С. 184.

Наличие организационного и имущественного факторов обособления в совокупности с территориальным фактором, как свидетельство того, что любое территориально обособленное подразделение может претендовать на статус филиала или представительства⁴², выглядит неубедительно для другой позиции. Ее сторонники усматривали несовершенство законодательства, затрудняющего понимание, что собой представляет обособленное подразделение, но при этом были достаточно сдержанны в высказываниях о понятии «другое обособленное подразделение». Признавая возможность существования, приводя конкретные примеры иных форм подразделений, исследователи предлагали свои авторские наборы признаков обособленных подразделений⁴³.

Объединяет все научные соображения то, что одним из основных признаков обособленного подразделения организации традиционно обозначается признак территориальной обособленности, который трактуется как расположение подразделения вне места нахождения юридического лица. По этому поводу были высказаны различные точки зрения в контексте определения расположения юридического лица, со ссылкой на которые отмечается, что проблема наконец-то решена⁴⁴. В 2014 г. в ст. 54 ГК РФ законодатель уточнил, что место нахождения юридического лица определяется местом его государственной регистрации путем указания наименования населенного пункта (муниципального образования).

Из положений ст. 55 ГК РФ явно следует, что организация может иметь в своей структуре любые обособленные подразделения. Безусловно, очевидно, что территориальное расположение относительно организации является одним из признаков ее филиала и представительства. Вместе с тем вызывает сомнение, что нормы

ст. 55 ГК РФ дают основание полагать, что этот же признак и в этом же значении свойственен или должен быть свойственен обособленному подразделению. Представляется, что сущность данного образования не всецело проступает через признаки двух исторически сложившихся форм. Пока отсутствует понимание, должна ли вообще возникнуть, как и где именно общая юридическая характеристика обособленного подразделения.

В 1999 г. в Налоговом кодексе РФ было закреплено определение понятия «обособленное подразделение», на которое за неимением другого всегда обращается внимание и в теории, и на практике. Со временем понятие стало восприниматься едва ли не общеправовым. В статье 11 НК РФ обособленное подразделение организации обозначено как любое территориально обособленное от нее подразделение, по месту нахождения которого оборудованы стационарные рабочие места. Для налогового права не важны формальности и функциональное предназначение подразделения, важно лишь то, что организация осуществляет свою деятельность через подразделение в другом месте более одного месяца. Факт деятельности подтверждается созданием условий для выполнения работы лиц, привлекаемых по трудовому договору.

Единственная на сегодня юридическая характеристика обособленного подразделения применима только в области регулирования отношений по уплате налогов и сборов, что прямо указано в НК РФ. Она не может быть использована для уяснения сущности обособленных подразделений юридических лиц и установления возможности их существования в иных, нежели филиал и представительство, формах, тем более не может претендовать на общеправовое понятие. В частности, поскольку формальные и

⁴² Кузнецов А. Филиалы и представительства: гражданско-правовой и налоговый аспекты // Финансовая газета. 2005. № 10.

⁴³ См., например: Тюкавкин-Плотников А. А. Обособленные подразделения юридического лица // Предпринимательское право. 2007. № 2. С. 7–14; Сумской Д. А. Обособленные подразделения юридического лица в теории гражданского права // Российская юстиция. 2011. № 11. С. 10–16.

⁴⁴ Чернова К. В. К вопросу о признаках обособленных подразделений юридического лица в теории гражданского права // Гуманитарные и юридические исследования. 2014. № 4. С. 113–114.

функциональные признаки не имеют значения, то получается, что один или группа работников, осуществляющих трудовую деятельность вне места нахождения организации, уже образуют обособленное подразделение⁴⁵.

Нормы НК РФ, с одной стороны, размывают понятие «подразделение», а с другой стороны, сужают круг обособленных подразделений, указывая на обязательность их территориального обособления. Последнее имеет свою отраслевую специфику и мало чем может быть полезно вне системы налогов и сборов. Статья 83 НК РФ предусматривает гибкий подход, вплоть до принятия решения налоговым органом, если организация испытывает затруднения с определением места постановки на учет своего подразделения. Территориальное обособление означает нахождение подразделения на территории, где налоговый учет и налоговый контроль ведет иной налоговый орган, нежели тот, в котором организация состоит на учете⁴⁶, по адресу, отличному от того, по которому находится организация⁴⁷.

Понятию «стационарное рабочее место», которое выступает смыслообразующим элементом в теле определения, налоговым правом также придается значение, отличное от того, что обычно подразумевается в трудовом праве. Смысловое совпадение, конечно, прослеживается, когда имеется в виду область пространства, где работник выполняет трудовую функцию, предполагается техническое оснащение рабочего места по месту нахождения работодателя

и прямой контроль работы. Однако стационарность рабочего места для трудового права, как правило, означает его статичность, то есть неизменность в пространственно-территориальном плане, а в налоговом праве статичность оценивается сроком «жизни» рабочего места. В этой части исследователи видят несогласованность понятий, применяемых в двух отраслях⁴⁸.

Понятие обособленного подразделения, введенное налоговым правом, называют собирательным, общим⁴⁹, обладающим расширенной семантической амплитудой⁵⁰, что распространять за границы данной отрасли без оговорок все-таки представляется спорным. Е. Е. Смолицкая относит данное понятие к категории «расширенных», одновременно не считая его сугубо цивилистическим, как и понятие «организация»⁵¹. По ее мнению, в налоговом праве применяется особый прием, который позволяет охватить более широкий круг правовых и экономических явлений, формулировать отраслевые правила с соблюдением принципа экономии правового материала. При этом она заметила еще один момент сужения понятия обособленного подразделения в налоговом праве, что привело к логическому парадоксу, нарушению тождества понятий в ГК РФ и НК РФ, и предлагает это устранить путем выведения временного признака (срока «жизни» рабочего места) из дефиниции в гипотезы правовых норм.

Нет другого способа попытаться установить истину в вопросе, что собой представляют обособленное подразделение и обособленное

⁴⁵ Письмо МНС РФ от 29.04.2004 № 09-3-02/1912 «О признании одного рабочего места обособленным подразделением» // Финансовый вестник. Финансы, налоги, страхование, бухгалтерский учет. 2004. № 13.

⁴⁶ Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 22.12.2014 № Ф09-7407/14 по делу № А60-11255/2014.

⁴⁷ Письмо Минфина России от 11.10.2021 № 03-02-11/82359 // Документ опубликован не был. СПС «КонсультантПлюс».

⁴⁸ Крузе А. В. Рабочее место как категория трудового права : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2015. С. 12–13.

⁴⁹ Анисина К. Т. Налогово-правовой статус обособленных подразделений российских организаций // Финансовое право. 2020. № 10. С. 19.

⁵⁰ Шайхутдинова Н. П. О некоторых проблемах межотраслевого согласования терминов в нормах трудового права // Вестник Удмуртского университета. Экономика и право. 2008. Вып. 1. С. 171.

⁵¹ Смолицкая Е. Е. Гражданско-правовые институты, понятия и термины в налоговом праве : монография. М., 2018. С. 67, 69–72.

структурное подразделение, кроме как оттолкнуться от сущности образования, их создающего. Понятие «организация» широкое и даже как языковая единица (слово) обладает лексической полисемией, не говоря уже о разнообразии значений в зависимости от той области знаний, в которой оно используется. Несмотря на вариативность содержания, в основе всех возможных значений этого слова, образующих семантическое единство, лежит смысл создания, образования, объединения в единое целое⁵². Там, где не требуется использовать особые приемы или контекст, под организациями понимаются юридические лица, что взято за основу и трудовым правом.

Общественные связи сложны и в реальности не мыслимы без участия в них образований, которые по природе своей результат этих связей. Общепринято считать, что организация — это социальное образование, имеющее границы и внутреннюю структуру, которое целенаправленно относительно постоянно функционирует⁵³. В правовом измерении организация, не теряя сущностных социальных характеристик, через определенные признаки приобретает правовые формы, наделяется в ряде случаев таким свойством, как правосубъектность. Из этого, в частности, исходил профессор О. А. Красавчиков⁵⁴.

Высказана точка зрения, что по большому счету О. А. Красавчиков обобщил опыт и разработки теорий юридического лица как фиктивной, так и реалистической направленности⁵⁵. На общих (родовых) признаках организации в его теории основываются материальные признаки

юридического лица: внутреннее организационное единство и внешняя автономия (самостоятельность), руководящее и функциональное единство. Теория до настоящего времени соотносится с реальными нормами. По смыслу ст. 48 ГК РФ юридическое лицо — одна из правовых форм организации.

Кроме того, что организация является результатом волеизъявления и деятельности человека, соприкасаются социальное и правовое начало также в одном из основных ее свойств — свойстве структурности. Под таким признаком юридического лица, как организационное единство, понимается внутренняя структура организации, которая выражается в наличии органов управления, а при необходимости и в наличии подразделений для выполнения установленных для нее задач⁵⁶. Это не противоречит теории организации, где внутренняя структура организации рассматривается как организационная структура.

Организационная структура — строение организации, выраженное в определенных взаимосвязанных элементах, представленных в значительном объеме в виде структурных подразделений в их реальной иерархической конфигурации⁵⁷. В определении порядка построения и типов организационных структур организаций основная роль отводится теории организации и теории менеджмента. В том или ином виде структуру всегда можно проследить в документах организации. Правового регулирования требуют отдельные случаи, когда структура связана с той стороной деятельности

⁵² *Александрова З. Е.* Словарь синонимов русского языка : практический справочник : ок. 11 000 синоним. рядов. М., 2001. С. 281, 294.

⁵³ *Истомин Е. П., Соколов А. Г.* Теория организации: системный подход : учебник. СПб., 2009. С. 10 ; *Ружанская Л. С.* Теория организации : учебное пособие. Екатеринбург, 2015. С. 6.

⁵⁴ *Красавчиков О. А.* Сущность юридического лица // Советское государство и право. 1976. № 1. С. 47–55.

⁵⁵ *Тюкавкин-Плотников А. А.* Проблемы современного понимания юридического лица // Baikal Research Journal. 2020. Т. 11. № 3. С. 14.

⁵⁶ *Гражданское право : учебник. Т. 1 / под ред. О. Н. Садикова.* М., 2006. С. 75 ; *Гражданское право : учебник. Т. 1 / под ред. А. П. Сергеева, Ю. К. Толстого.* М., 2005. С. 142 ; *Российское гражданское право : учебник : в 2 т. Т. 1 / отв. ред. Е. А. Суханов.* М., 2011. С. 184.

⁵⁷ См., например: *Попова Е. П.* Теория организации : учебник и практикум для вузов. М., 2020. С. 94–95 ; *Теория организации : учебник и практикум для бакалавриата и магистратуры / Г. Р. Латфуллин [и др.].* М., 2019. С. 118.

организации, которая имеет правовое значение для общественных отношений.

В зоне правового регулирования находятся органы управления организации и в ряде случаев такие элементы ее структуры, как подразделения. Через органы управления организация взаимодействует с внешним миром, может вступать в отношения. Подразделения позволяют организации выполнять ту деятельность, ради которой она создана. В тех случаях, когда у организации имеется потребность в расширении возможностей для внешнего взаимодействия, в том числе по причине изменения географии деятельности, она может использовать такой способ, как создание особых подразделений.

Особые подразделения — это созданный организацией образец самой себя в миниатюре, конечно, не в смысле полного аналога, а всего лишь фрагмента. По своей социальной природе такие подразделения сходны с организацией, но с той лишь разницей, что возникают такие образования по воле другого образования, их деятельность признается деятельностью самого юридического лица⁵⁸. У слов «отделение», «контора», «агентство», используемых изначально в отношении особых подразделений, единая смысловая основа, так как речь идет о выделенной части организации, которая обладает полномочиями действовать от ее имени, выполнять посреднические, представительские функции в сфере деятельности организации.

Представлять организацию и ее имя на постоянной основе, обеспечивать ее стабильное предметное присутствие там, где ограничены возможности органов управления или нецелесообразно их участие (как правило, другая территория, но не исключительно) — предна-

значение особого подразделения. Слово «представительство» многозначно, оно не подчеркивает наличия специфической родовой связи с организацией. На данном основании, как показывает история, все подобные образования именовались филиальными отделениями. В любом переводе смысл слова «филиал» остается неизменным: *filial* переводится как сыновний, «филиал» можно перевести как *ramus*, что означает «сук», «ветвь».

За счет своего предназначения и природы (а не только и не столько территориального расположения) подразделение выделяется среди других подразделений организации, занимает особое положение. Другими словами, происходит его обособление⁵⁹. Подразделение продолжает обеспечивать осуществление деятельности организации; независимо от наименования и места нахождения оно не перестает быть частью ее структуры. Согласно постановлению Пленума Верховного Суда РФ от 17.03.2004 № 2 «О применении судами Российской Федерации Трудового кодекса Российской Федерации»⁶⁰, под структурными подразделениями следует понимать как филиалы, представительства, так и отделы, цеха, участки и т.д.

Уточняющее прилагательное «структурное» неохотно использовалось в нормативных актах применительно к особым подразделениям. Однако «блуждающий» термин «обособленное структурное подразделение» законодательно знаком давно⁶¹. В Федеральном законе от 22.08.1996 № 125-ФЗ «О высшем и послевузовском профессиональном образовании»⁶² таковым был назван даже филиал высшего учебного заведения. В настоящее время в актах различного уровня, независимо от предмета регулирования, термин стал встречаться чаще, но все

⁵⁸ Постановление Федерального арбитражного суда Дальневосточного округа от 30.07.2012 № Ф03-2844/12 по делу № А04-5051/2011.

⁵⁹ См. значение слов «обособить» и «обособленный»: Толковый словарь русского языка : ок. 100 000 слов, терминов и фразеологических выражений / С. И. Ожегов ; под ред. проф. Л. И. Скворцова. М., 2013. С. 357.

⁶⁰ Бюллетень Верховного Суда РФ. 2004. № 6 (первоначальная редакция текста документа).

⁶¹ См., например: Закон РФ от 27.12.1991 № 2116-1 «О налоге на прибыль предприятий и организаций» // Российская газета. 1992. № 53 (утратил силу с 1 января 2002 г., кроме отдельных положений, которые утрачивают силу в особом порядке).

⁶² Российская газета. 1996. № 164 (документ утратил силу).

равно конкурирует с термином «обособленное подразделение».

Правовыми формами особых подразделений организаций, в частности, являются филиалы и представительства, территориальные учреждения Банка России⁶³, почтамты, прижелезнодорожные почтамты, отделения перевозки почты при железнодорожных станциях и аэропортах, узлы почтовой связи⁶⁴, региональные отделения Фонда социального страхования⁶⁵, амбулатории, фельдшерские и фельдшерско-акушерские пункты, центры (отделения) общей врачебной (семейной) практики в медицинских организациях⁶⁶. В общих и специальных нормативных правовых актах представлена их юридическая характеристика. Сведения о филиалах и представительствах вносятся в единый государственный реестр⁶⁷, сведения об обособленных подразделениях отдельных видов юридических лиц, например некоммерческих организаций, кредитных организаций, содержатся в отдельных, специальных реестрах⁶⁸, книгах государственной регистрации⁶⁹.

Подлежат в некоторых случаях учету и обеспечивают работу организации посредством расширения зоны ее деятельности отдельные виды ее структурных подразделений. К такому, например, относятся внутренние структурные подразделения кредитных организаций

(дополнительные офисы, кредитно-кассовые офисы, операционные офисы, операционные кассы вне кассового узла кредитной организации)⁷⁰, почтовые обменные пункты, отделения почтовой связи, пункты почтовой связи и многие другие. Эти подразделения создаются не для представительских функций. Они не работают автономно, несмотря на то, что могут быть распределенными в пространстве, они полностью подчинены и управляемы организацией или ее обособленным подразделением, соответственно, не могут быть приравнены по статусу к филиалам или представительствам в смысле, придаваемом статьей 55 ГК РФ⁷¹.

Правовые основы деятельности организаций через создание обособленных подразделений имеют слабые стороны⁷². Главное, слабой стороной является неравномерное и неоднобразное публичное признание, отсутствие единого подхода к официальной регистрации факта создания признанных форм особых подразделений, что важно для выстраивания отношений в нужной правовой конфигурации. Субъекты правоотношений не должны в каждом конкретном случае выяснять, как действует противоположная сторона. Тем не менее наличие правовой неопределенности и терминологической разницы не является основанием поставить под сомнение возможность использования в

⁶³ Положение Банка России от 11.04.2016 № 538-П «О территориальных учреждениях Банка России» // Вестник Банка России. 2016. № 39.

⁶⁴ Федеральный закон от 17.07.1999 № 176-ФЗ «О почтовой связи» // СЗ РФ. 1999. № 29. Ст. 3697.

⁶⁵ постановление Правительства РФ от 12.02.1994 № 101 «О Фонде социального страхования Российской Федерации» // Российская газета. 1994. № 35.

⁶⁶ Федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2011. № 48. Ст. 6724.

⁶⁷ Федеральный закон от 08.08.2001 № 129-ФЗ «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей» // СЗ РФ. 2001. № 33 (ч. I). Ст. 3431.

⁶⁸ Федеральный закон от 12.01.1996 № 7-ФЗ «О некоммерческих организациях» // СЗ РФ. 1996. № 3. Ст. 145.

⁶⁹ Федеральный закон от 02.12.1990 № 395-1 «О банках и банковской деятельности» // СЗ РФ. 1996. № 6. Ст. 492.

⁷⁰ Инструкция Банка России от 02.04.2010 № 135-И «О порядке принятия Банком России решения о государственной регистрации кредитных организаций и выдаче лицензий на осуществление банковских операций» // Вестник Банка России. 2010. № 23. 30.04.2010.

⁷¹ См., например: определение Московского городского суда от 14.12.2016 № 33-48455/16.

⁷² Мыскин А. В. Филиал юридического лица: организационно-правовые аспекты деятельности // Нотариус. 2012. № 1. С. 29–33.

отраслях приема обобщения, а в трудовправовой терминологической группе «филиал, представительство или иное обособленное структурное подразделение» увидеть непреодолимые дефекты.

Современное состояние социально-экономической среды и законодательства свидетельствует о том, что имеющие сходную с филиалами и представительствами природу обособленные структурные подразделения организаций реально существуют. К этому есть и исторические предпосылки, поскольку особо значимые крупные хозяйствующие субъекты советского периода после трансформации продолжают работать в новой правовой системе. Свести особые подразделения к двум правовым формам, по-видимому, не удастся. В связи с этим спустя продолжительное время становится еще более очевидным, что в сфере труда законодатель поступил достаточно дальновидно, не сузив круг особых подразделений до двух форм, чья юридическая характеристика наиболее проработана.

В научной среде позиция законодателя не была поддержана. Ученые полагали, что трудовое право интерпретировало гражданско-правовое понятие обособленного подразделения и тем самым создало условия для возникновения противоречий⁷³. К утрате первоначального гражданско-правового значения понятия, по мнению ученых, привело добавление к нему прилагательного «структурное», при этом трудовправового значения понятие не приобрело ввиду отсутствия соответствующей дефиниции⁷⁴. Ситуацию предлагалось исправить путем введения в ст. 40 ТК РФ (при первом упоминании

термина) определения понятия «обособленное структурное подразделение»⁷⁵.

В случае с трудовым правом такой прием, который применен в налоговом праве и который «породил», по сути, новое понятие, вряд ли стоит использовать. В налоговом праве обеспечивается учет обособленных подразделений, то есть в рамках налоговых правоотношений совершается акт признания их создания, а в трудовом праве нет места аналогичным средствам. Институты, понятия и термины гражданского, семейного и других отраслей права, используемые в ТК РФ, должны применяться в том значении, в каком они используются в этих отраслях законодательства⁷⁶. Трудовое право не создавало нового понятия и явно не объединяло неоднородные образования. Является заблуждением считать, что трудовое право под иными обособленными подразделениями подразумевает, как это общепринято полагать⁷⁷, все те, что филиалами и представительствами не являются, в том числе просто удаленные подразделения или удаленные рабочие места.

Научная общественность считала иначе и была озабочена тем, что законодатель, отвергая конструкцию ст. 55 ГК РФ, не определил в ТК РФ хотя бы примерного перечня иных обособленных структурных подразделений организаций⁷⁸. При разрешении трудовых споров правоприменительная практика, выбрав путь поиска и оценки критериев разграничения форм, предприняла попытки восполнить этот пробел. На основе судебной практики по делам о забастовках, А. А. Насиковская выделила четыре признака иного обособленного структурного подразделе-

⁷³ Нуртдинова А. Ф., Чиканова Л. А. Трудовое законодательство: состояние и перспективы развития // Хозяйство и право. 2009. № 8. С. 52–53.

⁷⁴ Головина С. Ю. Терминологическая неопределенность в трудовом праве: причины возникновения и пути устранения // Известия вузов. Правоведение. 2010. № 2. С. 54.

⁷⁵ Шайхутдинова Н. П. Терминологические проблемы трудового права : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2008. С. 7–8.

⁷⁶ Лушников А. М., Лушникова М. В. Курс трудового права. М., 2003. С. 252.

⁷⁷ Карпикова Л. В. Содержание понятия «обособленное подразделение юридического лица» в гражданском праве Российской Федерации // Образование и право. 2020. № 1. С. 158–159.

⁷⁸ Чиканова Л. А., Нуртдинова А. Ф. Основные направления развития российского трудового законодательства // Журнал российского права. 2010. № 5. С. 15.

ния организации: территориальная обособленность, наличие оборудованных рабочих мест, осуществление вспомогательной, автономной деятельности, приостановка работы такого подразделения не повлечет за собой приостановку деятельности всей организации в целом⁷⁹.

Само время показало, что критерии разграничения форм особых подразделений выявить достаточно сложно, если не сказать практически невозможно⁸⁰. Организации самостоятельно принимают решения по своей организационной структуре, но им не всегда удается вписаться в те формы и правила, что предлагает законодатель. По этой причине часто возникают сомнения относительно статуса таких подразделений, как здравпункты, детские сады, магазины, базовые кафедры вузов, столовые и пр., а также подразделений и даже рабочих мест, которые просто в силу объективных причин могут быть расположены удаленно от организации: рабочие станции, производственные участки, пункты выдачи товаров и др. (удаленные подразделения, удаленные рабочие места). Принять верное решение не позволяют, как ни странно, нормативные положения.

Законодательно не определено, что следует понимать под функциями юридического лица. Более того, к юридическому лицу законодатель не применяет слово «функция» в принципе, а применяет слово «деятельность». Под функциями юридического лица рекомендуется понимать направления его деятельности, которые зависят от объема дееспособности⁸¹. В таком случае видятся неудачными формулировки ст. 55 ГК РФ о том, что филиал осуществляет все или часть функций юридического лица. Подразделение априори этого делать не может, иначе это не подразделение, а отдельная организация. Получается, отсутствуют сколько-нибудь однозначно толкуемые критерии, по которым можно

было бы установить содержание деятельности филиала.

При таком множестве неизвестных, спорных, а в некоторых моментах противоречивых условий предлагается исходить из того, что особое подразделение, являясь фрагментом организации, создаваемым прежде всего для расширения границ ее внешнего взаимодействия, в определенной степени должно воспроизводить в себе сходные с организацией материальные и формальные признаки. Такое подразделение «должно быть реально обособлено от основного производства, не должно быть включено в общую производственную деятельность»⁸², оно должно работать настолько автономно, что приостановление или прекращение этой работы не повлияет на деятельность юридического лица в целом.

Автономность деятельности особого подразделения, обусловленная его предназначением, предполагает наличие у руководителя подразделения особых полномочий. Собственно говоря, через данные полномочия реализуется представительская функция особого подразделения. Наличие в производном виде руководящего начала, наряду с организационным и функциональным единством, свидетельствует о наличии материальных признаков особого подразделения. Безусловно, отличающимися от правовых признаков организации особое подразделение тем не менее таковыми также должно обладать. В частности, правовыми признаками особого подразделения должны являться законность создания, наличие положения, способность действовать от имени организации.

Порядок создания и основы организации деятельности юридического лица определяются гражданским законодательством, находящимся, согласно ст. 71 Конституции Российской Федерации, в исключительном ведении

⁷⁹ *Насиковская А. А.* Иные обособленные структурные подразделения в трудовом законодательстве // *Трудовые споры.* 2007. № 8. С. 19.

⁸⁰ См., например: *Басова Т. Ю.* Обособленные подразделения юридического лица: теория и практика. Проблемы нефтегазовой отрасли // *Право и экономика.* 2013. № 4. С. 27–38.

⁸¹ *Тюкавкин-Плотников А. А.* Обособленные подразделения юридического лица. С. 11.

⁸² *Костян И. А.* Забастовка как средство защиты прав, свобод и законных интересов // *Трудовое право.* 2009. № 6. С. 62.

Российской Федерации. Соответственно, вопрос статуса и определения видов обособленных структурных подразделений организаций не может быть решен иной отраслью права. Для того чтобы в сфере труда не возникало неопределенности в вопросе, какие подразделения

организаций, кроме филиала или представительства, относятся к обособленным структурным подразделениям, формулировки ТК РФ достаточно уточнить путем указания в его положениях на создание таких подразделений в установленном порядке.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Александрова З. Е.* Словарь синонимов русского языка : практический справочник : ок. 11 000 синоним. рядов. — М. : Рус. яз., 2001. — 568 с.
2. *Алексеев С. С.* Общие дозволения и общие запреты в советском праве. — М. : Юрид. лит., 1989. — 288 с.
3. *Анисина К. Т.* Налогово-правовой статус обособленных подразделений российских организаций // Финансовое право. — 2020. — № 10. — С. 17–21.
4. *Басова Т. Ю.* Обособленные подразделения юридического лица: теория и практика. Проблемы нефтегазовой отрасли // Право и экономика. — 2013. — № 4. — С. 27–38.
5. *Белых В. С.* Правовое регулирование предпринимательской деятельности в России : монография. — М. : Проспект, 2014. — 432 с.
6. *Братусь С. Н.* Юридические лица в советском гражданском праве (понятие, виды, государственные юридические лица). — М. : Юридическое изд-во Министерства юстиции СССР, 1947. — 364 с.
7. *Головина С. Ю.* Терминологическая неопределенность в трудовом праве: причины возникновения и пути устранения // Известия вузов. Правоведение. — 2010. — № 2. — С. 53–62.
8. Гражданское право : учебник. Т. 1 / под ред. О. Н. Садикова. — М. : Юридическая фирма «Контракт» : Инфра-М, 2006. — 608 с.
9. Гражданское право : учебник : в 3 т. Т. 1 / Е. Ю. Валявина, И. В. Елисеев [и др.] ; отв. ред. А. П. Сергеев, Ю. К. Толстой. — М. : ТК Велби, Проспект, 2005. — 848 с.
10. *Иоффе О. С.* Советское гражданское право (Курс лекций). — Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1958. — 511 с.
11. *Истомин Е. П., Соколов А. Г.* Теория организации: системный подход : учебник. — СПб. : Андреевский издательский дом, 2009. — 315 с.
12. *Карпикова Л. В.* Содержание понятия «обособленное подразделение юридического лица» в гражданском праве Российской Федерации // Образование и право. — 2020. — № 1. — С. 154–160.
13. *Козлова Н. В.* Понятие и сущность юридического лица. Очерк истории и теории : учебное пособие. — М. : Статут, 2003. — 318 с.
14. *Комиссарова Е. Г.* Формально логические аспекты понятия «правовая природа» // Вестник Пермского университета. Юридические науки. — 2012. — № 2 (16). — С. 23–29.
15. *Костян И. А.* Забастовка как средство защиты прав, свобод и законных интересов // Трудовое право. — 2009. — № 6. — С. 53–62.
16. *Красавчиков О. А.* Сущность юридического лица // Советское государство и право. — 1976. — № 1. — С. 47–55.
17. *Крузе А. В.* Рабочее место как категория трудового права : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — Екатеринбург, 2015. — 28 с.
18. *Кузнецов А.* Филиалы и представительства: гражданско-правовой и налоговый аспекты // Финансовая газета. — 2005. — № 10.
19. *Лушников А. М., Лушникова М. В.* Курс трудового права : в 2 т. : учебник. — М. : Проспект, 2003. — Т. 1 : Историко-правовое введение. Общая часть. Коллективное трудовое право. — 448 с.
20. *Мыскин А. В.* Филиал юридического лица: организационно-правовые аспекты деятельности // Нотариус. — 2012. — № 1. — С. 29–33.

21. *Насиковская А. А.* Иные обособленные структурные подразделения в трудовом законодательстве // Трудовые споры. — 2007. — № 8. — С. 15–21.
22. *Нуртдинова А. Ф., Чиканова Л. А.* Трудовое законодательство: состояние и перспективы развития // Хозяйство и право. — 2009. — № 8. — С. 38–55.
23. *Перевалова И. В.* Правовое положение филиалов и представительств по законодательству Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук. — Екатеринбург, 2005. — 200 с.
24. *Попова Е. П.* Теория организации : учебник и практикум для вузов. — М. : Юрайт, 2020. — 338 с.
25. Постатейный комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации / под ред. Т. Е. Абовой, М. М. Богуславского, А. Ю. Кабалкина, А. Г. Лисицына-Светланова ; Ин-т государства и права РАН. — М. : Юрайт-Издат, 2005.
26. Предпринимательское право : Правовое сопровождение бизнеса : учебник для магистров / отв. ред. И. В. Ершова. — М. : Проспект, 2017. — 848 с.
27. *Пугинский Б. И.* Избранные труды. — М. : Юрайт, 2020. — 522 с.
28. Российское гражданское право : учебник : в 2 т. Т. 1 / отв. ред. Е. А. Суханов. — М. : Статут, 2011. — 958 с.
29. *Ружанская Л. С.* Теория организации : учебное пособие / Л. С. Ружанская, А. А. Яшин, Ю. В. Солдатова ; под общ. ред. Л. С. Ружанской. — Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2015. — 200 с.
30. *Садиков О. Н.* Нетипичные институты в советском гражданском праве // Советское государство и право. — 1979. — № 2. — С. 32–39.
31. *Смолицкая Е. Е.* Гражданско-правовые институты, понятия и термины в налоговом праве : монография. — М. : Проспект, 2018. — 176 с.
32. Советское гражданское право : учебник : в 2 т. Т. 1 / Т. И. Илларионова, М. Я. Кириллова, О. А. Красавчиков [и др.]. — М. : Высшая школа, 1985. — 544 с.
33. *Субботин А. Н.* Обособленные подразделения юридических лиц: опыт историко-теоретического цивилистического анализа // Политика и общество. — 2010. — № 6. — С. 72–78.
34. *Сумской Д. А.* Обособленные подразделения юридического лица в теории гражданского права // Российская юстиция. — 2011. — № 11. — С. 10–16.
35. *Тарасов И. Т.* Учение об акционерных компаниях. — М. : Статут, 2000. — 666 с.
36. Теория организации : учебник и практикум для бакалавриата и магистратуры / Г. Р. Латфуллин [и др.]. — М. : Юрайт, 2019. — 156 с.
37. Толковый словарь русского языка : ок. 100 000 слов, терминов и фразеологических выражений / С. И. Ожегов ; под ред. проф. Л. И. Скворцова. — М. : Мир и образование, 2013. — 1375 с.
38. *Тюкавкин-Плотников А. А.* Обособленные подразделения юридического лица // Предпринимательское право. — 2007. — № 2. — С. 7–14.
39. *Тюкавкин-Плотников А. А.* Проблемы современного понимания юридического лица // Baikal Research Journal. — 2020. — Т. 11. № 3.
40. *Цитович П. П.* Учебник торгового права. — Киев ; СПб. : Издание книгопродавца Н. Я. Оглоблина, 1891. — 300 с.
41. *Чернова К. В.* К вопросу о признаках обособленных подразделений юридического лица в теории гражданского права // Гуманитарные и юридические исследования. — 2014. — № 4. — С. 112–116.
42. *Чиканова Л. А., Нуртдинова А. Ф.* Основные направления развития российского трудового законодательства // Журнал российского права. — 2010. — № 5. — С. 5–19.
43. *Шайхутдинова Н. П.* О некоторых проблемах межотраслевого согласования терминов в нормах трудового права // Вестник Удмуртского университета. Экономика и право. — 2008. — Вып. 1. — С. 169–173.
44. *Шайхутдинова Н. П.* Терминологические проблемы трудового права : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — Екатеринбург, 2008. — 28 с.
45. *Шершеневич Г. Ф.* Учебник русского гражданского права : в 2 т. — М. : Юрайт, 2019. — Т. 1 : Общая часть. — 148 с.
46. *Шершеневич Г. Ф.* Учебник торгового права : учебник для вузов. — М. : Юрайт, 2017. — 303 с.

47. Юридические лица в российском гражданском праве : монография : в 3 т. Т. 1 : Общие положения о юридических лицах / отв. ред. А. В. Габов, О. В. Гутников, С. А. Сеницын. — М. : ИЗИСП, Инфра-М, 2020. — 384 с.

Материал поступил в редакцию 28 марта 2022 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Aleksandrova Z. E. Slovar sinonimov russkogo yazyka: prakticheskiy spravochnik: ok. 11 000 sinonim. ryadov. — M.: Rus. yaz., 2001. — 568 s.
2. Alekseev S. S. Obshchie dozvoleniya i obshchie zaprety v sovetskom prave. — M.: Yurid. lit., 1989. — 288 s.
3. Anisina K. T. Nalogovo-pravovoy status obosoblennykh podrazdeleniy rossiyskikh organizatsiy // Finansovoe pravo. — 2020. — № 10. — S. 17–21.
4. Basova T. Yu. Obosoblennyye podrazdeleniya yuridicheskogo litsa: teoriya i praktika. Problemy neftegazovoy otrasli // Pravo i ekonomika. — 2013. — № 4. — S. 27–38.
5. Belykh V. S. Pravovoe regulirovanie predprinimatelskoy deyatel'nosti v Rossii: monografiya. — M.: Prospekt, 2014. — 432 s.
6. Bratus S. N. Yuridicheskie litsa v sovetskom grazhdanskom prave (ponyatie, vidy, gosudarstvennyye yuridicheskie litsa). — M.: Yuridicheskoe izd-vo Ministerstva yustitsii SSSR, 1947. — 364 s.
7. Golovina S. Yu. Terminologicheskaya neopredelennost v trudovom prave: prichiny vozniknoveniya i puti ustraneniya // Izvestiya vuzov. Pravovedenie. — 2010. — № 2. — S. 53–62.
8. Grazhdanskoe pravo: uchebnik. T. 1 / pod red. O. N. Sadikova. — M.: Yuridicheskaya firma «Kontrakt»: Infra-M, 2006. — 608 s.
9. Grazhdanskoe pravo: uchebnik: v 3 t. T. 1 / E. Yu. Valyavina, I. V. Eliseev [i dr.]; отв. ред. А. П. Sergeev, Yu. K. Tolstoy. — M.: TK Velbi, Prospekt, 2005. — 848 s.
10. Ioffe O. S. Sovetskoe grazhdanskoe pravo (Kurs lektsiy). — L.: Izd-vo Leningr. un-ta, 1958. — 511 s.
11. Istomin E. P., Sokolov A. G. Teoriya organizatsii: sistemnyy podkhod: uchebnik. — SPb.: Andreevskiy izdatelskiy dom, 2009. — 315 s.
12. Karpikova L. V. Soderzhanie ponyatiya «obosoblennoe podrazdelenie yuridicheskogo litsa» v grazhdanskom prave Rossiyskoy Federatsii // Obrazovanie i pravo. — 2020. — № 1. — S. 154–160.
13. Kozlova N. V. Ponyatie i sushchnost yuridicheskogo litsa. Ocherk istorii i teorii: uchebnoe posobie. — M.: Statut, 2003. — 318 s.
14. Komissarova E. G. Formalno logicheskie aspekty ponyatiya «pravovaya priroda» // Vestnik Permskogo universiteta. Yuridicheskie nauki. — 2012. — № 2 (16). — S. 23–29.
15. Kostyan I. A. Zabastovka kak sredstvo zashchity prav, svobod i zakonnykh interesov // Trudovoe pravo. — 2009. — № 6. — S. 53–62.
16. Krasavchikov O. A. Sushchnost yuridicheskogo litsa // Sovetskoe gosudarstvo i pravo. — 1976. — № 1. — S. 47–55.
17. Kruze A. V. Rabochee mesto kak kategoriya trudovogo prava: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. — Ekaterinburg, 2015. — 28 s.
18. Kuznetsov A. Filialy i predstavitelstva: grazhdansko-pravovoy i nalogovyy aspekty // Finansovaya gazeta. — 2005. — № 10.
19. Lushnikov A. M., Lushnikova M. V. Kurs trudovogo prava: v 2 t.: uchebnik. — M.: Prospekt, 2003. — T. 1: Istoriko-pravovoe vvedenie. Obshchaya chast. Kollektivnoe trudovoe pravo. — 448 s.
20. Myskin A. V. Filial yuridicheskogo litsa: organizatsionno-pravovyye aspekty deyatel'nosti // Notarius. — 2012. — № 1. — S. 29–33.
21. Nasikovskaya A. A. Inye obosoblennyye strukturnyye podrazdeleniya v trudovom zakonodatel'stve // Trudovyye spory. — 2007. — № 8. — S. 15–21.

22. Nurtdinova A. F., Chikanova L. A. Trudovoe zakonodatelstvo: sostoyanie i perspektivy razvitiya // Khozyaystvo i pravo. — 2009. — № 8. — С. 38–55.
23. Perevalova I. V. Pravovoe polozhenie filialov i predstavitelstv po zakonodatelstvu Rossiyskoy Federatsii: dis. ... kand. yurid. nauk. — Ekaterinburg, 2005. — 200 s.
24. Popova E. P. Teoriya organizatsii: uchebnik i praktikum dlya vuzov. — M.: Yurayt, 2020. — 338 s.
25. Postateynnyy kommentariy k Grazhdanskomu kodeksu Rossiyskoy Federatsii / pod red. T. E. Abovoy, M. M. Boguslavskogo, A. Yu. Kabalkina, A. G. Lisitsyna-Svetlanova; In-t gosudarstva i prava RAN. — M.: Yurayt-Izdat, 2005.
26. Predprinimatelskoe pravo: Pravovoe soprovozhdenie biznesa: uchebnik dlya magistrrov / otv. red. I. V. Ershova. — M.: Prospekt, 2017. — 848 s.
27. Puginskiy B. I. Izbrannyye trudy. — M.: Yurayt, 2020. — 522 s.
28. Rossiyskoe grazhdanskoe pravo: uchebnik: v 2 t. T. 1 / otv. red. E. A. Sukhanov. — M.: Statut, 2011. — 958 s.
29. Ruzhanskaya L. S. Teoriya organizatsii: uchebnoe posobie / L. S. Ruzhanskaya, A. A. Yashin, Yu. V. Soldatova; pod obshch. red. L. S. Ruzhanskoy. — Ekaterinburg: Izd-vo Ural. un-ta, 2015. — 200 s.
30. Sadikov O. N. Netipichnye instituty v sovetskom grazhdanskom prave // Sovetskoe gosudarstvo i pravo. — 1979. — № 2. — С. 32–39.
31. Smolitskaya E. E. Grazhdansko-pravovyye instituty, ponyatiya i terminy v nalogovom prave: monografiya. — M.: Prospekt, 2018. — 176 s.
32. Sovetskoe grazhdanskoe pravo: uchebnik: v 2 t. T. 1 / T. I. Illarionova, M. Ya. Kirillova, O. A. Krasavchikov [i dr.]. — M.: Vysshaya shkola, 1985. — 544 s.
33. Subbotin A. N. Obosoblennyye podrazdeleniya yuridicheskikh lits: opyt istoriko-teoreticheskogo tsivilisticheskogo analiza // Politika i obshchestvo. — 2010. — № 6. — С. 72–78.
34. Sumskey D. A. Obosoblennyye podrazdeleniya yuridicheskogo litsa v teorii grazhdanskogo prava // Rossiyskaya yustitsiya. — 2011. — № 11. — С. 10–16.
35. Tarasov I. T. Uchenie ob aktsionernykh kompaniyakh. — M.: Statut, 2000. — 666 s.
36. Teoriya organizatsii: uchebnik i praktikum dlya bakalavriata i magistratury / G. R. Latfullin [i dr.]. — M.: Yurayt, 2019. — 156 s.
37. Tolkovyy slovar russkogo yazyka: ok. 100 000 slov, terminov i frazeologicheskikh vyrazheniy / S. I. Ozhegov; pod red. prof. L. I. Skvortsova. — M.: Mir i obrazovanie, 2013. — 1375 s.
38. Tyukavkin-Plotnikov A. A. Obosoblennyye podrazdeleniya yuridicheskogo litsa // Predprinimatelskoe pravo. — 2007. — № 2. — С. 7–14.
39. Tyukavkin-Plotnikov A. A. Problemy sovremennogo ponimaniya yuridicheskogo litsa // Baikal Research Journal. — 2020. — T. 11. № 3.
40. Tsitovich P. P. Uchebnik torgovogo prava. — Kiev; SPb.: Izdanie knigoprodavtsa N. Ya. Ogloblina, 1891. — 300 s.
41. Chernova K. V. K voprosu o priznakakh obosoblennykh podrazdeleniy yuridicheskogo litsa v teorii grazhdanskogo prava // Gumanitarnyye i yuridicheskie issledovaniya. — 2014. — № 4. — С. 112–116.
42. Chikanova L. A., Nurtdinova A. F. Osnovnyye napravleniya razvitiya rossiyskogo trudovogo zakonodatelstva // Zhurnal rossiyskogo prava. — 2010. — № 5. — С. 5–19.
43. Shaykhutdinova N. P. O nekotorykh problemakh mezhotraslevogo soglasovaniya terminov v normakh trudovogo prava // Vestnik Udmurtskogo universiteta. Ekonomika i pravo. — 2008. — Vyp. 1. — С. 169–173.
44. Shaykhutdinova N. P. Terminologicheskie problemy trudovogo prava: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. — Ekaterinburg, 2008. — 28 s.
45. Shershenevich G. F. Uchebnik russkogo grazhdanskogo prava: v 2 t. — M.: Yurayt, 2019. — T. 1: Obshchaya chast. — 148 s.
46. Shershenevich G. F. Uchebnik torgovogo prava: uchebnik dlya vuzov. — M.: Yurayt, 2017. — 303 s.
47. Yuridicheskie litsa v rossiyskom grazhdanskom prave: monografiya: v 3 t. T. 1: Obshchie polozheniya o yuridicheskikh litsakh / otv. red. A. V. Gabov, O. V. Gutnikov, S. A. Sinitsyn. — M.: IZiSP, Infra-M, 2020. — 384 s.

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС

DOI: 10.17803/1994-1471.2022.141.8.136-143

Т. Ю. Вилкова*

Правила подследственности на стадии возбуждения уголовного дела: пределы действия

Аннотация. Статья посвящена анализу дискуссионного вопроса о том, распространяются ли положения УПК РФ о подследственности, в том числе предметной, на стадию возбуждения уголовного дела, включая вынесение постановления об отказе в возбуждении уголовного дела, либо они применимы исключительно к стадии предварительного расследования. Показано, что подследственность различных органов предварительного расследования устанавливается законом (ст. 150–152 УПК РФ) не только для стадии предварительного расследования, но и для процессуальной деятельности на стадии возбуждения уголовного дела в части принятия итогового решения (постановления о возбуждении уголовного дела или постановления об отказе в возбуждении уголовного дела). Вынесение итогового решения исключительно с соблюдением требований подследственности является условием законности таких решений. При этом предшествующие этапы стадии возбуждения уголовного дела — прием и регистрация сообщений о преступлении, проведение проверки таких сообщений — могут осуществляться и иными органами предварительного расследования: прием и регистрация сообщений о преступлении любым правоохранительным органом обеспечивает доступ к правосудию, а решение о направлении материалов проверки по подследственности выносится с учетом результатов этой проверки, когда будут собраны данные, позволяющие определить государственный орган, полномочный возбудить уголовное дело и провести предварительное расследование.

Ключевые слова: подследственность; возбуждение уголовного дела; орган дознания; дознаватель; следователь; прокурор; передача по подследственности; постановление; компетенция; законность; сообщение о преступлении; доследственная проверка.

Для цитирования: Вилкова Т. Ю. Правила подследственности на стадии возбуждения уголовного дела: пределы действия // Актуальные проблемы российского права. — 2022. — Т. 17. — № 8. — С. 136–143. — DOI: 10.17803/1994-1471.2022.141.8.136-143.

© Вилкова Т. Ю., 2022

* Вилкова Татьяна Юрьевна, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовно-процессуального права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993
tvilkova@yandex.ru

Investigative Jurisdiction Rules at the Stage of Initiating a Criminal Case: Scope of Validity

Tatyana Yu. Vilkova, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Associate Professor, Department of Criminal Procedure Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
ul. Sadovaya-Kudrinskaya, d. 9, Moscow, Russia, 125993
tvilkova@yandex.ru

Abstract. The paper is devoted to the analysis of the debatable question of whether the provisions of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation on investigative jurisdiction, including substantive jurisdiction, apply to the stage of initiating a criminal case, including the issuance of a decision to refuse to initiate a criminal case, or whether they apply exclusively to the stage of preliminary investigation. It is shown that the jurisdiction of various bodies of preliminary investigation is established by law (Articles 150-152 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation) not only for the preliminary investigation stage, but also for procedural activities at the stage of initiating a criminal case in terms of making a final decision (decision to initiate a criminal case or a decision to refusal to initiate criminal proceedings). The issuance of a final decision solely in compliance with the requirements of jurisdiction is a condition for the legality of such decisions. At the same time, the previous stages of the stage of initiating a criminal case — the receipt and registration of reports of a crime, the verification of such reports — can also be carried out by other bodies of preliminary investigation: the reception and registration of reports of a crime by any law enforcement agency provides access to justice, and the decision to send the materials of the verification to investigative jurisdiction is issued taking into account the results of this check, when data will be collected to determine the state body authorized to initiate a criminal case and conduct a preliminary investigation.

Keywords: investigative jurisdiction; criminal proceedings; body of inquiry; interrogator; investigator; prosecutor; transfer by jurisdiction; resolution; competence; legality; crime report; pre-investigation check.

Cite as: Vilkova TYu. Pravila podsledstvennosti na stadii vzbuzhdeniya ugovnogo dela: predely deystviya [Investigative Jurisdiction Rules at the Stage of Initiating a Criminal Case: Scope of Validity]. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2022;17(8):136-143. DOI: 10.17803/1994-1471.2022.141.8.136-143. (In Russ., abstract in Eng.).

Правовой институт подследственности традиционно определяется как совокупность признаков уголовного дела, детерминирующих тот государственный орган, который полномочен провести предварительное расследование по данному делу¹. Уголовно-процессуальное законодательство (ст. 145 УПК РФ во взаимосвязи со ст. 5 (п. 19), 40, 148, 150, 151 и 157 УПК РФ) также регламентирует правила подследственности, главным образом, применительно к стадии предварительного расследования. Между тем в правоприменительной практике нередко встает вопрос о том, распространяются ли эти правила на стадию возбуждения уголовного

дела и в каком объеме. Отдельного внимания заслуживает вопрос о принятии решений при поступлении запросов иностранных государств об уголовном преследовании или о возбуждении уголовного дела на территории Российской Федерации в отношении гражданина Российской Федерации, совершившего преступление на территории иностранного государства и возвратившегося в Российскую Федерацию. Это обусловлено тем, что, во-первых, сбор, оценка и проверка информации и собственно принятие решений осуществляется разными субъектами, а во-вторых, тем, что этапы принятия решений протекают в рамках разных правовых

¹ См., например: Дикарев И. С. Подследственность в уголовном процессе: вопросы теории и законодательной регламентации // Журнал российского права. 2020. № 4. С. 114. DOI: 10.12737/jrl.2020.046 ; Стельмах В. Ю. Проблемы законодательной регламентации подследственности. Разрешение споров о подследственности // Российский юридический журнал. 2020. № 3 (132). С. 77–90.

систем². От решения этих вопросов зависит законность процессуальной деятельности, предшествующей предварительному расследованию, и допустимость полученных доказательств.

Подследственность является правовым институтом, обеспечиваемым в уголовном судопроизводстве распределением компетенции между органами предварительного расследования путем закрепления в уголовно-процессуальном законе правил подследственности, в том числе на основе предметного (родового), территориального, персонального признаков. Установление подследственности не на основании нормативно закрепленных критериев, а по усмотрению правоприменителя порождает бы избирательность в разрешении этого вопроса.

Подследственность определяется законом. В целях обеспечения определенности в вопросе о подследственности дел и о полномочиях того или иного государственного органа осуществлять уголовно-процессуальную деятельность с тем, чтобы не допустить произвольного истолкования соответствующих норм и, следовательно, произвольного их применения в правоприменительной практике, законом закреплены критерии, которые в нормативной форме (в виде общего правила) предопределяют, каким государственным органом и должностным лицом подлежит вынесение постановления о возбуждении уголовного дела и производстве предварительного расследования либо, напротив, об отказе в возбуждении уголовного дела. Это позволяет сторонам и другим участникам процесса избежать неопределенности в данном вопросе, которую в противном случае приходилось бы устранять посредством правоприменительного решения и тем самым устанавливать подследственность дела не на основании закона.

В соответствии с ч. 4 ст. 7 УПК РФ постановления прокурора, следователя, органа дознания, начальника органа дознания, начальника подразделения дознания, дознавателя должны

быть законными, обоснованными и мотивированными.

Законными должны быть и постановления, выносимые на стадии возбуждения уголовного дела по результатам проверки сообщения о преступлении.

Одним из решений, принимаемых органом дознания, дознавателем, следователем, руководителем следственного органа по результатам рассмотрения сообщения о преступлении, является постановление о передаче сообщения по подследственности в соответствии со ст. 151 УПК РФ (п. 3 ч. 1 ст. 145 УПК РФ). В отличие от решений о возбуждении уголовного дела либо об отказе в возбуждении уголовного дела (п. 1 и 2 ч. 1 ст. 145 УПК РФ), постановление о передаче по подследственности является промежуточным, а не итоговым решением, предполагающим, что итоговое решение будет в последующем вынесено уполномоченным государственным органом / должностным лицом.

Направление материалов по подследственности по результатам рассмотрения сообщения о преступлении — не право, а обязанность органа дознания, дознавателя, следователя, руководителя следственного органа, поскольку итоговое решение на стадии возбуждения уголовного дела должно быть вынесено исключительно надлежащим (уполномоченным) лицом, полномочия которого определяются в том числе правилами подследственности.

Вынесение постановления о возбуждении или об отказе в возбуждении уголовного дела с нарушением правил подследственности (то есть ненадлежащим государственным органом, должностным лицом) влечет незаконность такого постановления, юридическую ничтожность всей последующей процессуальной деятельности (если она будет осуществляться), недопустимость доказательств, отмену принятых решений, на что справедливо обращают внимание И. И. Гусева и В. Н. Зубков³.

² См.: Антонович Е. К. Особенности принятия решений при поступлении запросов иностранных государств об уголовном преследовании или возбуждении уголовного дела // Международное уголовное право и международная юстиция. 2017. № 5. С. 12–15.

³ Гусева И. И., Зубков В. Н. Проблемные аспекты возбуждения уголовных дел «чужой» подследственности // Modern Science. 2021. № 5-1. С. 203.

На это обращают внимание и высшие национальные судебные органы. Как неоднократно указывал Конституционный Суд РФ⁴, а также Пленум Верховного Суда РФ в п. 14 постановления «О практике рассмотрения судами жалоб в порядке статьи 125 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации»⁵, проверяя законность и обоснованность постановления об отказе в возбуждении уголовного дела (ч. 1 ст. 148 УПК РФ), судья обязан выяснить, соблюдены ли нормы, регулирующие порядок рассмотрения сообщения о совершенном или готовящемся преступлении (ст. 20, 144, 145 и 151 УПК РФ), а также принято ли *уполномоченным* должностным лицом решение об отказе в возбуждении уголовного дела при наличии к тому законных оснований и соблюдены ли при его вынесении требования ст. 148 УПК РФ.

Незаконными и юридически ничтожными являются любые итоговые решения, выносимые по результатам проверки сообщения о преступлении, если они постановлены ненадлежащим должностным лицом, то есть за пределами его компетенции (что может проявляться в том числе в нарушении правил подследственности). Это *в равной степени* справедливо как для постановлений о возбуждении уголовного дела, так и для постановлений об отказе в возбуждении уголовного дела. Каждое из этих решений влечет значимые правовые последствия: актом возбуждения уголовного дела начинается публичное уголовное преследование от имени государства в связи с совершенным преступным

деянием, которое обеспечивает последующие процессуальные действия органов дознания, предварительного следствия и суда и одновременно влечет необходимость обеспечения права на защиту лица, в отношении которого осуществляется обвинительная деятельность⁶; постановление об отказе в возбуждении уголовного дела, напротив, ограничивает потерпевшим доступ к механизмам правосудия⁷.

Примеры признания незаконными постановлений *об отказе в возбуждении уголовного дела* вследствие вынесения их ненадлежащими должностными лицами за пределами их компетенции многочисленны. В правоприменительной практике обоснованно отменяются постановления об отказе в возбуждении уголовного дела в отношении отдельных категорий лиц (специальных субъектов), вынесенные с нарушением требований персональной подследственности (ст. 448 УПК РФ).

Так, в СУ МУ МВД России «Балашихинское» поступило сообщение по факту дорожно-транспортного происшествия с участием водителей Ч., М. и А., в результате которого последний скончался на месте. По этому сообщению следователем указанного СУ была проведена проверка и принято решение об отказе в возбуждении уголовного дела на основании п. 2 ч. 1 ст. 24 УПК РФ. Заместителем Балашихинского городского прокурора данное постановление отменено как вынесенное неуполномоченным должностным лицом. Нарушение выразилось в том, что согласно п. «в» ч. 2 ст. 151 УПК РФ про-

⁴ См.: определение Конституционного Суда РФ от 28.12.2021 № 2655-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Степановой Галины Николаевны на нарушение ее конституционных прав статьей 125 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

⁵ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10.02.2009 № 1 (ред. от 29.11.2016) «О практике рассмотрения судами жалоб в порядке статьи 125 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

⁶ Постановление Конституционного Суда РФ от 14.01.2000 № 1-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений Уголовно-процессуального кодекса РСФСР, регулирующих полномочия суда по возбуждению уголовного дела, в связи с жалобой гражданки И. П. Смирновой и запросом Верховного Суда РФ» // Вестник Конституционного Суда РФ. 2000. № 2.

⁷ Определение Конституционного Суда РФ от 12.03.2019 № 578-О «По жалобе гражданина Сулова Олега Борисовича на нарушение его конституционных прав частями первой, шестой и седьмой статьи 148 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // Вестник Конституционного Суда РФ. 2019. № 3.

верка сообщения о преступлениях, совершенных военнослужащими, проводится следователями Следственного комитета РФ. Материалы доследственной проверки были направлены прокурору Балашихинского гарнизона для организации дальнейшей проверки⁸.

Приведем и правовую позицию Конституционного Суда РФ о том, что постановление об отказе в возбуждении уголовного дела (частного обвинения), вынесенное должностным лицом за пределами его компетенции, юридически ничтожно и не может препятствовать законной уголовно-процессуальной деятельности, даже если оно не отменено⁹.

Как справедливо указывает Конституционный Суд РФ, пункт 3 ч. 2 ст. 151 УПК РФ в рамках установления правил определения подследственности лишь перечисляет виды преступлений, уголовные дела о которых подлежат расследованию следователями органов внутренних дел Российской Федерации, и не регламентирует порядок проведения доследственной проверки по сообщению о преступлении¹⁰.

Такая правовая позиция Конституционного Суда РФ обусловлена тем, что стадия возбуждения уголовного дела включает несколько этапов: прием и регистрацию сообщения о преступлении, проведение проверки сообщения о преступлении и принятие решения по результатам этой проверки. При этом правила подследственности, установленные статьями 150–152 УПК РФ, неприменимы к первым двум из указанных этапов.

Как известно, дознаватель, орган дознания, следователь, руководитель следственного органа должны принять, проверить сообщение

о *любом* совершенном или готовящемся преступлении¹¹.

Публично-правовая основа уголовного судопроизводства предопределяет иные правила принятия сообщений о преступлении, нежели в отношении заявлений, подаваемых в суд в порядке гражданского судопроизводства. С сообщением о преступлении может обратиться любое лицо в любой правоохранительный орган. По уголовным делам отсутствуют какие-либо требования к заявлениям о преступлениях: они могут быть как письменными, так и устными, подаваться лицами любого возраста, любого гражданства, лицами, имеющими психические заболевания и т.д., закон не устанавливает каких-либо требований к содержанию и форме заявлений о преступлении, к срокам обращения с такими заявлениями, не облагает их подачу государственной пошлиной, заявления принимаются независимо от того, в отношении кого совершено преступление — обратившегося или кого-то другого. Отсутствует и требование подачи таких сообщений с соблюдением правил подследственности.

Однако государственные органы и должностные лица, получившие и зарегистрировавшие сообщение о преступлении, обязаны обеспечить законность последующей уголовно-процессуальной деятельности, в том числе направить сообщение по подследственности для принятия по нему итогового решения (о возбуждении уголовного дела или об отказе в возбуждении уголовного дела) уполномоченным (надлежащим) должностным лицом.

Подтверждение этому содержится в ряде определений Конституционного Суда РФ, на-

⁸ Материалы доследственной проверки № 5127/12 // Архив Балашихинской городской прокуратуры Московской области.

⁹ Определение Конституционного Суда РФ от 29.03.2016 № 706-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Алексева Владимира Николаевича на нарушение его конституционных прав пунктом 5 части первой статьи 27 и пунктом 1 статьи 254 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁰ Определение Конституционного Суда РФ от 13.10.2009 № 1179-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина В. Н. Стурова на нарушение его конституционных прав пунктом 6 части второй статьи 37 и пунктом 3 части второй статьи 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

¹¹ Определение Конституционного Суда РФ от 12.03.2019 № 578-О.

пример, о том, что «расследование преступлений, совершенных работниками органов внутренних дел на транспорте в связи с исполнением ими своих служебных обязанностей, возложено на следственные управления на транспорте Следственного комитета Российской Федерации, юрисдикция которых определяется совокупностью правомочий по рассмотрению сообщений о преступлении и расследованию преступлений отдельных видов в соответствии с подследственностью, установленной уголовно-процессуальным законодательством Российской Федерации для следователей Следственного комитета Российской Федерации»¹².

Таким образом, положение, предусмотренное пунктом 3 ч. 1 ст. 145 УПК РФ о передаче сообщения о преступлении по подследственности, является элементом механизма правозащитной деятельности государства, направленного на выявление как можно большего числа преступлений и осуществление по каждому сообщению о преступлении уголовно-процессуальной деятельности. При этом, как отмечает Конституционный Суд РФ, дознаватель, орган дознания, следователь, руководитель следственного органа должны принять, проверить сообщение о любом совершенном или готовящемся преступлении и в пределах своей компетенции принять по нему решение¹³. Компетенция дознавателя, органа дознания, следователя, руководителя следственного органа по принятию итогового решения определяется в том числе правилами подследственности.

Закон не устанавливает, в какой момент производства проверки сообщения о преступлении оно должно направляться по подследственности: сразу после приема и регистрации сообщения о преступлении или по окончании проведения следственных и иных проверочных дей-

ствий. Данный вопрос должен решаться индивидуально в каждом конкретном случае с учетом имеющихся данных, поскольку обстоятельства, влияющие на определение подследственности (квалификация деяния, сведения о лице, в отношении которого проводится проверка, место события преступления), могут устанавливаться как на основе сообщения о преступлении, так и по результатам доследственной проверки. Однако принятие итогового решения (постановления о возбуждении уголовного дела или об отказе в возбуждении уголовного дела), во всяком случае, должно осуществляться надлежащим лицом, в том числе с соблюдением требований подследственности, предусмотренных ст. 150–152 УПК РФ. Для обеспечения этого требования и предусмотрено вынесение постановления о направлении сообщения о преступлении по подследственности (п. 3 ч. 1 ст. 145 УПК РФ).

Законность постановления о направлении сообщения о преступлении по подследственности обеспечивается ведомственным контролем, прокурорским надзором, судебным контролем.

Так, в актах Генерального прокурора РФ обращается внимание на необходимость:

— обеспечения проведения процессуальных проверок в отношении предпринимателей только уполномоченными должностными лицами в соответствии с правилами подследственности, определенными ст. 151 УПК РФ (п. 2.2 указания Генерального прокурора РФ № 387/49, МВД России № 1/7985, СК России № 1/218, ФСБ России № 23, ФТС России № 266-р от 23.07.2020 «Об усилении прокурорского надзора и ведомственного контроля за органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность, дознание и предварительное следствие по уголовным делам о преступлениях в сфере предпринимательской деятельности»¹⁴);

¹² Определение Конституционного Суда РФ от 28.12.2021 № 2665-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Ваулина Олега Егоровича на нарушение его конституционных прав статьями 151 и 152 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, а также пунктом 4.1 приказа Следственного комитета Российской Федерации «Об установлении юрисдикции специализированных следственных органов Следственного комитета Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

¹³ Определение Конституционного Суда РФ от 12.03.2019 № 578-О.

¹⁴ СПС «КонсультантПлюс».

- обеспечения соблюдения требований подследственности при проверке сообщений о преступлениях экстремистской направленности (п. 1.5 указания Генерального прокурора РФ от 21.09.2018 № 602/27 «Об усилении прокурорского надзора за исполнением законов при выявлении, пресечении, раскрытии и расследовании преступлений экстремистской направленности»¹⁵);
- строгого соблюдения правил подследственности, предусмотренных ст. 151 УПК РФ, при принятии прокурорскими работниками решений об изъятии и передаче сообщения о преступлении из одного органа предварительного расследования в другой (п. 1.2 приказа Генерального прокурора РФ от 17.09.2021 № 544 «Об организации прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов предварительного следствия»¹⁶).

Как подчеркивает Конституционный Суд РФ, постановление о передаче сообщения о преступлении по подследственности может быть обжаловано заявителем и иными заинтересованными лицами прокурору и в суд¹⁷.

Подводя итог, отметим, что подследственность различных органов предварительного расследования устанавливается законом (ст. 150–152 УПК РФ) не только для стадии предварительного расследования, но и для процессуальной деятельности на стадии возбуждения уголовного дела в части принятия итогового решения (постановления о возбуждении уголовного дела или постановления об отказе в возбуждении уголовного дела). При этом предшествующие этапы стадии возбуждения уголовного дела (прием и регистрация сообщений о преступлении, проведение проверки таких сообщений) могут осуществляться и иными органами предварительного расследования. Положение, предусмотренное пунктом 3 ч. 1 ст. 145 УПК РФ, обеспечивает, с одной стороны, принятие сообщения о преступлении любым органом предварительного расследования, а с другой — вынесение постановления о возбуждении или об отказе в возбуждении уголовного дела надлежащим (уполномоченным) государственным органом / должностным лицом в пределах его компетенции.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Антонович Е. К. Особенности принятия решений при поступлении запросов иностранных государств об уголовном преследовании или возбуждении уголовного дела // *Международное уголовное право и международная юстиция*. — 2017. — № 5. — С. 12–15.
2. Гусева И. И., Зубков В. Н. Проблемные аспекты возбуждения уголовных дел «чужой» подследственности // *Modern Science*. — 2021. — № 5-1. — С. 201–205.
3. Дикарев И. С. Подследственность в уголовном процессе: вопросы теории и законодательной регламентации // *Журнал российского права*. — 2020. — № 4. — С. 113–125. — DOI: 10.12737/jrl.2020.046.
4. Стельмах В. Ю. Проблемы законодательной регламентации подследственности. Разрешение споров о подследственности // *Российский юридический журнал*. — 2020. — № 3 (132). — С. 77–90.
5. Таболина К. А. Надзор прокурора за возбуждением и расследованием уголовных дел / под ред. Л. Н. Масленниковой. — М. : Норма, 2020. — 318 с.
6. Федосов А. Е. Направление сообщений о преступлениях по подследственности // *Законность*. — 2018. — № 8. — С. 29–31.

Материал поступил в редакцию 10 января 2022 г.

¹⁵ Законность. 2018. № 11.

¹⁶ Законность. 2021. № 12.

¹⁷ Определение Конституционного Суда РФ от 26.10.2021 № 2142-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Панфилова Руслана Александровича на нарушение его конституционных прав частью первой статьи 125 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Antonovich E. K. Osobennosti prinyatiya resheniy pri postuplenii zaprosov inostrannykh gosudarstv ob ugovnom presledovanii ili возбуждении уголовного дела // *Mezhdunarodnoe ugovnoe pravo i mezhdunarodnaya yustitsiya*. — 2017. — № 5. — S. 12–15.
2. Guseva I. I., Zubkov V. N. Problemnye aspekty возбуждения уголовных дел «chuzhoj» podsledstvennosti // *Modern Science*. — 2021. — № 5-1. — S. 201–205.
3. Dikarev I. S. Podsledstvennost v ugovnom protsesse: voprosy teorii i zakonodatelnoy reglamentatsii // *Zhurnal rossiyskogo prava*. — 2020. — № 4. — S. 113–125. — DOI: 10.12737/jrl.2020.046.
4. Stelmakh V. Yu. Problemy zakonodatelnoy reglamentatsii podsledstvennosti. Razreshenie sporov o podsledstvennosti // *Rossiyskiy yuridicheskiy zhurnal*. — 2020. — № 3 (132). — S. 77–90.
5. Tabolina K. A. Nadzor prokurora za возбуждением i rassledovaniem ugovnykh del / pod red. L. N. Maslennikovoy. — M.: Norma, 2020. — 318 s.
6. Fedosov A. E. Napravlenie soobshcheniy o prestupleniyakh po podsledstvennosti // *Zakonost*. — 2018. — № 8. — S. 29–31.

КРИМИНАЛИСТИКА И КРИМИНОЛОГИЯ. СУДЕБНАЯ ЭКСПЕРТИЗА

DOI: 10.17803/1994-1471.2022.141.8.144-149

М. М. Долгиева*

Криптопреступность в условиях специальной военной операции и западных санкций

Аннотация. В нестабильных ситуациях и в условиях плохо функционирующих правительств, таких как на Украине, сохраняется системный риск борьбы с отмыванием денег, и цифровые валюты становятся особенно привлекательными для этих хаотических сред. После начала специальной военной операции России на Украине и на фоне усиления западного санкционного давления стремительно увеличилась криптоактивность, направленная на вывод денежных средств с ведущих мировых криптобирж и площадок, а также отток капитала из Российской Федерации. В свою очередь, активная криптовалютная легализация незадекларированных доходов в России привела к серьезным скачкам курса криптовалют — от их первоначального роста до резкого снижения. Автором на основе приведенных исследований предлагается механизм борьбы с нелегальным оборотом криптовалюты до принятия законодательного регулирования и обосновывается вывод, что задача обеспечения финансовой безопасности и стабильности национальной валюты, а также борьбы с легализацией преступных доходов и оттоком капитала из страны должна быть решена путем внедрения уголовно-правовых норм об ответственности за незаконный оборот криптовалюты.

Ключевые слова: криптовалюта; биткоин; виртуальная валюта; цифровая валюта; конфискация криптовалюты; криптопреступность; легализация; западные санкции; специальная военная операция; отток капитала.

Для цитирования: Долгиева М. М. Криптопреступность в условиях специальной военной операции и западных санкций // Актуальные проблемы российского права. — 2022. — Т. 17. — № 8. — С. 144–149. — DOI: 10.17803/1994-1471.2022.141.8.144-149.

Crypto Crimes amid Special Military Operation and Western Sanctions

Madina M. Dolgieva, Cand. Sci. (Law), Prosecutor, Central Criminal and Judicial Department,
General Prosecutor's Office of the Russian Federation, Counselor of Justice
ul. Bolshaya Dmitrovka, d.15a, Moscow, Russia, 125993
novator111@mail.ru

Abstract. In unstable situations and in the face of poorly functioning governments, such as in Ukraine, the systemic risk of anti-money laundering remains, and digital currencies become especially attractive in these chaotic environments. After the start of Russia's special military operation in Ukraine and against the backdrop of

© Долгиева М. М., 2022

* Долгиева Мадина Муссаевна, кандидат юридических наук, прокурор Главного уголовно-судебного управления Генеральной прокуратуры Российской Федерации, советник юстиции
ул. Большая Дмитровка, д. 15а, г. Москва, Россия, 125993
novator111@mail.ru

increased Western sanctions pressure, crypto activity has rapidly increased, as it aims at withdrawing funds from the world's leading crypto exchanges and platforms, as well as the outflow of capital from the Russian Federation. In turn, the active cryptocurrency legalization of undeclared income in Russia led to serious jumps in the rate of cryptocurrencies: from their initial growth to a sharp decline. Following the results of the above studies, the author proposes a mechanism for combating illegal circulation of cryptocurrency before the adoption of legislative regulation. The author substantiates the conclusion that the task of ensuring financial security and stability of the national currency, as well as combating the legalization of criminal proceeds and the outflow of capital from the country should be solved by introducing criminal law rules on liability for illegal circulation of cryptocurrency. **Keywords:** cryptocurrency; bitcoin; virtual currency; digital currency; cryptocurrency confiscation; crypto crimes; legalization; Western sanctions; special military operation; capital outflow.

Cite as: Dolgieva MM. Kriptoprestupnost v usloviyakh spetsialnoy voennoy operatsii i zapadnykh sanktsiy [Crypto Crimes amid Special Military Operation and Western Sanctions]. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2022;17(8):144-149. DOI: 10.17803/1994-1471.2022.141.8.144-149. (In Russ., abstract in Eng.).

Инновации в области финансовых технологий, такие как цифровые валюты, уже некоторое время предлагают альтернативные решения для сектора денежных переводов и могут революционизировать транснациональный денежный оборот, особенно в нестабильных и постконфликтных условиях.

Увеличение числа частных методов денежных переводов в основном происходит на фоне распада официальных финансовых институтов и плохо функционирующих правительств, таких как на Украине. В нестабильных ситуациях, где сохраняется системный риск борьбы с отмыванием денег, цифровые валюты становятся особенно привлекательными для различных групп населения как потенциально безопасные альтернативы денежным переводам. Децентрализованные и одноранговые системы не полагаются на инфраструктуру центральных банков, что делает их подходящими для этих хаотических сред.

Так, например, новое развитие неформальных каналов денежных переводов в Сомали и Афганистане с 1990-х гг. на фоне затянувшихся гражданских конфликтов получил подпольный банкинг под названием «хавала» (в переводе с арабского — вексель или посылка), основанная на доверии платежная система, восходящая к Средневековью. Ее особенностью является тот факт, что все финансовые операции (перемещение из страны в страну денег, драгоценностей или золота) выполняются безо всяких документальных подтверждений — работа строится на доверии участников процесса.

По сути, криптовалютные технологии являются аналогичной сетью доверия, основанной на обезличенных прозрачных транзакциях, обеспечиваемых современными компьютерными технологиями вместо людей, что делает их максимально удобными для применения как в законных, так и в незаконных целях.

На данный момент криптовалюты не достигли тех масштабов внедрения, которые сделали бы их явным лидером в контексте денежных переводов, поскольку необходимость для физических лиц покупать цифровую валюту, используя государственную валюту, а затем отправлять эту цифровую валюту влечет за собой дополнительный шаг, который добавляет дополнительные расходы и риск (от риска стать жертвой мошенников до потери стоимости криптовалюты на разнице ее курса).

Вместе с тем на данный момент главная проблема криптовалют в сфере денежных переводов заключается в том, что ни одна из них широко не используется в самих развивающихся странах, поэтому любое использование денежных переводов должно зависеть от двух обменных операций, что означает как транзакционные издержки, так и валютные риски, а, учитывая волатильность стоимости криптовалют, они остаются не самыми надежными способами инвестирования и сохранения стоимости.

Принципиально новые признаки природы криптовалют и механизмов их функционирования вне времени и границ определяют такой новый вид транснациональной преступности, как криптопреступность, которая может

совершаться где угодно и кем угодно, не имея каких-либо лидеров в привычном понимании этого слова и привязки к местности. Безусловно, криптопреступления оказывают значительное влияние на функционирование финансовой системы государства в целом и на денежную систему в частности, поскольку бесконтрольный вывод капитала за рубеж в значительных размерах способен причинить серьезный вред экономике страны.

После начала специальной военной операции России на Украине британскими исследовательскими компаниями была проанализирована активность криптовалютных организаций на территории Украины, которая показала, что украинское правительство при участии неправительственных организаций собрало за одну неделю более 63 млн долл. США в виде анонимных пожертвований в криптовалюте¹, разместив специальные криптовалютные счета в Twitter-аккаунте правительства. Одновременно экспертами по безопасности антивирусной компании Avast были обнаружены мошенники, притворявшиеся гражданами Украины и обращавшиеся за пожертвованиями в криптовалюте в социальных сетях².

В тени тотальной неопределенности и недоверия к банкам и традиционным финансовым институтам криминальный рынок криптовалют на Украине развивается рекордными темпами. В 2021 г. на Украине был принят законопроект «О виртуальных активах», который предусматривал использование криптовалют для официальных расчетных операций при отсутствии конкретного законодательного регулирования. Таким образом, фактически неконтролируемое использование криптовалюты на территории

Украины в настоящее время вылилось в создание параллельной финансовой системы.

Кроме того, широко развернутая в сети Интернет после начала специальной военной операции на территории Украины скрытая реклама о положительном опыте использования криптовалют³, наряду с публикацией правительством Украины своих криптовалютных счетов, свидетельствует о фактическом официальном посыле на вывод сбережений из государственной валюты в цифровую.

Безусловно, существующая на Украине политическая и экономическая неопределенность обусловила массовое использование криптовалюты, что при крахе традиционных финансовых институтов в конфликтных зонах не является чем-то новым.

По данным исследования американского издания The New York Times, западные санкции активизируют криптоактивность не только на территории Украины, но и в России⁴, в частности, указывалось, что Россия может использовать цифровую валюту для обхода санкций и ограничений по примеру Северной Кореи и Ирана.

Вместе с тем очевидно, что использование криптовалюты на государственном уровне для обхода санкций в России представляется маловероятным в условиях официального неоднозначного отношения государства к криптовалютам, которое сводится к отсутствию их законодательного определения.

Однако стоит отметить, что санкции западных стран отобразили интересную картину географии использования криптовалют на ведущих международных криптобиржах. Так, с платформы Binance, базирующейся в США, после объ-

¹ Live Updates: Ukraine Government Turns to Crypto to Crowdfund Millions of Dollars // URL: <https://www.elliptic.co/blog/live-updates-millions-in-crypto-crowdfunded-for-the-ukrainian-military> (дата обращения: 01.06.2022).

² Avast warns users of crypto scams taking advantage of Ukraine conflict // URL: <https://blog.avast.com/crypto-scams-taking-advantage-of-ukraine-conflict-avast> (дата обращения: 01.06.2022).

³ В Twitter стал вирусным пост украинского NFT-артиста, в котором он говорит, что ввиду ситуации он потерял свои сбережения, но благодаря криптовалюте сумел сохранить хотя бы некую их часть. Публикация уже успела набрать почти 80 тыс. лайков, что по меркам социальной сети является немалым числом.

⁴ Russia Could Use Cryptocurrency to Blunt the Force of U. S. Sanctions // URL: <https://www.nytimes.com/2022/02/23/business/russia-sanctions-cryptocurrency.html> (дата обращения: 01.06.2022).

явления об ограничении транзакций российских пользователей и блокировки их криптовалютных счетов (ранее более 25 тыс. криптовалютных счетов россиян заблокировала криптобиржа Coinbase) были одновременно двумя транзакциями выведены более 250 млн долл. США (20 млрд руб.) на неизвестный криптокошелок.

В условиях ограничения вывоза наличных денежных средств из России после начала специальной военной операции держатели нелегальной криптовалюты (в том числе и артисты), предпринимая попытки сохранить свои инвестиции, уклоняясь от уплаты налогов, стремились легализовать денежные средства через использование криптовалют, что подтверждается высокой активностью транзакций на криптовалютных платформах России по состоянию на март — апрель 2022 г.⁵

Согласно отчету международной компании по криптовалютным платежам Triple A, на октябрь 2021 г. 5 565 881 украинец, или 12,7 % всего населения Украины, владели той или иной формой криптовалюты. Это позволило Украине возглавить рейтинг стран по активности использования криптовалюты гражданами.

Второе место занимала Россия, где криптовалютами на тот же период владели 17 379 175 человек, или 11,91 % населения страны. Третье место досталось Венесуэле с результатом 2 941 502 человека, или 10,34 % населения. В пятерку лидеров также вошли Кения и США⁶.

Таким образом, активная криптовалютная легализация незадекларированных доходов в России привела к серьезным скачкам курса криптовалют: от их первоначального роста до резкого снижения. В свою очередь, неконтролируемость такой преступности вытекает из несовершенства правового механизма международного сотрудничества между российскими

и зарубежными правоохранительными органами⁷, который в настоящее время в режиме западных санкций просто заблокирован.

Обращение к криптовалюте как к способу укрепить свои сбережения, избежать надзора со стороны государственных органов и сохранить международный доступ стало трендом в нестабильных политических ситуациях.

Исследователи Бостонского университета с 2015 г. проводят исследования⁸ о том, как криптовалюты используются в зонах конфликтов, и пришли к однозначному выводу о том, что, в отличие от развитых рынков, где принятие криптографии первоначально было обусловлено идеологией, а затем спекуляцией, в нестабильных государствах принятие в основном обусловлено практической необходимостью, в том числе и обходом санкционного и валютного контроля.

По этой причине криптоактивность в условиях политической нестабильности и санкционного давления редко происходит на международных централизованных биржах. В основном это происходит за счет децентрализованных P2P-бирж, которые не требуют авторизации и позволяют пользователям покупать и продавать наличными — либо через местных брокеров crypto-to-cash, либо лично. Социальные сети также всё чаще используются для подбора местных покупателей и продавцов. Эти платформы помогают клиентам избежать ограничений, налагаемых крупными биржами, такими как геоблокировка; например, под давлением своих банковских партнеров все большее число бирж запрещают пользователям базироваться в России. В других случаях пользователи покупают и продают криптографию с помощью друзей или семьи, базирующихся за границей, с фиатными банковскими счетами и кредитными картами,

⁵ Аналитический обзор рынка криптовалют от 15.03.2022 // URL: <https://bits.media/pr/analiticheskiy-obzor-rynka-kriptovalyut-ot-15-marta-2022-goda/> (дата обращения: 01.06.2022).

⁶ Cryptocurrency information about the USA // URL: https://triple-a.io/crypto-ownership/?utm_source=ixbtcom (дата обращения: 01.06.2022).

⁷ *Евдокимов К. Н.* Противодействие компьютерной преступности: теория, законодательство, практика : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.08. М., 2022. 73 с.

⁸ Cryptocurrency in Conflict Zones: Risks and Opportunities // URL: <https://fintrail.com/news/2021/9/2/cryptocurrency-in-conflict-zones-risks-and-opportunities> (дата обращения: 01.06.2022).

которые могут покупать и хранить криптографию от имени пользователя.

Все вышеперечисленные способы обмена криптовалютой являются способами легализации (отмывания) преступных доходов и также широко используются в Российской Федерации, таким образом, стоит согласиться с мнением, что криптовалюты в этом контексте несут угрозу публичному правопорядку⁹.

Одной из очевидных задач, которые необходимо решить для окончательного принятия одной из предлагаемых в России форм регулирования криптоотрасли, является необходимость понимания более широкого контекста, анализа политических событий и событий в области безопасности для прогнозирования пиков спроса и взаимодействия с ними. Широкое внедрение криптовалют по-прежнему маловероятно, учитывая многочисленные проблемы, связанные с инфраструктурой, доверием и образованием. Тем не менее ясно, что криптография останется привлекательным вариантом для некоторых групп населения до тех пор, пока традиционная финансовая система не сможет предложить лучшую альтернативу.

Задачи же обеспечения финансовой безопасности и стабильности национальной валюты, а также борьбы с легализацией преступных доходов и оттоком капитала из страны должны быть решены путем внедрения уголовно-правовых норм об ответственности за незаконный оборот криптовалюты.

В то же время маловероятен и возврат виртуальных активов из-за рубежа в порядке уголовного судопроизводства, поскольку такой возврат «возможен лишь при наличии формальной юридической регламентации соответствующих процедур, включая вопросы разработки системы оценки, хранения, управления и изъятия виртуальных активов в доход государства»¹⁰.

На текущий момент, согласно исследованиям¹¹, граждане Российской Федерации зарегистрировали свыше 10 млн криптовалютных кошельков и вывели на них свыше 10 трлн руб. Несмотря на этот факт, правительство поддерживает позицию Центрального банка в отношении криптовалют и не ускоряет процесс их реализации, поскольку среди цифровых активов есть и стабильные монеты, к примеру стейблкоины (обеспеченные валютой, золотом или нефтью).

Так или иначе, процесс роста легальной криптоактивности и нелегальной криптопреступности очевиден как на фоне специальной военной операции, так и на фоне санкционного давления на Россию.

В этой связи должно быть повышено качество мер уголовно-правового характера для пресечения незаконной деятельности с криптовалютами, в том числе обеспечено правовое поле для привлечения к уголовной ответственности за такой оборот.

В этой связи представляется необходимым проработать вопросы изъятия (удержания) нелегальных криптоактивов, о вывозе которых становится известно правоохранительным органам, например при пересечении кем-либо границы Российской Федерации, при получении доступа к таким активам, предоставляемого самим виновным лицом.

В таких случаях только лишь физическое изъятие носителя с кодами криптовалюты (криптокошелька) будет недостаточным, поскольку иным заинтересованным лицам не составит труда вывести криптовалюту с кошелька, если эти коды известны кому-то еще. Так, например, в США любая подозрительная денежная активность является основанием для наложения ареста на такие средства, в том числе и виртуальные, что обеспечивается путем использования

⁹ Ситник А. А. Правовое регулирование финансового контроля и надзора в сфере денежного обращения в Российской Федерации : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.04. М., 2020. 506 с.

¹⁰ Кунев Д. А. Противодействие перемещению преступных активов за рубеж и их возврат в Российскую Федерацию: уголовно-процессуальные аспекты : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09. М., 2019. 289 с.

¹¹ Как спецоперация влияет на криптовалюты в России в 2022 году: запреты и изменения с начала спецоперации // URL: <https://crypt-mining.net/news/kak-specoperacija-vlijaet-na-kriptovaljuty-v-rossii-v-2022> (дата обращения: 01.06.2022).

криптовалютных технологий, тех же криптокошельков, и специальных законов для обеспечения этого механизма в США не принималось.

Изъятие и удержание нелегальной криптовалюты в Российской Федерации, особенно в случае вывода нелегальной криптовалюты и обналичивания преступных доходов, должно, на наш взгляд, происходить аналогичным безопасным способом, как и в США.

Процедура использования правоохранительными органами криптовалютных кошельков (холодного хранения¹²) должна быть регламентирована актом Правительства РФ и должна обеспечивать единообразную практику внедрения такой процедуры на всей территории Российской Федерации, что обеспечит максимальный финансовый контроль за оборотом криптовалюты до законодательного определения ее статуса.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Евдокимов К. Н.* Противодействие компьютерной преступности: теория, законодательство, практика : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.08. — М., 2022. — 73 с.
2. *Кунев Д. А.* Противодействие перемещению преступных активов за рубеж и их возврат в Российскую Федерацию: уголовно-процессуальные аспекты : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09. — М., 2019. — 289 с.
3. *Ситник А. А.* Правовое регулирование финансового контроля и надзора в сфере денежного обращения в Российской Федерации : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.04. — М., 2020. — 506 с.

Материал поступил в редакцию 10 июня 2022 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. *Evdokimov K. N.* Protivodeystvie kompyuternoy prestupnosti: teoriya, zakonodatelstvo, praktika: avtoref. dis. ... d-ra yurid. nauk: 12.00.08. — M., 2022. — 73 s.
2. *Kunев D. A.* Protivodeystvie peremeshcheniyu prestupnykh aktivov za rubezh i ikh vozvrat v Rossiyskuyu Federatsiyu: ugolovno-protsessualnye aspekty: dis. ... kand. yurid. nauk: 12.00.09. — M., 2019. — 289 s.
3. *Sitnik A. A.* Pravovoe regulirovanie finansovogo kontrolya i nadzora v sfere denezhnogo obrashcheniya v Rossiyskoy Federatsii: dis. ... d-ra yurid. nauk: 12.00.04. — M., 2020. — 506 s.

¹² Холодный криптокошелек — это пакет необходимых инструментов, хранящихся на специальном носителе (USB), используемый для сохранности информации и обеспечения доступа к виртуальной валюте, который не требует постоянный выход в сеть Интернет.

Новеллы в правовом регулировании суррогатного материнства в государствах Европы

Аннотация. В статье анализируются некоторые правовые аспекты регулирования суррогатного материнства в наиболее репрезентативных государствах Европы. Автором поднимается сложный морально-этический вопрос допустимости легализации суррогатного материнства, рассматриваются различные подходы в отношении его запрета (частичного запрета). Помимо выявления принципов гражданского законодательства Франции также дается оценка существующему правовому регулированию (с учетом последних реформ в гражданском законодательстве Франции), включая негативные последствия такового, например невозможность наследования, получения социальных пособий, необходимость прохождения дополнительной процедуры усыновления ребенка женщиной, которой суррогатная мать передала ребенка. Наравне с запретами суррогатного материнства во Франции, автор обращается к судебной практике и законодательству Германии, придерживающемуся аналогичного подхода. С другой стороны, автором также рассматриваются процедуры безвозмездного суррогатного материнства, предусмотренные в законодательстве Португалии, ставшие следствием очередной реформы в области правового регулирования биоэтики, а также один из наиболее либеральных режимов, созданный в Греции.

Ключевые слова: суррогатное материнство; договор о суррогатном материнстве; социальные права; принцип неимущественного характера человеческого тела; запрет на суррогатное материнство; право ЕС; ЕСПЧ.

Для цитирования: Колодяжная А. И. Новеллы в правовом регулировании суррогатного материнства в государствах Европы // Актуальные проблемы российского права. — 2022. — Т. 17. — № 8. — С. 150–156. — DOI: 10.17803/1994-1471.2022.141.8.150-156.

Novelties in Surrogacy Arrangements Regulation in European Countries

Anastasiya I. Kolodyazhnaya, Cand. Sci. (Law), Senior Lecturer, Department of Labor Law and Social Security Law, Acting Director of the International Law Institute, Kutafin Moscow State Law University (MSAL)

ul. Sadovaya-Kudrinskaya, d. 9, Moscow, Russia, 125993
aikolodiazhnaya@msal.ru

Abstract. The paper analyzes some of the legal aspects of the surrogacy regulation in the most representative states of Europe. The author raises a complex moral and ethical issue of the admissibility of surrogate maternity

© Колодяжная А. И., 2022

* Колодяжная Анастасия Игоревна, кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры трудового права и права социального обеспечения, и. о. директора Международно-правового института Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993
aikolodiazhnaya@msal.ru

legalization, considers various approaches to its ban (partial ban). In addition to the principles of the civil legislation of France identification, the author also assesses the existing legal regulation. This assessment is made taking into account the latest reforms in the civil legislation of France, including the negative consequences of such, for example, the impossibility of inheritance, receiving social benefits, the need to undergo an additional procedure for the adoption of a child by a woman to whom a surrogate mother gave the child. Along with the prohibitions of surrogate motherhood in France, the author refers to the jurisprudence and legislation of Germany, which follows a similar approach. On the other hand, the author examines the procedures of gratuitous surrogacy provided for in the Portuguese legislation, which became the result of another reform in the field of legal regulation of bioethics, as well as one of the most liberal regimes created in Greece.

Keywords: surrogacy; surrogacy agreement; social rights; principle of non-property nature of the human body; ban on surrogacy; EU law; ECtHR.

Cite as: Kolodyazhnaya AI. Novelty in pravovom regulirovanii surrogatnogo materinstva v gosudarstvakh Evropy [Novelties in Surrogacy Arrangements Regulation in European Countries]. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2022;17(8):150-156. DOI: 10.17803/1994-1471.2022.141.8.150-156. (In Russ., abstract in Eng.).

Уровень развития медицины в современном мире помогает вылечить различные заболевания, даже те, которые считались неизлечимыми, и решить множество проблем, связанных со здоровьем человека.

В условиях нестабильности современного мира воспроизводство рода — одна из основных глобальных задач, которые стоят перед человечеством в целях выживания. К сожалению, по ряду биологических (медицинских) причин некоторые семейные пары не могут иметь детей. Согласно статистическим исследованиям Всемирной организации здравоохранения, 5 % человеческой популяции является бесплодной по анатомическим, генетическим, эндокринным и иммунологическим причинам, всего в мире насчитывается около 48,5 млн бесплодных пар, из которых 19,2 млн испытывают трудности с рождением первенца¹.

Современная медицина использует различные методы для решения проблемы «бесплодия», одним из которых является суррогатное материнство.

Российский законодатель определяет суррогатное материнство как «вынашивание и рождение ребенка (в том числе преждевременные роды) по договору, заключаемому между суррогатной матерью (женщиной, вынашивающей плод после переноса донорского эмбриона) и потенциальными родителями, чьи половые клетки использовались для оплодотворения, либо одинокой женщиной, для которых вынашивание и рождение ребенка невозможно по медицинским показаниям»².

Стоит отметить, что суррогатное материнство — комплексная биоэтическая проблема, при решении которой, помимо медицинских вопросов, возникает много правовых и моральных коллизий. Законодательство в данной области настолько не разработано, что правовая неопределенность может возникнуть практически в любой стране и в любом деле. Кроме того, суррогатное материнство порождает сложные нравственные, этические вопросы.

Так, на наш взгляд, можно согласиться с В. Н. Момотовым³ в том, что данная тема, к

¹ Mascarenhas M. N, Flaxman S. R, Boerma T., Vanderpoel S., Stevens G. A. National, Regional, and Global Trends in Infertility Prevalence Since 1990: A Systematic Analysis of 277 Health Surveys // *PLoS Med*. 2012. 9(12): e1001356. DOI: 10.1371/journal.pmed.1001356 (дата обращения: 13.02.2022).

² Ч. 9 ст. 55 Федерального закона от 21.11.2011 № 323-ФЗ (ред. от 02.07.2021) «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» (с изм. силу с 01.01.2022) // *СЗ РФ*. 2011. № 48. Ст. 6724.

³ Момотов В. В. Биоэтика в контексте законодательства и правоприменения (суррогатное материнство) // *Lex russica (Русский закон)*. 2019. № 1. С. 29–39. URL: <https://doi.org/10.17803/1729-5920.2019.146.1.029-039> (дата обращения: 13.02.2022).

сожалению, недостаточно освещена в научно-юридической литературе в силу ее новизны и комплексного характера биоэтических проблем. С развитием медицинских возможностей становится всё более актуальным вопрос правового регулирования данного института в различных национальных правовых системах. Например, в странах Европейского Союза до сих пор отсутствует консенсус о признании детей, рожденных суррогатными матерями. В частности, суррогатное материнство запрещено в Австрии, Германии, Италии, Польше, Эстонии, Литве, в свою очередь, в Нидерландах, Испании, Дании допускается только «альтруистическое» суррогатное материнство⁴. Например, до 2016 г. в Португалии суррогатное материнство находилось под полным запретом⁵, будь то безвозмездное обращение или платное обращение к «помощи» или «услугам» суррогатной матери.

С законодательной реформой в Португалии стал возможен доступ к суррогатному материнству при условии:

- наличия исключительных обстоятельств (а именно: отсутствие матки, травмы или заболевания этого органа, которые абсолютно и окончательно предотвращают беременность женщины или в клинических ситуациях ее оправдывают);
- обращения к данной процедуре на безвозмездной основе;

— использования генетического материала по крайней мере от одного из конечных бенефициаров (предполагаемых родителей).

Государства — члены ЕС имеют в некоторых случаях диаметрально разные позиции по вопросу суррогатного материнства. Одни государства отвергают и запрещают его, рассматривая как преступление против человеческого достоинства (суррогатной матери и ребенка), связанное с эксплуатацией женщин, в том числе в связи с уязвимостью последних, вплоть до приравнивания суррогатного материнства, при условии его коммерциализации, к торговле людьми, что среди прочего связано с этическими, моральными и религиозными воззрениями. Другие же государства, признающие суррогатное материнство, напротив, апеллируют к таким правам, как право на создание семьи и право на целостность личности⁶.

Еще одной проблемой, прямо вытекающей из вопросов легализации суррогатного материнства, является «репродуктивный туризм»⁷, который, в свою очередь, предопределяет возникновение вопросов о гражданстве детей, рожденных в результате суррогатного материнства, о выдаче акта гражданского состояния — свидетельства о рождении ребенка и др.⁸

На региональном уровне вопросам защиты и гарантиям прав детей в общем плане посвящены положения Европейской конвенции об осуществлении прав детей, заключенной в

⁴ Ламейкина Е. Ю. Правовое регулирование суррогатного материнства. Проблемы и перспективы // Закон и право. 2021. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovoe-regulirovanie-surrogatnogo-materinstva-problemy-i-perspektivy> (дата обращения: 13.02.2022).

⁵ Lei n.º 25/2016 // Diário da República n.º 160/2016, Série I de 2016-08-22, p. 2775–2777. URL: <https://data.dre.pt/eli/lei/25/2016/08/22/p/dre/pt/html> (дата обращения: 13.02.2022).

⁶ Coutinho D. Surrogacy in the light of European Union law: brief considerations. 22.09.2019 // URL: https://officialblogofunio.com/2019/07/22/surrogacy-in-the-light-of-european-union-law-brief-considerations/#_edn1 (дата обращения: 13.02.2022).

⁷ Саввина О. В. Влияние «репродуктивного туризма» на законодательство, регулирующее суррогатное материнство // Lex russica (Русский закон). 2018. № 2 (135).

⁸ См. подробнее: Информация о постановлениях ЕСПЧ от 26.06.2014 по делу «Лабассе (Labassee) против Франции» (жалоба № 65941/11), по делу «Маннессон (Mennesson) против Франции» (жалоба № 65192/11) // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2014. № 10.

По делам обжалуется отказ в правовом признании во Франции правоотношений родителей и детей, установленных в США между детьми, рожденными вследствие суррогатного материнства, и парами, использовавшими этот метод.

г. Страсбурге в 1996 г.⁹, а также статья 24 Хартии Европейского Союза об основных правах 2007 г.

Позиция Парламента ЕС была отражена в Докладе 2016 г. «О положении в области основных прав в Европейском Союзе в 2015 г. (2016/2009(INI))», в котором отражено, что ЕС «осуждает любую форму суррогатного материнства, так как оно игнорирует права женщин»¹⁰, а также частично подчеркивается в решениях Суда ЕС, которые не приравнивают женщину, которая не может родить ребенка и воспользовалась соглашением о суррогатном материнстве, к работнице, родившей ребенка самостоятельно, и не признают данный факт дискриминацией¹¹.

Начиная с 1994 г. во Франции на законодательном уровне было запрещено суррогатное материнство. Запрет на проведение такого рода репродукционного медицинского вмешательства прямо закреплен в ст. 16-7 Гражданского кодекса Французской Республики¹² (далее — ГК ФР) и в Законе от 29.07.1994 № 94-654 «О донорстве и об использовании органов человеческого тела, об искусственном оплодотворении и о пренатальной диагностике»¹³.

Законодательное регулирование вопросов суррогатного материнства во Франции (после 1994 г.), во-первых, вытекает из принципа «неимущественного характера человеческого тела» (фр. le principe de la non-patrimonialité du corps humain), закрепленного в ст. 16-1 и 16-5 ГК ФР, в соответствии с которым никакая часть человеческого тела, ни тело в целом не могут быть переданы другому лицу в коммерческих целях,

иными словами — не допускается продажа органов, частей тела, передача в аренду и иные способы использования как части собственного тела, так и тела в целом для извлечения финансовой выгоды.

Во-вторых, передача тела (части тела), например донорство крови или пересадка почки нуждающемуся близкому родственнику, с учетом вышеуказанного принципа допускаются, однако на суррогатное материнство подобное толкование не распространяется, так как установленный в гражданском законодательстве запрет объясняется еще одним принципом гражданского права во французской правовой системе — принципом «недоступности человеческого тела» (фр. l'indisponibilité du corps humain), закрепленным в решении Кассационного суда 1991 г.¹⁴

Суррогатное материнство — это медицинская операция, к которой прибегает бесплодная пара, обращаясь к другой женщине (фр. la mère porteuse) — суррогатной матери (фр. la mère de substitution) для того, чтобы она выносила для них ребенка. После того, как ребенок рождается, женщина «передает» его родителям, которые являются «родителями по предназначению» (фр. les parents d'intention).

С юридической точки зрения суррогатное материнство не соответствует вышеуказанным принципам гражданского права Франции, так как вне зависимости от того, на каком основании заключается соглашение с суррогатной матерью, данный договор будет признан недей-

⁹ Международные акты о правах человека : сборник документов. М. : Норма ; Инфра-М, 2002. С. 733–740.

¹⁰ European Parliament resolution of 13 December 2016 on the situation of fundamental rights in the European Union in 2015 (2016/2009(INI)) // OJ C 238. 06.07.2018. P. 2–27.

¹¹ Judgment of the Court (Grand Chamber), 18 March 2014. Z. v. A Government department and The Board of management of a community school // ECLI:EU:C:2014:159. URL: <https://curia.europa.eu/juris/liste.jsf?language=en&num=C-363/12> (дата обращения: 13.02.2022).

¹² Code Civil français sur Légifrance // URL: https://www.legifrance.gouv.fr/codes/article_lc/LEGIARTI000006419302 (дата обращения: 13.02.2022).

¹³ Loi n° 94-654 du 29 juillet 1994 relative au don et à l'utilisation des éléments et produits du corps humain, à l'assistance médicale à la procréation et au diagnostic prénatal // Journal officiel de la République Française n°175 du 30 juillet 1994. URL: <https://www.legifrance.gouv.fr/jorf/id/JORFTEXT000000549618> (дата обращения: 13.02.2022).

¹⁴ Cour de Cassation, Assemblée plénière, du 31 mai 1991, n° de pourvoi: 90-20.105 // Bulletin 1991 A.P. n° 4. P. 5. URL: <https://www.legifrance.gouv.fr/juri/id/JURITEXT000007026778> (дата обращения: 13.02.2022).

ствительным в порядке ст. 16-5, 6, 353-3 и 1128 ГК ФР. Таким образом, статья 16-5 ГК ФР расширяет принцип неимущественного характера тела с учетом существующей судебной практики и не допускает суррогатного материнства ни на коммерческой основе, ни бесплатно.

В связи с данным законодательным подходом французские граждане нашли следующее решение для суррогатного материнства: пары использовали методы суррогатного материнства за пределами Французской Республики, в той стране, где данный процесс не является противозаконным (например, почти во всех штатах США), заключая договор о суррогатном материнстве. После рождения ребенка от суррогатной матери пара (родители по предназначению) оформляют в стране, где рожден ребенок, документы, указывающие на их родственную (родительскую) связь с рожденным ребенком (свидетельство о рождении ребенка, где в графе «Родители» указана информация «родителей по предназначению») и возвращаются с ребенком во Францию.

При признании свидетельства о рождении ребенка, выданного другим государством — страной рождения ребенка от суррогатной матери, во Франции возникала юридическая коллизия: в соответствии с нормами частного права признание данного акта гражданского состояния возможно на основании того, что он был законно выдан государством, в котором родился ребенок. Однако данное признание противоречит одному из основных принципов гражданского права Франции и нормам ГК ФР, рассмотренным выше. До октября 2019 г. Французская Республика отказывалась признавать данные свидетельства о рождении и устанавливать юридическую взаимосвязь детей и «родителей по предназначению».

Для определения «взаимосвязи» данных детей, рожденных с применением вспомога-

ных репродуктивных технологий за пределами Французской Республики, с их семьей родители обращались в апелляционные и кассационные суды Франции, но им было отказано в «признании наличия биологической связи между родителями и детьми, рожденными от суррогатной матери». Таким образом, правосубъектность данных детей на территории Французской Республики не была подтверждена, что, в свою очередь, вызывало, во-первых, проблемы с получением данными детьми французского гражданства, во-вторых, правовые проблемы с наследством, пенсионным обеспечением в связи с потерей кормильца, иными правами, положенными во Франции.

Однако 4 октября 2019 г. Кассационный суд Франции (Cour de cassation) вынес значимое решение в вопросах признания детей, рожденных суррогатной матерью за границей, и признал, например, и материнство, и отцовство французских родителей девочек, рожденных в США от суррогатной матери¹⁵. Данное решение в корне изменило подход к правовому регулированию вопросов суррогатного материнства во Франции.

В соответствии с последними изменениями в законодательстве Франции¹⁶ в настоящий момент допускается использование таких репродуктивных технологий, как экстракорпоральное оплодотворение (ЭКО), однако в отношении суррогатного материнства на территории Франции по-прежнему сохраняется запрет, но уже с некоторыми исключениями. Так, в отношении рожденного с использованием методов суррогатного материнства за пределами Французской Республики ребенка допускается пока только усыновление в течение трех лет с даты его рождения.

Аналогичные проблемы с положением детей, рожденных вследствие процедуры суррогатного материнства, возникают в Гер-

¹⁵ Cour de cassation, Assemblée plénière, du 4 octobre 2019, n° de pourvoi: 10-19.053 // URL: https://www.legifrance.gouv.fr/juri/id/JURITEXT000039213459?fonds=JURI&page=1&pageSize=10&query=4+octobre+2019%2C+n%2C%20+10-19.053&searchField=ALL&searchType=ALL&tab_selection=all&typePaging=DEFAULT (дата обращения: : 15.02.2022).

¹⁶ Loi n° 2021-1017 du 2 août 2021 relative à la bioéthique // URL: <https://www.legifrance.gouv.fr/dossierlegislatif/JORFDOLE000038811571/> (дата обращения: 13.02.2022).

мании. Так, в решении, опубликованном 23 апреля 2019 г., Федеральный суд Германии (нем. Bundesgerichtshof, BGH) постановил, как именно немецкое законодательство должно использоваться для определения происхождения ребенка, рожденного от суррогатной матери в Украине и доставленного в Германию сразу после рождения для постоянного проживания¹⁷.

Согласно Гражданскому кодексу Германии¹⁸, матерью ребенка может считаться только женщина, которая его родила (§ 1591), а Законом «О защите эмбрионов»¹⁹ оплодотворение суррогатных матерей является уголовным преступлением, с санкцией до 3 лет тюремного заключения (§ 1, п. 1 (7)).

Признавая за биологическим отцом ребенка юридическое отцовство в силу немецкого законодательства, суд определил, что с юридической точки зрения матерью ребенка является гражданка Украины — суррогатная мать, в то время как истица должна его усыновить, чтобы считаться его законной матерью.

Для сравнения приведем другой пример правового регулирования суррогатного материнства: некоммерческая процедура в Греции урегулирована статьей 1458 Гражданского кодекса Греции²⁰. Законодателем предъявляются следующие требования:

- разрешение процедуры суррогатного материнства в судебном порядке путем утверждения соглашения между родителями ребенка и суррогатной матерью;

- будущая мать ребенка должна доказать, что она не может выносить ребенка по медицинским показаниям;
- возраст будущей матери не должен превышать 50 лет;
- соглашение между родителями и суррогатной матерью должно носить безвозмездный характер, компенсации подлежат только расходы, необходимые для процедуры ЭКО, ведения беременности, родов и послеродового периода, а также компенсация потерянной заработной платы в случае увольнения суррогатной матери;
- оплодотворенная яйцеклетка не должна принадлежать суррогатной матери²¹.

Особо интересно, на наш взгляд, то, что родители ребенка де-юре считаются таковыми с момента проведения процедуры ЭКО, при этом суррогатная мать в медицинских и юридических документах не фигурирует.

Таким образом, в настоящий момент в Европе существуют два различных правовых подхода к пониманию суррогатного материнства, каждый из которых предопределяет правовой режим такового. С одной стороны, понимание данного репродукционного метода как противоправного и даже более — противоестественного, если угодно, унижающего права как суррогатной матери, так и ребенка, и фактически приравненного к торговле людьми. С другой стороны — более либеральная позиция, допускающая использование суррогатного материнства по медицинским показаниям при соблюдении ряда требований.

¹⁷ BGH, Mar. 20, 2019, Docket No. XII ZB 530/17, ECLI:DE:BGH:2019:200319BXIIIZB530.17.0 // BGH website. URL: <http://juris.bundesgerichtshof.de/cgi-bin/rechtsprechung/document.py?Gericht=bgh&Art=en&az=XII%20ZB%20530/17&nr=94770> (дата обращения: 13.02.2022).

¹⁸ Bürgerliches Gesetzbuch in der Fassung der Bekanntmachung vom 2. Januar 2002 (BGBl. I S. 42, 2909 ; 2003 I S. 738), das zuletzt durch Artikel 2 des Gesetzes vom 21. Dezember 2021 (BGBl. I S. 5252) geändert worden ist // BGH website. URL: <https://www.gesetze-im-internet.de/bgb/BJNR001950896.html> (дата обращения: 13.02.2022).

¹⁹ Embryonenschutzgesetz vom 13. Dezember 1990 (BGBl. I S. 2746), das zuletzt durch Artikel 1 des Gesetzes vom 21. November 2011 (BGBl. I S. 2228) geändert worden ist // BGH website. URL: <https://www.gesetze-im-internet.de/eschg/BJNR027460990.html> (дата обращения: 13.02.2022).

²⁰ Presidential Decree 456/1984 — the Greek Civil Code. GRC-1984-L-87906 // URL: https://www.ilo.org/dyn/natlex/natlex4.detail?p_isn=87906&p_lang=en (дата обращения: 13.02.2022).

²¹ *Mitrossili M.* Medically assisted reproduction. «Application of medically assisted reproduction» act (3305/2005, Greece): Presentation and comments // Arch Hellen Med. 2007. 24(6). P. 612–622.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Ламейкина Е. Ю. Правовое регулирование суррогатного материнства. Проблемы и перспективы // Закон и право. — 2021. — № 1. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovoe-regulirovanie-surrogatnogo-materinstva-problemy-i-perspektivy> (дата обращения: 13.02.2022).
2. Момотов В. В. Биоэтика в контексте законодательства и правоприменения (суррогатное материнство) // Lex russica (Русский закон). — 2019. — № 1. — С. 29–39. — URL: <https://doi.org/10.17803/1729-5920.2019.146.1.029-039> (дата обращения: 13.02.2022).
3. Саввина О. В. Влияние «репродуктивного туризма» на законодательство, регулирующее суррогатное материнство // Lex russica (Русский закон). — 2018. — № 2 (135).
4. Coutinho D. Surrogacy in the light of European Union law: brief considerations. 22.09.2019 // URL: https://officialblogofunio.com/2019/07/22/surrogacy-in-the-light-of-european-union-law-brief-considerations/#_edn1 (дата обращения: 13.02.2022).
5. Mascarenhas M. N, Flaxman S. R, Boerma T, Vanderpoel S., Stevens G. A. National, Regional, and Global Trends in Infertility Prevalence Since 1990: A Systematic Analysis of 277 Health Surveys // PLoS Med. — 2012. — 9(12): e1001356. — DOI: 10.1371/journal.pmed.1001356 (дата обращения: 13.02.2022).
6. Mitrossili M. Medically assisted reproduction. «Application of medically assisted reproduction» act (3305/2005, Greece): Presentation and comments // Arch Hellen Med. — 2007. — 24(6). — P. 612–622.

Материал поступил в редакцию 12 марта 2022 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Lameykina E. Yu. Pravovoe regulirovanie surrogatnogo materinstva. Problemy i perspektivy // Zakon i pravo. — 2021. — № 1. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovoe-regulirovanie-surrogatnogo-materinstva-problemy-i-perspektivy> (data obrashcheniya: 13.02.2022).
2. Momotov V. V. Bioetika v kontekste zakonodatelstva i pravoprimereniya (surrogatnoe materinstvo) // Lex russica (Russkiy zakon). — 2019. — № 1. — S. 29–39. — URL: <https://doi.org/10.17803/1729-5920.2019.146.1.029-039> (data obrashcheniya: 13.02.2022).
3. Savvina O. V. Vliyanie «reproduktivnogo turizma» na zakonodatelstvo, reguliruyushchee surrogatnoe materinstvo // Lex russica (Russkiy zakon). — 2018. — № 2 (135).
4. Coutinho D. Surrogacy in the light of European Union law: brief considerations. 22.09.2019 // URL: https://officialblogofunio.com/2019/07/22/surrogacy-in-the-light-of-european-union-law-brief-considerations/#_edn1 (data obrashcheniya: 13.02.2022).
5. Mascarenhas M. N, Flaxman S. R, Boerma T, Vanderpoel S., Stevens G. A. National, Regional, and Global Trends in Infertility Prevalence Since 1990: A Systematic Analysis of 277 Health Surveys // PLoS Med. — 2012. — 9(12): e1001356. — DOI: 10.1371/journal.pmed.1001356 (data obrashcheniya: 13.02.2022).
6. Mitrossili M. Medically assisted reproduction. «Application of medically assisted reproduction» act (3305/2005, Greece): Presentation and comments // Arch Hellen Med. — 2007. — 24(6). — P. 612–622.

ЭНЕРГЕТИЧЕСКОЕ, ЭКОЛОГИЧЕСКОЕ И ПРИРОДОРЕСУРСНОЕ ПРАВО

DOI: 10.17803/1994-1471.2022.141.8.157-169

Н. Г. Жаворонкова*,
Ю. Г. Шпаковский**

Правовое обеспечение экологической безопасности в условиях влияния внешних экономических санкций¹

Аннотация. Авторы статьи исходят из посыла, что проблемы экологии давно вышли за национальные границы и стали объектом не только внутренней, но и мировой политики. Несмотря на то что особенностью этой политики является необходимость всё более тесного сотрудничества между государствами, интегрирования их в решение природоохранных проблем, совершенствования механизма многостороннего управления глобальной экологической безопасностью, США и страны ЕС проводят в отношении России жесткую санкционную политику. В статье исследовано влияние экономических санкций на обеспечение экологической безопасности России. Показано, что следующий блок проблемных мест санкционной политики в отношении экологической безопасности страны касается непосредственно применения эффективных экономических механизмов охраны окружающей среды и природопользования. Авторами обоснованы конкретные предложения в области правового регулирования обеспечения экологической безопасности в условиях экономических санкций. Помимо всего прочего, авторам представляется необходимым переосмыслить наличие и пользу от бесчисленных новых нормативных правовых актов, практики принятия десятков изменений в уже существующих законах экологического направления.

¹ Исследование выполнено в рамках программы стратегического академического лидерства «Приоритет-2030».

© Жаворонкова Н. Г., Шпаковский Ю. Г., 2022

* *Жаворонкова Наталья Григорьевна*, доктор юридических наук, профессор, научный руководитель кафедры экологического и природоресурсного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), заслуженный юрист РФ
Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993
qavoron49@mail.ru

** *Шпаковский Юрий Григорьевич*, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры экологического и природоресурсного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993
yurii-rags@yandex.ru

Ключевые слова: экономические санкции; Европейский Союз; национальная безопасность; экологическая безопасность; климат; санкционная политика; недружественные действия; окружающая среда; экология; экологическое право.

Для цитирования: Жаворонкова Н. Г., Шпаковский Ю. Г. Правовое обеспечение экологической безопасности в условиях влияния внешних экономических санкций // Актуальные проблемы российского права. — 2022. — Т. 17. — № 8. — С. 157–169. — DOI: 10.17803/1994-1471.2022.141.8.157-169.

Legal Support of Environmental Safety under the Influence of External Economic Sanctions²

Natalya G. Zhavoronkova, Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Environmental and Natural Resources Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
ul. Sadovaya-Kudrinskaya, d. 9, Moscow, Russia, 125993
qavoron49@mail.ru

Yuriy G. Shpakovskiy, Dr. Sci. (Law), Professor, Professor, Department of Environmental and Natural Resources Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
ul. Sadovaya-Kudrinskaya, d. 9, Moscow, Russia, 125993
yurii-rags@yandex.ru

Abstract. The authors of the paper proceed from the premise that environmental problems have long gone beyond national borders and have become an object of not only domestic, but also world politics. Despite the fact that a feature of this policy is the need for ever closer cooperation between states, integrating them into solving environmental problems, improving the mechanism of multilateral management of global environmental security, the United States and the EU countries are pursuing a tough sanctions policy against Russia. The paper examines the impact of economic sanctions on ensuring the environmental security of Russia. It is shown that the next block of problematic areas of the sanctions policy in relation to the country's environmental security relates directly to the application of effective economic mechanisms for environmental protection and nature management. The authors substantiate specific proposals in the field of legal regulation of ensuring environmental safety in the context of economic sanctions. Among other things, it seems necessary to the authors to rethink the existence and benefits of countless new regulatory legal acts, the practice of adopting dozens of changes in existing environmental laws.

Keywords: economic sanctions; European Union; National security; environmental safety; climate; sanctions policy; unfriendly actions; environment; ecology; environmental law.

Cite as: Zhavoronkova NG, Shpakovskiy YuG. Pravovoe obespechenie ekologicheskoy bezopasnosti v usloviyakh vliyaniya vneshnikh ekonomicheskikh sanktsiy [Legal Support of Environmental Safety under the Influence of External Economic Sanctions]. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2022;17(8):157-169. DOI: 10.17803/1994-1471.2022.141.8.157-169. (In Russ., abstract in Eng.).

В последнее время тема экономических санкций остается одним из центральных вопросов для обсуждения. Это связано с тем, что санкционная политика Европейского Союза, США и других стран в отношении России приняла настолько беспрецедентно жесткий и всеобъемлющий характер, что стала оказывать самое непосредственное воздействие и на

состояние окружающей среды, экологическую безопасность, а также перспективы участия России в глобальном экологическом и международном сотрудничестве.

Европейский Союз начиная с 2014 г. принял уже десятки различных постановлений самого разнообразного характера, например, в соответствии со ст. 2, 2а и 2b Регламента Совета ЕС

² The reported study was carried out as part of the strategic academic leadership program "Priority 2030".

833/2014 от 31.07.2014 «Об ограничительных мерах в связи с действиями России, дестабилизирующими ситуацию на территории Украины» (далее — Регламент о санкциях), с изменениями, внесенными Регламентом Совета (ЕС) 2022/328 от 25.02.2022, 2022/576 от 08.04.2022.

Регламент Совета (ЕС) 2022/328 основывается на ограничительных мерах (санкциях) ЕС в форме экспортных ограничений в соответствии с Регламентом о санкциях³. Важный для решения проблем охраны окружающей среды элемент санкционной политики — это вывод из-под санкций вопросов гуманитарной и экологической политики, здравоохранения и экологической безопасности. Так, в Регламенте Совета (ЕС) 2022/328 прямо сказано, что если не будет внесено поправок или других регуляторов, то существующие положения Регламента о санкциях остаются в силе и продолжают применяться исключения для сфер экологии (охраны окружающей среды).

Согласно Регламенту Совета ЕС 2022/576 от 08.04.2022 «О внесении изменений в Регламент (ЕС) 833/2014 об ограничительных мерах в связи с действиями России по дестабилизации ситуации в Украине» «запрещается продавать, поставлять, передавать или экспортировать, прямо или косвенно, товары, которые могут способствовать, в частности, укреплению российских промышленных мощностей, перечисленных в приложении XXIII, любому физическому или юридическому лицу, организации или органу в России или для использования в России». Введение Регламента 2022/576 означает если не полный разрыв торговых отношений России и Евросоюза, то очень близкое к этому положение дел.

В целом решения ЕС о санкциях расширили сферу действия экспортных ограничений в отношении товаров и технологий двойного назначения, как это определено в приложении I к Регламенту ЕС о двойном использовании⁴. Экс-

порт этих предметов был запрещен с 2014 г. для военного сектора. Теперь запрет применяется даже в тех случаях, когда эти предметы предназначены для гражданских пользователей или использования, с очень ограниченными исключениями и отступлениями.

Регламент о санкциях также запрещает экспорт дополнительных предметов «передовых технологий», чтобы ограничить укрепление военного и технологического потенциала России в таких секторах, как электроника, компьютеры, телекоммуникации и информационная безопасность, датчики и лазеры, а также морская промышленность.

В санкционном регулировании ЕС определены субъекты, связанные с высокими технологиями и оборонно-промышленной базой России, на которые налагаются еще более жесткие экспортные ограничения.

Как и в других режимах санкций ЕС, экспортные ограничения применяются к продаже, поставке, передаче и экспорту покрываемых товаров, а также к предоставлению брокерских услуг и технической и финансовой помощи.

Статьи 2(3) и 2а(3) Регламента о санкциях предусматривают семь ограниченных исключений из экспортных ограничений при условии выполнения определенных условий и требований, т.е. об использовании исключения объявляется компетентным органам и уведомление делается при его первом использовании⁵. Эти исключения применяются:

- a) к гуманитарным целям, чрезвычайным ситуациям в области здравоохранения, предотвращения или смягчения последствий события, которое может оказать серьезное и значительное воздействие на здоровье и безопасность человека или окружающую среду или в качестве реакции на стихийные бедствия;
- b) медицинским или фармацевтическим целям;
- c) обновлению программного обеспечения⁶.

³ Регламент Совета (ЕС) 262 от 23.02.2022.

⁴ Регламент Совета (ЕС) 595 от 11.04.2022.

⁵ Регламент Совета (ЕС) 2022/328 от 25.02.2022 о внесении изменений в Регламент (ЕС) № 833/2014 относительно ограничительных мер в связи с действиями России, дестабилизирующими ситуацию в Украине.

⁶ Регламент Совета (ЕС) 2022/328 от 25.02.2022.

Статьи 2(4) и 2а(4) Регламента о санкциях предусматривают восемь отступлений, когда разрешение должно быть запрошено у национального компетентного органа. До тех пор пока разрешение не будет выдано, экспорт товара запрещен. Отступления распространяются на ситуации, когда предмет предназначен:

- a) для сотрудничества Союза, правительств государств-членов и правительства России в сугубо гражданских вопросах;
- b) межправительственного сотрудничества в области космических программ;
- c) эксплуатации, технического обслуживания, утилизации топлива и безопасности гражданского ядерного потенциала, а также гражданского ядерного сотрудничества, в частности в области исследований и разработок;
- d) безопасности на море;
- e) гражданских телекоммуникационных сетей, включая предоставление услуг Интернета;
- f) исключительного использования организацией, принадлежащей либо единолично или совместно контролируемой юридическим лицом, организацией или органом, который инкорпорирован или учрежден в соответствии с законодательством государства — члена ЕС или страны-партнера;
- g) дипломатических представительств Союза, государств-членов и стран-партнеров, включая делегации, посольства и миссии⁷.

Ограничения и санкционные исключения применяются для срочного предотвращения или смягчения последствий события, которое может иметь серьезное и значительное воздействие на здоровье и безопасность человека или окружающую среду. В отношении этих физических и юридических лиц контракты, заключенные до 26 февраля 2022 г., могут быть исполнены при условии разрешения национального компетентного органа, но торговля должна быть

прекращена до тех пор, пока такое разрешение не будет выдано.

Такие разрешения должны быть запрошены до 1 мая 2022 г.⁸

Стоит особо подчеркнуть, что помимо стран, входящих в ЕС, санкции поддержали еще два десятка стран, не входящих в ЕС. Подробный анализ санкционной политики показывает, что, несмотря на декларирование принципиального «гуманитарного», «экологического» и «социального» подхода, уже принятые санкции самым прямым и непосредственным образом окажут влияние и на гуманитарную, и на экологическую, и на социальную составляющую стратегий национальной и экологической безопасности.

По мнению заместителя Председателя Правительства РФ В. Абрамченко, «санкции всегда работают в обе стороны, и непонятно, в чью сторону больше. Давайте посмотрим, что происходит в Евросоюзе. С точки зрения экологической экспертизы Европа будет деградировать. Не потому, что Европа отказалась сама от экологических проектов, а потому, что переход на, например, ископаемые виды топлива, ограничение развития тех треков, которыми активно занимались промышленники в Европе последние 10 лет, приведет к экологической деградации⁹. По ее словам, в России таких решений не принималось, экологическая модернизация продолжается.

Самые большие проблемы санкционной политики (как для стран, вводящих режим санкций, так и для стран, на которые направлены санкции) возникают не во время введения санкций, а во время их длительного использования как инструмента давления (принуждения, ограничения). Точно предсказать последствия вводимых санкций и точно провести грань между «законными» и «незаконными» действиями стран-антагонистов невозможно. Юридически санкции означают смену правовой

⁷ Регламент Совета (ЕС) 2022/328 от 25.02.2022.

⁸ Регламент Совета (ЕС) 833/2014 от 31.07.2014 «Об ограничительных мерах в связи с действиями России, дестабилизирующих обстановку в Украине».

⁹ Абрамченко: ЕС ждет экологическая деградация из-за санкций против России // URL: <https://ria.ru/20220526/es-1790891321.html> (дата обращения: 01.06.2022).

модели, можно сказать парадигмы права. Санкции меняют отношение к «закону» и «законности» для обеих сторон и создают вначале как бы временную, затем длительную, «постоянную» реальность в экономике, политике, праве, социальной жизни, в сфере экологической безопасности. Важно осознание санкций как полностью новой реальности — не «временного», не «экстремального», не «чрезвычайного» характера, а «нормальности», которую нужно воспринимать и действовать исходя из долговременного (назовем его условно «постоянного») экономико-правового и социально-бытового условия жизни.

На наш взгляд, было бы непростительной ошибкой рассматривать «санкционный» этап развития страны как кратковременный, требующий лишь «временного» отклонения от привычной стратегии развития, зафиксированной в многочисленных документах стратегического планирования.

Заметим, что анализ всех аспектов санкционной политики Евросоюза и США в ближайшей и отдаленной перспективе не входит в задачу статьи. Нас интересуют лишь условия и перспективы экологической политики и экологической безопасности как в глобальном разрезе, так и конкретно для России. На наш взгляд, основная задача санкционной политики против России — ослабить ее экономический потенциал, уменьшить роль в глобальной политике, продолжить дискредитацию власти и дезорганизацию управления.

По имеющимся правилам Евросоюза и других стран санкции не должны быть направлены непосредственно против охраны окружающей среды, экологической безопасности. Поэтому среди всех шести пакетов санкций, уже принятых Евросоюзом в отношении России, нет прямо направленных на снижение уровня экологической безопасности.

Примерно такие же условия как бы «обязывают» Президента США вводить «первичные» и «вторичные» санкции против юридических и физических лиц из стран, когда известно, что они уклоняются от соблюдения санкций или содействуют «значимым финансовым транзакциям» в интересах лиц, внесенных в санкционный список SDN.

Управление по контролю за иностранными активами американского Минфина (Office of Foreign Assets Control — OFAC) привело критерии, по которым финансовая транзакция может быть признана «значимой» («существенной», significant), и уточнило, что значит «содействовать» такой транзакции. Это включает предоставление валюты, финансовых инструментов, ценных бумаг, любую «передачу ценности», а также оказание услуг любого рода, включая предоставление персонала, программного обеспечения, технологий. «Существенность» транзакции будет оцениваться по «совокупности фактов и обстоятельств», OFAC будет смотреть на масштабы, количество и частоту сделок, степень осведомленности менеджмента о таких операциях, степень заинтересованности российского лица под санкциями в этих сделках, наличие обманных схем и т.д.¹⁰

С большой долей вероятности можно констатировать, что косвенно санкции обязательно затронут всю систему существующей экологической безопасности России.

Так, введен запрет на импорт из России ряда товаров (рыба, морепродукты и приготовленные из них продукты, не промышленные алмазы, а также любые другие товары российского происхождения и новые инвестиции в любой сектор экономики России), определенные министром финансов по согласованию с министром торговли и госсекретарем США¹¹.

Расширен общий экспортный контроль над поставками товаров в Россию. Теперь на пред-

¹⁰ США начнут по всему миру преследовать за помощь россиянам под санкциями // URL: <https://www.rbc.ru/economics/01/11/2017/59f995d19a79477abe151714> (дата обращения: 01.06.2022).

¹¹ Executive Order 14068 of March 11, 2022 «The President Prohibiting Certain Imports, Exports, and New Investment With Respect to Continued Russian Federation Aggression» // URL: <https://home.treasury.gov/system/files/126/14068.pdf> (дата обращения: 01.06.2022).

мет возможной поставки для «конечного военного использования» (military end use) или в адрес российских «конечных военных потребителей» (military end user) будут контролироваться все товарные позиции, подпадающие под экспортное регулирование, за исключением товарных групп «продовольствие» и «лекарства», которые при этом не будут адресованы «конечным государственным потребителям» (government end users) или государственным корпорациям¹².

Бюро промышленности и безопасности (Bureau of Industry and Security) Министерства торговли США внесло следующие изменения в правила экспортного регулирования (Export Administration Regulations — EAR). Введено обязательное требование о получении американскими поставщиками лицензии на экспорт в Россию товаров, являющихся объектом экспортного регулирования (т.е. входящих в Список торгового контроля (Commerce Control List — CCL), например электроника, компьютеры, телекоммуникации и информационная безопасность, сенсоры и лазеры, навигация и авионика и др. Большинство таких ходатайств от экспортеров будет обрабатываться с «политикой отказа»¹³.

Запрет в ст. 3а Регламента Совета ЕС 833/2014 относится ко всем новым инвестициям в российском энергетическом секторе, а также налагает ограничения на дальнейшие инвестиции в уже существующие проекты. Запрет предусматривает ограниченные исключения в тех

случаях, когда такие инвестиции необходимы для обеспечения критически важного энергоснабжения в пределах ЕС или для необходимой транспортировки определенных энергетических продуктов в ЕС¹⁴.

Однако почти все санкции экономического, технологического или научно-технического характера одновременно затрагивают и вопросы экологической безопасности. Пока не ясны настоящие и долговременные экологические риски санкционной политики, необходимо спрогнозировать и скоординировать действия научно-экспертных организаций, бизнеса, государственных структур. Одна из сложнейших аналитических, а затем и практических задач состоит в том, чтобы оценить юридический потенциал, способность национальной правовой системы адекватно и быстро реагировать на новую глобальную политическую, экономическую реальность.

Важным ориентиром и юридически значимым документом являются Стратегии национальной безопасности Российской Федерации¹⁵ и Стратегия экологической безопасности Российской Федерации¹⁶.

На наш взгляд, то новое, что появилось в Стратегии национальной безопасности относительно экологии — это триединая формула: «устойчивое развитие», экологическая безопасность и климатические проблемы. Причиной новой, по-настоящему «инновационной» редакции Стратегии национальной безопасности явилось прежде всего признание факта, что

¹² В перечень товаров роскоши, запрещенных к экспорту в РФ, вошли 393 товарные позиции. К ним отнесены транспортные средства, судовые двигатели, высокие и «двойные» технологии, произведения искусства, антиквариат.

¹³ Department of Commerce. Bureau of Industry and Security. 15 CFR Parts 734, 738, 740, 742, 744, 746, and 772 [Docket No. 220215–0048] RIN 0694-AI71 «Implementation of Sanctions Against Russia Under the Export Administration Regulations (EAR)» // URL: <https://www.govinfo.gov/content/pkg/FR-2022-03-03/pdf/2022-04300.pdf> (дата обращения: 01.06.2022).

¹⁴ Решение Совета (ОВПБ) 2022/327 от 25.02.2022 «О внесении изменений в Решение 2014/512/ОВПБ об ограничительных мерах в связи с действиями России по дестабилизации ситуации в Украине».

¹⁵ Указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации».

¹⁶ Указ Президента РФ от 19.04.2017 № 176 «О Стратегии экологической безопасности Российской Федерации на период до 2025 года».

высшей ценностью и «национальным приоритетом» является «развитие человеческого потенциала», «качество жизни» и традиционные духовно-нравственные ценности.

Экологические проблемы стали предметом «национальной безопасности». Что это означает на практике? Во-первых, понимание глобальности, ценности, качества жизни в достойной окружающей среде. Во-вторых, точка зрения о «первичности» экономики, потребления, «промышленного базиса» стала «не абсолютном», в том числе во взглядах большинства населения. А это революционный сдвиг в массовом сознании. В-третьих, признание того, что ресурсный путь развития, построенный на добыче и продаже природных ресурсов, исчерпался и страна должна принять факт (необходимость) нового социально-экономического уклада.

В большой мере национальная безопасность и национальные приоритеты рассматриваются как производная от системы национальных интересов. Понятие «национальная безопасность» ассоциируется как с понятием «государственная безопасность», так и с понятием «общественная и личная безопасность». Безопасность (национальная, экологическая) в интерпретации действующего законодательства и документов стратегического планирования — это «защищенность».

В этом контексте национальная экологическая безопасность — это не только и не столько сохранение окружающей среды в пределах границ государства, но и включение ее в более широкий контекст, включая и человеческие ценности, и качество жизни, и ментальность, и идеологию, и культуру, и философию, и экономику, и технологии. Столь широкое толкование оправдано тем, что уже несколько десятилетий многочисленные партии, сообщества, правительственные и неправительственные организации включают борьбу за сохранение окружающей среды, климата, экологическое («зеленое») развитие не только в сугубо экологическую повестку, но в контекст междуна-

родной экономики, политики, «демократии», «образа жизни». Поэтому рассмотрение последствий санкционной политики в отношении России затрагивает не только вопросы борьбы за сохранение окружающей среды, но и глобальные гуманитарные проблемы, в том числе климатические и энергетические.

На наш взгляд, важно в контексте перспектив решения проблем экологической безопасности оценивать реальное состояние окружающей среды в стране. Эта оценка, изложенная и в Стратегии экологической безопасности, и в Государственном докладе Минприроды России 2019 г. (последний опубликованный доклад)¹⁷, свидетельствует, что ежегодные экономические потери, обусловленные ухудшением качества окружающей среды и связанными с ним экономическими факторами, без учета ущерба здоровью людей, составляют 4–6 % валового внутреннего продукта. При этом с высокой долей вероятности можем констатировать, что в ближайшие годы существенных улучшений в этой сфере не произойдет.

Тогда возникает вопрос о конкретном (прогнозируемом или вариативном) влиянии уже действующих санкций на состояние промышленной безопасности, качество воды, продовольствия, почвы и т.д. Ведь все десятилетия до санкций не было никаких ограничений для установки эффективного очистного оборудования, перехода на «наилучшие доступные технологии», прекращение сброса загрязняющих веществ в водоемы и атмосферу.

Данные о состоянии окружающей среды и десятилетней динамике изменений ее качества прямо свидетельствуют о «непричастности» санкций к положению дел в области экологической безопасности. Тем не менее корреляция между санкциями и экологической безопасностью, безусловно, существует, и уже некоторые тенденции отчетливо видны.

По нашему мнению, необходимо провести анализ возможных экологических и технологических рисков при различных вариантах (сце-

¹⁷ Государственный доклад «О состоянии окружающей среды в Российской Федерации». М.: Минприроды России, 2019.

нариях) экологической политики, что даст возможность спрогнозировать возможные меры (законодательные прежде всего) для минимизации ущерба и выработки адекватных решений¹⁸.

Важно также, опираясь на национальное экологическое законодательство и правоприменительную практику, в самый короткий срок подготовить и вынести на широкое обсуждение национальный доклад «Экологическая политика РФ: национальные интересы и глобальное соперничество». Доклад, собранный из отдельных разделов, посвященных самым острым и самым экономически значимым последствиям санкционной политики, может стать документом, объединяющим усилия и возможности политиков, юристов, экономистов, представителей бизнеса, государственных структур и региональных властей. Такой документ важен даже не только и не столько своим содержательным аспектом, фактографией или прогнозами, но прежде всего позитивным намерением поиска выхода из кризиса не за счет экологии. Побочным эффектом такого доклада может быть сильный и твердый посыл в международные организации, международной научной и экологической общественности, бизнесу и правительствам других стран о гуманизме и приверженности экологической проблематике, способности даже в непростой санкционный период инициировать новые глобальные экологические идеи и механизмы их выполнения.

Санкции нельзя воспринимать равнозначно, т.к. последствия их могут значительно различаться. Так, последствия санкций для международной и национальной экологической безопасности могут быть разделены на глобальные, страновые, региональные и локальные. При этом санкции по-разному чувствительны для отраслей и территорий и могут одновременно рассматриваться с точки зрения выделения проблемных (природных) областей, таких как атмосферный воздух, вода и водные ресурсы, животный и растительный мир, биоразнообразие, лес и растительность. Необходимо также учитывать

«санкционную классификацию» и с точки зрения наиболее высокорисковых загрязнителей и «природонарушителей» (с экологической точки зрения) — отраслей экономики, например нефтехимии, сельского хозяйства, ТЭК и т.д.

Экспертам более-менее очевидно, что, поскольку санкции затрагивают импортные технологии и научно-практические разработки, а также финансы, прежде всего пострадают технологии очистки выбросов, утилизации отходов, безотходные и малоотходные процессы во многих отраслях, контрольно-измерительная аппаратура, использующая импортные системы.

Любой подход к классификации санкционных последствий и любое выделение тех или иных «важных» и «важнейших» зон эколого-экономического риска приводит нас к необходимости учета возможностей и способностей национальной правовой системы к переменам. Принципиально важно перейти от практики «перечисления» и «констатации» проблем в документах стратегического планирования к практике жесткого выбора приоритетов, доказательной базе выбора и строгой ответственности авторов документа.

Следует заметить, что предметом данного правового исследования не является оценка экономических, экологических, биологических, технологических, иных последствий санкционной деятельности. Нас интересует состояние и реакция правовой системы, ее устойчивость, ее адекватность и адаптационные возможности к резко изменившимся под влиянием санкций внешних и внутренних параметров. Без трудоемких и длительных исследований понятно, что экологическое законодательство и экологические нормы с высокой долей вероятности будут подвергаться в первую очередь огромному давлению со стороны промышленности и почти всех экономических агентов. По образному выражению, «экология — это удел богатых»; отсюда следует, что экономические трудности могут спровоцировать ряд мер, «упрощающих»

¹⁸ Теория и практика оценки экологических рисков имеет огромную библиографию. Риск-менеджмент, в том числе экологический, давно и прочно вошел в государственное и бизнес-управление. Останавливаться на анализе проблемы теории экологических рисков нет возможности.

экологическое регулирование. И это уже наблюдается.

Любой из подходов приводит нас минимум к следующим взаимосвязанным проблемам.

1. Как быстро, качественно, системно перестроить всю работу по экологической безопасности и природопользованию исходя из принципиально новой (долговременной, сложной, неблагоприятной) парадигмы развития.
2. Как не только сохранить, но и расширить и сделать более эффективным механизм регулирования экологических правоотношений, одновременно не нагружая чрезмерно экономику излишними запрещающими и ограничительными нормами.
3. Как сохранить и даже усилить роль страны в глобальном экологическом сотрудничестве, прежде всего в климатическом, лесном, водном, биоразнообразии.
4. Как использовать угрозы и опасности санкционной политики для резкого улучшения всей деятельности (прежде всего экономики, управления, законодательства) по природопользованию и охране среды.
5. Как не допустить отката экологической политики, в частности в области нормативно-правового регулирования, под воздействием санкций в сторону «временного смягчения» экологических требований.

На наш взгляд, ключевым в серии проблем «подсанкционной» политики относительно экологической безопасности является непростая, ментально и стратегически сложная задача адаптации государственного аппарата к совершенно новому, долговременному тренду повышения креативности, самостоятельности, личной ответственности за состояние дел. Санкции — это экзистенциальный вызов, это персональный и коллективный ответ на возможность поиска модели лучшей из лучших (глобальных, региональных и страновых) моделей экологической безопасности.

Задача оценки экологического риска или ущерба от санкций для конкретных регионов или субъектов, или страны в целом в данном анализе не ставится, это отдельный проект, важно другое: какие угрозы и опасности (прямые и

косвенные) могут стать наиболее серьезными для экологической безопасности страны.

Первое. Технологические — ограничения доступа к иностранным технологиям по большой номенклатуре товаров, прежде всего высокотехнологичных, прямо и косвенно влияют на очистные устройства, контрольно-измерительное оборудование, глубокую нефтепереработку, малоотходные и замкнутые циклы производства, мусоропереработку и многое другое, что провоцирует отставание страны в глобальном соревновании.

Второе. Финансово-экономические — закрытие внешних рынков, в том числе заимствований, снижение рентабельности (эффективности) деятельности практически всех экономических агентов, падение отдельных секторов экономики и на этом фоне попытка отмены многих экологических нормативов, изменение экологического законодательства.

Третье. Международно-правовые — отключение страны от участия в глобальных эколого-экономических проектах, отказ от широкого международного сотрудничества, изоляция и «самоизоляция» могут спровоцировать целый ряд социально-экономических эффектов процесса автаркии государства.

Ключевая задача, на наш взгляд, превратить национальную экологическую политику в международно-правовой мейнстрим, создать свое видение (альтернативу) климатической программы ЕС и новое прочтение зарубежных экологических программ, имеющих ярко выраженный технократический (технологический) аспект и постулирующих преимущественно одну основу экологических мер — высокие технологии на базе сильной экономики и парадигме потребительского общества.

Россия глубоко включена во все глобальные цепочки производства и потребления, ее роль как в глобальной экономике, так и в экологической политике очень весома, и санкции, какими бы они ни были, лишь предлог для экологической модернизации.

Обратимся к Стратегии экологической безопасности Российской Федерации. Уточним, что Стратегия относит к глобальным вызовам.

К глобальным вызовам экологической безопасности относятся:

- а) последствия изменения климата на планете, которые неизбежно отражаются на жизни и здоровье людей, состоянии животного и растительного мира, а в некоторых регионах становятся ощутимой угрозой для благополучия населения и устойчивого развития;
- б) рост потребления природных ресурсов при сокращении их запасов, что на фоне глобализации экономики приводит к борьбе за доступ к природным ресурсам и оказывает негативное воздействие на состояние национальной безопасности Российской Федерации;
- в) негативные последствия ухудшения состояния окружающей среды, включая опустынивание, засуху, деградацию земель и почв;
- г) сокращение биологического разнообразия, что влечет за собой необратимые последствия для экосистем, разрушая их целостность.

В Стратегии экологической безопасности выделены глобальные внешние и внутренние вызовы:

К внутренним вызовам экологической безопасности относятся прежде всего:

- а) наличие густонаселенных территорий, характеризующихся высокой степенью загрязнения окружающей среды и деградацией природных объектов;
- б) загрязнение атмосферного воздуха и водных объектов вследствие трансграничного переноса загрязняющих, в том числе токсичных и радиоактивных, веществ с территорий других государств;
- в) высокая степень загрязнения и низкое качество воды значительной части водных объектов, деградация экосистем малых рек, техногенное загрязнение подземных вод в районах размещения крупных промышленных предприятий;
- г) увеличение объема образования отходов производства и потребления при низком уровне их утилизации;
- д) наличие значительного количества объектов накопленного вреда окружающей среде, в

- том числе территорий, подвергшихся радиоактивному и химическому загрязнению;
- е) усиление деградации земель и почв, сокращение количества видов растений;
- з) высокая степень износа основных фондов опасных производственных объектов и низкие темпы технологической модернизации экономики;
- и) низкий уровень разработки и внедрения экологически чистых технологий;
- л) недостаточное финансирование государством и хозяйствующими субъектами мероприятий по охране окружающей среды.

Мы вынуждены были процитировать все вызовы, чтобы понять, какие из них являются вызовами «первого класса опасности», какие «второго», «третьего» и какие из них в результате санкций возрастут (и насколько?), а какие останутся в относительном покое.

К сожалению, это сделать практически невозможно, так как изначально непонятен алгоритм включения тех или иных «вызовов» и их «вес», допустим, в категориях национальной безопасности или, например, стратегии научно-технического развития страны. Как соотносить, например, «криминализацию» и «низкий уровень разработки» — на что санкции повлияют больше или меньше?

Что, на наш взгляд, сделать нужно немедленно — это сберечь огромный вклад России в глобальную экологию; международное сотрудничество, связи и контакты во всех двусторонних и многосторонних соглашениях и программах.

Международное экологическое сотрудничество основывается на комплексе принципов основных международных программ и соглашений в природоохранной сфере, среди которых можно выделить целостность и неразрывность развития экономики и экологии; сотрудничество на уровне государств в духе всемирного партнерства; реализация государствами концепции экологической безопасности и устойчивого развития¹⁹.

Пожалуй, самым ярким примером влияния санкций на экологическую безопасность явля-

¹⁹ Гурьева М. А. Международное экологическое сотрудничество // URL: http://teoria-practica.ru/rus/files/arhiv_zhurnala/2015/14/economics/gurieva.pdf (дата обращения: 01.06.2022).

ется участие нашей страны в Климатической повестке ООН и ЕС. Цель климатической нейтральности ЕС должна быть достигнута таким образом, чтобы сохранить конкурентоспособность ЕС, в том числе путем разработки эффективных мер по борьбе с выбросами парниковых газов.

Наша страна была и остается самым непосредственным и последовательным участником глобальных климатических проектов. Приняты десятки различных актов по климатической проблеме и взяты обязательства по переходу на нулевые выбросы парниковых газов. Например, принята Стратегия социально-экономического развития Российской Федерации с низким уровнем выбросов парниковых газов до 2050 года, утвержденная распоряжением Правительства РФ от 29.10.2021 № 3052-р, принято постановление Правительства РФ от 08.02.2022 № 133 по экологической проблематике, отдельно вышло постановление Правительства РФ «Об утверждении Федеральной научно-технической программы в области экологического развития Российской Федерации и климатических изменений на 2021–2030-е годы», отдельно распоряжение Правительства РФ от 06.10.2021 № 2816-р «Об утверждении прилагаемого перечня инициатив социально-экономического развития Российской Федерации до 2030 года», где целый раздел посвящен экологии, в том числе политике низкоуглеродного развития, экономике замкнутого цикла и другим экологическим мерам.

В рамках национального проекта «Экология» (реализация Указа Президента РФ № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» и актуализация Указа № 474

«О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года») подготовлен и утвержден целый перечень целей и задач в области экологической безопасности.

Климатическая доктрина России и законодательство о парниковых газах ориентировались на возможность достичь максимальной утилизации парниковых газов в нефтяных компаниях²⁰. Проекты резкого сокращения выбросов парниковых газов базировались на доступе к западным технологиям и на международных заимствованиях, что в условиях санкций недоступно. Поэтому можно предположить, что экологическая безопасность и климатические проекты будут пересмотрены.

Этот аспект касается не только нефте- и газодобывающих компаний, но и энергетических, металлургических, иных промышленных предприятий. Например, планировалась масштабная замена большей части генерирующих мощностей тепловых станций: на ближайшие 10 лет к вводу планировалось 138 ГВт мощностей. Причем 81 ГВт из них — блоки на базе парогазовых установок (ПГУ). Снижение выбросов за счет этой программы могло бы достичь 220–250 млн тонн CO₂-эквивалента в год. Сейчас ухудшение доступа к финансированию ставит эти мероприятия под вопрос. Частью Климатической доктрины ЕС и Климатической доктрины России являлось ускоренное развитие альтернативных источников энергии. Российские цели достижения 4,5 %-й доли возобновляемых источников (ВИЭ) в генерации энергии уже пересмотрены в сторону понижения (после введения санкций)²¹.

Огромный санкционный пласт проблем возникает в связи с реализацией амбициозной про-

²⁰ См.: распоряжение Президента РФ от 17.12.2009 № 861-рп «О Климатической доктрине Российской Федерации»; Федеральный закон от 02.07.2021 № 296-ФЗ «Об ограничении выбросов парниковых газов»; Указ Президента РФ от 30.09.2013 № 752 «О сокращении выбросов парниковых газов»; Стратегия развития минерально-сырьевой базы Российской Федерации до 2035 года (распоряжение Правительства РФ от 22.12.2018 № 2914-р); распоряжение Правительства РФ от 05.08.2021 № 2162-р «Об утверждении Концепции развития водородной энергетики в Российской Федерации»; распоряжение Правительства РФ от 29.09.2021 № 3052-р (об утверждении Стратегии социально-экономического развития Российской Федерации с низким уровнем выбросов парниковых газов до 2050 года).

²¹ Тяглов С. Г., Шевелева А. В. Влияние санкционной политики на эколого-ориентированное развитие предприятий нефтегазового комплекса Российской Федерации // Региональная экономика: теория и практика. 2016. № 7. С. 153–162.

граммы энергоэффективности и модернизации всего энергохозяйства, направленной на сокращение выбросов парниковых газов. Это затронет и рециклинг доменных газов в металлургии, и процессы в цементной промышленности, и энергетику в целом. Масштаб инвестиций только на реконструкцию и модернизацию оценивался в десятки и сотни миллиардов долларов, и эффект от них измерялся бы за этот период миллиардами тонн CO₂-эквивалента. Это малая часть влияния санкций на глобальную экологическую политику.

Вопрос о приоритетах и, главное, об организационно-правовых мерах по обеспечению экологической безопасности в санкционных условиях на этих материалах построить достаточно сложно. Можно дополнительно привести десяток различных документов стратегического планирования (например, Экологическая доктрина РФ, Стратегия энергетической безопасности РФ), но это не поможет в ранжировании целей и задач, определении «настоящих», наиболее важных, скажем так — «национальных экологических интересов», позволяющих выделить, оценить и «взвесить» 5–6 наиболее сильных и «опасных» угроз и рисков, которые несут расширяющиеся санкции.

Есть смысл вначале выделить глобальные эколого-экономические интересы и возможности страны, которые определяют ее место в мире:

- климатическая повестка, она же энергетическая, технологическая и «воздухоохранная»;
- биоразнообразие, включая лес, водные ресурсы, животный и растительный мир;
- освоение, охрана и использование ресурсов Арктики.

На сегодняшний день многие глобальные экологические программы без участия России либо невозможны, либо неэффективны или сомнительно эффективны. Пример Арктики более чем показателен. Без участия России проблемы Арктики не могут быть решены в принципе, а эти проблемы не национальные, даже не международные, а глобальные.

Программы по Арктике — это отдельная и весьма перспективная причина отмены санкций по экологическим мотивам, обеспечивающим глобальную экологическую безопасность.

Следовательно, необходимо не сворачивание международных экологических проектов и программ, а, наоборот, их интенсификация. По сути, требуется перезапуск многих значимых экологических проектов международного уровня с более активных, радикальных, содержательно новых позиций российской стороной. Учитывая, что глобальные экологические проекты, как правило, имеют гуманистическую направленность, высокий уровень «научности» и креативности, то именно они и смогут стать локомотивом нормализации, а может быть, и дальнейшего лидерства нашей страны в эколого-экономическом соревновании вопреки санкциям.

Российские эксперты считают, что блокировка самого перспективного направления сокращения глобальных выбросов — российского — должна быть немедленно прекращена, в связи с чем предлагают следующее решение: придать экологическим проектам статус не ниже гуманитарных проектов в уже апробированных ООН форматах, так как все экологические и климатические проекты должны быть исключены из режима любых санкций, и не только в отношении Российской Федерации.

Способы введения подобных исключений из санкционного режима до тех пор, пока он не отменен, по мнению российских экспертов, могут быть следующими.

Во-первых, открытие линий долгосрочного кредитования проектов, направленных на сокращение выбросов парниковых газов и на снижение негативного воздействия на окружающую среду (до 10–15 млрд долл. в год). Создание благоприятных условий и гарантий для реализации крупных инвестиционных проектов, способных обеспечить значительный мультипликативный эффект.

Во-вторых, формирование «антисанкционной» экологической программы — разработка внутренних правил и стимулов для ускоренной модернизации всей экологической деятельности, в том числе (или прежде всего) нормотворческой. Без серьезных изменений внутренней экологической политики, механизмов природопользования, эффективности государственного экологического управления сложно ожидать прорывов и приемлемых инициатив

в международном контексте. А это огромный пласт работы по изменению самого подхода к законотворчеству.

Необходимо также переосмыслить наличие и пользу от бесчисленных новых нормативных

правовых актов, практики принятия десятков изменений в уже существующие законы экологического направления. Назрела объективная необходимость создать новую терминологию, новые критерии успешности законотворчества.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Абрамченко: ЕС ждет экологическая деградация из-за санкций против России // URL: <https://ria.ru/20220526/es-1790891321.html> (дата обращения: 01.06.2022).
2. Гурьева М. А. Международное экологическое сотрудничество // URL: http://teoria-practica.ru/rus/files/arhiv_zhurnala/2015/14/economics/gurieva.pdf (дата обращения: 01.06.2022).
3. США начнут по всему миру преследовать за помощь россиянам под санкциями // URL: <https://www.rbc.ru/economics/01/11/2017/59f995d19a79477abe151714> (дата обращения: 01.06.2022).
4. Тяглов С. Г., Шевелева А. В. Влияние санкционной политики на эколого-ориентированное развитие предприятий нефтегазового комплекса Российской Федерации // Региональная экономика: теория и практика. — 2016. — № 7. — С. 153–162.

Материал поступил в редакцию 1 июня 2022 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Abramchenko: ES zhdet ekologicheskaya degradatsiya iz-za sanktsiy protiv Rossii // URL: <https://ria.ru/20220526/es-1790891321.html> (data obrashcheniya: 01.06.2022).
2. Gureva M. A. Mezhdunarodnoe ekologicheskoe sotrudnichestvo // URL: http://teoria-practica.ru/rus/files/arhiv_zhurnala/2015/14/economics/gurieva.pdf (data obrashcheniya: 01.06.2022).
3. SShA nachnut po vsemu miru presledovat za pomoshch rossiyanam pod sanktsiyami // URL: <https://www.rbc.ru/economics/01/11/2017/59f995d19a79477abe151714> (data obrashcheniya: 01.06.2022).
4. Tyaglov S. G., Sheveleva A. V. Vliyanie sanktsionnoy politiki na ekologo-orientirovannoe razvitie predpriyatij neftegazovogo kompleksa Rossiyskoy Federatsii // Regionalnaya ekonomika: teoriya i praktika. — 2016. — № 7. — S. 153–162.

Эколого-правовое значение реализации принципа взаимосвязи водных объектов и гидротехнических сооружений, образующих водохозяйственную систему (на основе анализа судебной практики)

Аннотация. В статье исследованы вопросы правового статуса водохозяйственных систем и их элементов в аспекте реализации принципа водного законодательства, устанавливающего регулирование водных отношений исходя из взаимосвязи водных объектов и гидротехнических сооружений, образующих водохозяйственную систему. Автором дана общая характеристика данного принципа и раскрыто его значение при регулировании отношений по использованию и охране водных объектов. Основное внимание в статье уделено анализу судебного толкования принципа взаимосвязи водных объектов и гидротехнических сооружений, образующих водохозяйственную систему, при рассмотрении дел, связанных с имущественными правами на гидротехнические сооружения. Такие споры, как правило, обусловлены нахождением в собственности Российской Федерации водных объектов, с которыми фактически связаны гидротехнические сооружения, тогда гидротехнические сооружения оказываются принадлежащими юридическому или физическому лицу. Автором показано, при каких условиях суды трактуют «взаимосвязь» водного объекта и гидротехнического сооружения как имущественную по аналогии с принципом единства судьбы земельного участка, а при каких признают наличие самостоятельного правового статуса у каждого из объектов, входящих в состав водохозяйственной системы. По результатам исследования автором сделан вывод об отсутствии надлежащего правового регулирования в части порядка распределения имущественных прав на гидротехническое сооружение и водный объект как составные части водохозяйственной системы, а также в части установления правового статуса водохозяйственной системы как единого имущественного комплекса, с чем связано отсутствие единообразия в судебной практике при разрешении имущественных споров в отношении водохозяйственных систем и толковании рассматриваемого принципа.

Ключевые слова: водное право; водное законодательство; водные ресурсы; водопользование; водохозяйственная деятельность; правовые принципы; принципы водного законодательства; водный объект; водохранилище; русловой пруд; водный режим; гидротехническое сооружение; ГТС; права на гидротехнические сооружения; водохозяйственная система; экологическая безопасность.

Для цитирования: Амашукели С. А. Эколого-правовое значение реализации принципа взаимосвязи водных объектов и гидротехнических сооружений, образующих водохозяйственную систему (на основе анализа судебной практики) // Актуальные проблемы российского права. — 2022. — Т. 17. — № 8. — С. 170–177. — DOI: 10.17803/1994-1471.2022.141.8.170-177.

© Амашукели С. А., 2022

* Амашукели Светлана Александровна, аспирант кафедры экологического и природоресурсного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993
amashukely@icloud.com

Ecological and Legal Significance of the Implementation of the Principle of Water Bodies and Hydraulic Structures Relationship that Form the Water Management System: Based on Court Practice Analysis

Svetlana A. Amashukeli, Postgraduate Student, Department of Environmental and Natural Resources Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
ul. Sadovaya-Kudrinskaya, d. 9, Moscow, Russia, 125993
amashukely@icloud.com

Abstract. The paper examines the issues of the legal status of water management systems and their elements in the aspect of the implementation of the principle of water legislation, which establishes the regulation of water relations based on the water bodies and hydraulic structures relationship that form the water management system. The author gives a general description of this principle and reveals its significance in regulating relations for the use and protection of water bodies. The main attention in the paper is given to the analysis of the judicial interpretation of the principle of the relationship between water bodies and hydraulic structures that form the water management system, when considering cases related to property rights to hydraulic structures. Such disputes, as a rule, are due to the fact that water bodies are in the ownership of the Russian Federation, with which hydraulic structures are actually connected, then the hydraulic structures turn out to be owned by a legal entity or individual. The author shows under what conditions the courts interpret the “relationship” of a water body and a hydraulic structure as a property one, by analogy with the principle of the unity of a land plot history, and under which conditions they recognize the existence of an independent legal status for each of the objects that make up the water management system. Based on the results of the study, the author concluded that there is no proper legal regulation in terms of the procedure for distributing property rights to a hydraulic structure and a water body as components of the water management system, as well as in terms of establishing the legal status of the water management system as a single property complex. This is the reason for the lack of uniformity in the judicial practice in resolving property disputes in relation to water management systems and the interpretation of the principle under consideration.

Keywords: water law; water legislation; water resources; water use; water management activities; legal principles; principles of water legislation; water body; reservoir; riverbed pond; water regime; hydraulic structure; GTS; rights to hydraulic structures; water management system; environmental safety.

Cite as: Amashukeli SA. Эколого-правовое значение реализации принципа взаимосвязи водных объектов и гидротехнических сооружений, образующих водохозяйственную систему (на основе анализа судебной практики [Ecological and Legal Significance of the Implementation of the Principle of Water Bodies and Hydraulic Structures Relationship that Form the Water Management System: Based on Court Practice Analysis]. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2022;17(8):170-177. DOI: 10.17803/1994-1471.2022.141.8.170-177. (In Russ., abstract in Eng.).

Основополагающими началами водного законодательства выступают три принципа: регулирование водных отношений исходя из бассейнового подхода, исходя из характеристик водных объектов и их водного режима, а также исходя из взаимосвязи водных объектов и гидротехнических сооружений, образующих водохозяйственные системы. В них находят свое

отражение особенности водных объектов как объектов правового регулирования, что направлено на повышение эффективности водопользования и охраны водных ресурсов.

Принцип взаимосвязи водного объекта и гидротехнического сооружения (ГТС) закреплен в п. 11 ст. 3 Водного кодекса Российской Федерации¹. Исходя из указанного принципа в ВК

¹ СЗ РФ. 2006. № 23. Ст. 2381.

РФ было введено понятие «водохозяйственная система», содержание которого получило развитие в действующем водном праве.

Специфический правовой статус водохозяйственной системы заложен нормами водного права, выделяющими ее в качестве самостоятельного объекта государственного мониторинга и государственного водного реестра, а также в качестве одной из составных частей водохранилища как водного объекта. Ряд положений содержат общие правила относительно использования и охраны водохозяйственной системы как некоего единого целого, отличающегося и от водного объекта, и от ГТС, но в совокупности составляющего физическое и технологическое единство.

Принцип взаимосвязи водного объекта и ГТС призван обосновать необходимость разработки и строгого соблюдения специальных мер по охране вод и иных компонентов окружающей среды, затрагиваемых в ходе эксплуатации водохозяйственной системы как природно-антропогенного объекта, требующего специальных нормативов допустимого воздействия на окружающую среду и комплекса мер, направленных на предотвращение чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера.

ВК РФ на основе указанного принципа закрепил водохозяйственные системы в качестве правовых элементов водных и экологических правоотношений, тогда как до этого они, являясь важнейшими составными частями структуры водохозяйственного комплекса Российской Федерации, всего лишь упоминались в политических документах.

Будучи элементом водохозяйственного комплекса РФ, водохозяйственные системы до вступления в силу ВК РФ не являлись самостоятельным объектом правового регулирования водных отношений, поэтому вместе с принципом взаимосвязи водного объекта и ГТС не были предметом исследований в правовой доктрине.

Отдельные правовые аспекты роли, создания и функционирования водохозяйственных систем в части обеспечения устойчивого водопользования и охраны водных объектов затрагивались в эколого-правовых исследованиях, но развития не получили². Между тем правовой режим водохозяйственных систем, основанный на принципе взаимосвязи водного объекта и гидротехнического сооружения, имеет важнейшее значение для обеспечения рационального использования и охраны водных объектов, включая защиту населения и территорий от негативного воздействия вод.

В связи с отсутствием теоретических исследований данного вопроса только оценка судебной практики, использующей в мотивировочной части указанный принцип водного законодательства, может дать представление о его сложившемся толковании, способах применения и значимости для разрешения тех или иных споров, возникающих из объективно существующих правоотношений.

Анализ судебной практики показывает, что основная категория споров, при разрешении которых суды обращаются к указанному принципу, касается приобретения и осуществления прав на гидротехнические сооружения, находящиеся на водных объектах.

Водохозяйственную систему ВК РФ определяет в п. 11 ст. 1 как комплекс водного объекта, который законом отнесен к федеральной собственности, и гидротехнического сооружения, которое согласно ст. 3 Федерального закона от 21.07.1997 № 117-ФЗ «О безопасности гидротехнических сооружений»³ может находиться не только в государственной или муниципальной, но и в частной собственности.

Вследствие этого у судов возникает дилемма при решении вопроса о надлежащем собственнике гидротехнического сооружения, когда водный объект, на котором оно расположено, является федеральной собственностью. В настоящий

² См., например: *Романова О. А.* Правовая охрана поверхностных вод от загрязнения в Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2008. 219 с. ; *Сиваков Д. О.* Тенденции правового регулирования водохозяйственной деятельности : монография. М. : ИЗИСП при Правительстве РФ ; Юриспруденция, 2012. 352 с.

³ СЗ РФ. 1997. № 30. Ст. 3589.

момент при разрешении указанной дилеммы в судебной практике сформировались разные подходы к толкованию принципа взаимосвязи водных объектов и ГТС, образующих водохозяйственную систему.

Так, при повторном рассмотрении дела № А08-3522/2014⁴, удовлетворяя иск колхоза «Советская Россия» о признании права собственности на гидротехническое сооружение пруда — земляную плотину и трубчатый водосброс, суд посчитал доказанным, что спорное ГТС возведено в 1954 г. за счет вложений истца и на земельном участке, предоставленном в установленном порядке колхозу, правопреемником которого является истец. Опираясь на ст. 100 Гражданского кодекса РСФСР⁵, ст. 21 Земельного кодекса РСФСР от 01.07.1970⁶, а также на ст. 3 Федерального закона «О безопасности гидротехнических сооружений», суд сделал вывод, что законодательство, действовавшее на дату создания гидротехнического сооружения, и действующее законодательство предусматривают возможность принадлежности ГТС на праве собственности юридическим лицам. При этом было установлено, что пруд является русловым, относится к гидрографической сети бассейна реки Дон: балка — урочище Могильное — Писаревский Яр — река Черная Калитва — река Дон, вследствие чего находится в федеральной собственности. Несмотря на это, суд указал, что в данном деле принадлежность водного объекта на праве собственности Российской Федерации не исключает возможности признания права собственности на гидротехническое сооружение за истцом в силу положений ст. 3 Федерального закона «О безопасности гидротехнических сооружений».

По другому делу (№ А50-10817/2008⁷) было отказано в удовлетворении иска об обязанности принять в федеральную собственность расположенное в городе гидротехническое сооружение — плотину пруда с водосбором и обводного канала с автодорожным мостом. Истец ссылался

на то, что спорное ГТС было незаконно включено в состав приватизируемого имущества государственного предприятия «Нытвенский металлургический завод». По его мнению, приватизация таких объектов запрещалась Государственной программой приватизации на 1992 г., сооружение не может находиться в частной собственности, а следовательно, истец незаконно несет бремя его содержания. Однако суд с учетом правовых норм о безопасности гидротехнических сооружений и ВК РФ признал недоказанным факт принадлежности спорного ГТС к объектам, в отношении которых введен запрет на приватизацию. Напротив, судом было установлено, что с момента государственной регистрации в 1993 г. истец признается собственником спорного гидротехнического сооружения, которое было включено в утвержденный в установленном порядке план приватизации. То, что истец является надлежащим собственником гидроузла водохранилища и его эксплуатирующей организацией, подтверждено выпиской из Российского регистра гидротехнических сооружений. Важное значение для разрешения указанного дела имело также то обстоятельство, что ГТС построено одновременно с металлургическим заводом, предназначалось и используется для его производственного водоснабжения, а истец является правопреемником данного предприятия.

В обоих приведенных случаях для судов имело решающее значение обстоятельство не просто возможности принадлежности спорных гидротехнических сооружений юридическим лицам на праве собственности, а законность оснований приобретения права на них и основное целевое назначение таких гидротехнических сооружений, предназначенных для обеспечения водоснабжения прежде всего данных хозяйствующих субъектов.

При этом суды, учитывая принцип регулирования водных отношений исходя из взаимосвязи водных объектов и гидротехнических

⁴ URL: <https://kad.arbitr.ru/Card/584f94db-f723-4ab8-b9f1-8480b5f8be79>.

⁵ Ведомости ВС РСФСР. 1964. № 24. Ст. 407.

⁶ Ведомости ВС РСФСР. 1970. № 28. Ст. 581.

⁷ URL: <https://kad.arbitr.ru/Card/af9d8126-6d9c-4468-9be3-d6f2cb88ecad>.

сооружений, образующих водохозяйственную систему, обоснованно рассматривают ГТС как самостоятельный объект правового регулирования.

Вместе с тем в судебной практике также сложился иной подход при разрешении споров о праве на гидротехническое сооружение или о праве на земельный участок, в границах которого оно расположено.

Например, согласно делу № А75-9946/2016⁸, когда истец обратился в суд с требованием о признании права собственности на ГТС — дамбу водохранилища (назначение водохранилища — рыбопитомник) в порядке приобретательной давности, ссылаясь на то, что является надлежащим правопреемником в ходе процедуры приватизации государственного предприятия «Березовский рыбокомбинат», суд отказал в иске. В ходе рассмотрения дела подтвердилось наличие фактической взаимозависимости, а именно гидравлической связи между дамбой, водохранилищем и реками Северная Сосьва, Ванзетурье, невозможности функционирования водохранилища без дамбы, вхождения гидротехнического сооружения в единую водохозяйственную систему, созданную для рыбоводного хозяйства. Поскольку водохранилище находится в федеральной собственности, что никем и не оспаривалось в ходе судопроизводства, суд пришел к выводу, что ГТС также должно находиться в федеральной собственности, вследствие чего удовлетворил встречный иск соответствующего территориального управления Росимущества о признании права собственности Российской Федерации на спорное гидротехническое сооружение. Опираясь на принцип регулирования водных отношений и исходя из взаимосвязи водных объектов и ГТС, образующих водохозяйственную систему, в качестве правового обоснования суд использовал положения ст. 135 ГК РФ⁹ о главной вещи и принадлежности, указав, что

дамба является принадлежностью по отношению к главной вещи — водохранилищу.

Именно такая правовая логика характерна для судебной практики, сформировавшей позицию, что, когда гидротехническое сооружение не может использоваться по его основному назначению без водного объекта, находящегося в федеральной собственности, на котором оно создано, ГТС должно следовать судьбе водного объекта.

Например, по делу № А32-2863/2009¹⁰ суд пришел к заключению, что спорный объект — пирс (1985 года постройки на правом берегу р. Шапсуг в центре бухты Тенгинской), по своим техническим характеристикам представляет собой искусственно созданную часть водного объекта, которая относится к принадлежности главной вещи, предназначена для ее обслуживания и сама по себе самостоятельным объектом гражданских прав не является. Отсюда был сделан вывод, что спорный пирс следует судьбе главной вещи, то есть также является объектом федеральной собственности, в результате чего суд отказал администрации муниципального образования в удовлетворении иска о признании права муниципальной собственности на указанное ГТС.

Из анализа вышеприведенной и аналогичной судебной практики явственно прослеживается, что существенное значение для судов имеет факт наличия или отсутствия у спорных ГТС признаков единства с водными объектами, так называемой гидравлической связи. На основании этого суды делают вывод о том, является ли гидротехническое сооружение самостоятельным объектом гражданских прав или нет.

Так, при рассмотрении дела № А71-7082/2018¹¹ по иску ООО «Рыбоводное хозяйство Карашурское» о признании права собственности на земляную плотину суд апелляционной инстанции, отправляя дело на новое рассмотрение, указал, что суды не исследовали и не

⁸ URL: <https://kad.arbitr.ru/Card/cc65a7fd-a86d-4c76-892d-2e81ef7fa5a4>.

⁹ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ // СЗ РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.

¹⁰ URL: <https://kad.arbitr.ru/Card/322bbcbb-3652-4669-8a67-2b577ea22cc8>.

¹¹ URL: <https://kad.arbitr.ru/Card/1f9176ae-ecfd-458f-a58c-67591d150f46>.

дали надлежащей правовой оценки доводам администрации о наличии фактической взаимозависимости (гидравлической связи) между земляной плотиной, Карашурским прудом и рекой Селычка, о невозможности функционирования пруда без нее, о вхождении плотины и гидротехнического сооружения в единую водохозяйственную систему, созданную для образования пруда, которая существовала как на момент возведения спорных объектов, так и на момент рассмотрения спора, и не установили, имеют ли спорные плотина и гидротехнические сооружения самостоятельное функциональное назначение.

Отсюда следует, что при рассмотрении некоторых дел арбитражные суды толкуют принцип взаимосвязи водных объектов и ГТС, образующих водохозяйственную систему, как единство судьбы водного объекта и спорного гидротехнического сооружения по аналогии с принципом земельного законодательства о единстве судьбы земельных участков и прочно связанных с ними объектов.

При этом суды общей юрисдикции идут по сходному пути, утверждая в некоторых решениях, что гидротехническое сооружение как объект недвижимости и субъект водопользования имеет тесную связь с земельным участком и водным объектом, на которых оно расположено (к примеру, апелляционное определение Тамбовского областного суда по делу № 33-693/2015¹²).

Как следствие, суд при разрешении указанного дела о признании незаконным бездействия администрации муниципального образования в части обращения с заявлением о постановке на учет бесхозяйного ГТС — плотины 1971 года постройки, признал ключевыми вопросы не только о собственнике водного объекта, но и о собственнике земельного участка, на котором расположено ГТС.

Необходимо отметить, что большая часть судебных дел по спорам о правах на гидротехнические сооружения касается споров относи-

тельно ГТС, в результате возведения которых были образованы русловые пруды.

Верховным Судом РФ сформирована и неоднократно подтверждалась позиция, согласно которой русловые пруды — это пруды, образованные в результате создания гидротехнических сооружений на водотоке, которые являются совокупным элементом гидрографической сети. В отсутствие гидравлической обособленности данные водные объекты в силу ст. 8 ВК РФ могут находиться только в федеральной собственности (например, определение ВС РФ от 23.10.2015 № 308-ЭС15-13761¹³). При этом вывод, касающийся правовой связи между правом на водный объект и правом на гидротехническое сооружение, расположенное на таком объекте, в практике Верховного Суда РФ не встречается.

Вместе с тем Верховный Суд РФ несколько раз формулировал существенные по делу о признании права на ГТС обстоятельства, которые суду следует установить для правильного разрешения дела. Например, к таким обстоятельствам относится: принадлежность водного объекта, является ли истец надлежащим водопользователем, имеются ли основания считать, что спорное гидротехническое сооружение фактически передано в собственность истца в период реорганизации, и исходя из этого определить правомерность такой передачи, а также наличие оснований приобретения права собственности истца на спорный объект в соответствии с нормами гражданского законодательства (определение ВС РФ от 22.10.2015 № 310-ЭС15-13578¹⁴). Очевидно, что такая позиция Верховного Суда РФ нацелена привлечь внимание нижестоящих судов к необходимости в каждом конкретном случае исследовать не просто наличие или отсутствие фактической взаимосвязи ГТС, водного объекта и земельного участка, а законность оснований возникновения прав на них, учитывая, что все три указанные составляющие являются отдельными объектами правового регулирования.

¹² СПС «КонсультантПлюс».

¹³ СПС «КонсультантПлюс».

¹⁴ СПС «КонсультантПлюс».

Важно подчеркнуть, что именно данная точка зрения соответствует правовому взгляду академика О. С. Колбасова на юридическую взаимосвязь водных объектов и гидротехнических сооружений. По мнению О. С. Колбасова, «... гидротехнические сооружения и устройства — плотины с их оборудованием, шлюзы и т.п., хотя и капитально связаны с водными объектами и эксплуатируются одновременно с эксплуатацией водных ресурсов, не охватываются понятием водного объекта, не являются объектами права водопользования, а представляют собой самостоятельные объекты права государственной, общественной или личной собственности»¹⁵.

Представляется, что принцип регулирования водных отношений исходя из взаимосвязи водных объектов и гидротехнических сооружений, образующих водохозяйственные системы, не может и не должен предрешать вопрос о распределении имущественных прав как в отношении отдельных частей водохозяйственной системы, так и в отношении водохозяйственной системы в целом.

Взаимосвязь, на которой указаный принцип делает основной акцент, имеет прежде всего гидрологическую и технологическую природу. Она обусловлена тем обстоятельством, что за счет ГТС, входящего в состав водохозяйственной системы, либо образуется водный объект по типу водохранилища или руслового пруда, либо осуществляется забор, сброс водных ресурсов или иной вид водопользования, например водотведение или использование водного объекта для организации внутренних водных путей.

Так или иначе, водный объект и гидротехническое сооружение представляют собой тот самый совокупный элемент гидрографической сети, то есть их взаимосвязь является фактической, из чего следует их природное, экологическое единство.

Таким образом, в отличие от принципа единства судьбы земельных участков и прочно связанных с ними объектов, предназначенного для разрешения имущественных споров о правах на земельные участки и объекты капитального

строительства, принцип взаимосвязи водных объектов и ГТС, образующих водохозяйственную систему, нацелен на разрешение конфликтов, возникающих в ходе использования и охраны водных объектов, и комплексных экологических проблем, возникающих при эксплуатации водохозяйственных систем, водохранилищ.

Согласно ч. 2 ст. 4 ВК РФ имущественные отношения, связанные с оборотом водных объектов, подлежат регулированию в соответствии с нормами гражданского законодательства в той мере, в какой они не урегулированы Водным кодексом РФ, то есть установлен приоритет водного законодательства в регулировании вопросов, касающихся использования водных объектов. Данное положение обусловлено спецификой водных объектов и, соответственно, водных отношений, которая должна учитываться при их регулировании в целях обеспечения прежде всего публичных интересов.

В связи с изложенным представляется наиболее взвешенным и юридически обоснованным правовая позиция Верховного Суда РФ, рекомендующего судам каждый раз оценивать законность оснований возникновения имущественных прав участников спора на каждый элемент конкретной водохозяйственной системы, на правовой режим земельного участка, в границах которого расположено ГТС. Это особенно важно и актуально, учитывая разнообразие гидротехнических сооружений и образуемых ими водохозяйственных систем.

Вместе с тем анализ судебной практики выявляет очевидную проблему отсутствия четкой позиции законодателя в отношении правового статуса водохозяйственной системы как единого объекта имущественных отношений. Ни водное, ни гражданское законодательство не содержат положений, характеризующих такой сложный объект, как водохозяйственная система в целом, а также общей нормы, определяющей, в каком случае право собственности на ГТС может и должно следовать судьбе водного объекта в рамках водохозяйственной системы. Как следствие, суды применяют гражданско-правовые конструкции, наи-

¹⁵ Колбасов О. С. Теоретические основы права пользования водами в СССР // Избранное. М. : РГУП, 2017. С. 343.

более, по их мнению, подходящие в конкретном отдельном случае, например, помимо конструкции главной вещи и принадлежности, в судебной практике по отношению к ГТС можно встретить применение норм о едином недвижимом комплексе, сложной вещи и неделимых вещах.

Принцип же взаимосвязи водных объектов и ГТС используется судами для дополнительного обоснования своей позиции по конкретному делу в попытке минимизировать обозначенную правовую неопределенность. Однако данный принцип является принципом водного и экологического права и не предназначен для регулирования имущественных отношений по поводу элементов водохозяйственных систем. Суды же склонны его толковать чересчур широко, распространяя слово «взаимосвязь» на имущественные права в отношении трех объектов, имеющих различный правовой статус, — ГТС, водного объекта и земельного участка, в пределах которого они расположены.

Представляется, что преодолеть вышеуказанные существенные разночтения в судебной практике по вопросам имущественных прав на гидротехнические сооружения, входящие в состав водохозяйственных систем, возможно только путем ликвидации пробела в водном законодательстве, касающегося правового статуса водохозяйственной системы в целом как сложного объекта, принципов соотношения имущественных прав на ее составные элементы — водный объект и ГТС, с учетом общих правовых положений гражданского законодательства об объектах гражданских прав.

Отлаженный правовой механизм разграничения права собственности и иных прав на водные объекты и ГТС может выступать в качестве одной из важнейших гарантий обеспечения экологической безопасности при эксплуатации ГТС, поскольку ответственность за такую безопасность возлагается на собственников либо на эксплуатирующие ГТС организации.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Колбасов О. С. Теоретические основы права пользования водами в СССР // Избранное. — М. : РГУП, 2017. — С. 301–445.
2. Романова О. А. Правовая охрана поверхностных вод от загрязнения в Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук. — М., 2008. — 219 с.
3. Сиваков Д. О. Тенденции правового регулирования водохозяйственной деятельности : монография. — М. : ИЗиСП при Правительстве РФ ; Юриспруденция, 2012. — 352 с.

Материал поступил в редакцию 28 марта 2022 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Kolbasov O. S. Teoreticheskie osnovy prava polzovaniya vodami v SSSR // Izbrannoe. — M.: RGUP, 2017. — S. 301–445.
2. Romanova O. A. Pravovaya okhrana poverkhnostnykh vod ot zagryazneniya v Rossiyskoy Federatsii: dis. ... kand. yurid. nauk. — M., 2008. — 219 s.
3. Sivakov D. O. Tendentsii pravovogo regulirovaniya vodokhozyaystvennoy deyatel'nosti: monografiya. — M.: IZiSP pri Pravitelstve RF; Yurisprudentsiya, 2012. — 352 s.

ПРАВО И ЦИФРОВАЯ ЭКОНОМИКА

- ✓ Свидетельство о регистрации СМИ — ПИ № ФС77-72703 от 23 апреля 2018 г., ISSN 2618-8198;
- ✓ издается с 2018 г., выходит 4 раза в год;
- ✓ основные языки журнала: русский, английский;
- ✓ входит в перечень ВАК России;
- ✓ включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ);
- ✓ каждой статье присваивается индивидуальный международный индекс DOI;
- ✓ материалы размещаются в СПС «КонсультантПлюс» и «ГАРАНТ».

«Право и цифровая экономика» — международное научное и научно-практическое издание. Журнал посвящен рассмотрению проблем правового регулирования цифровой экономики России и иностранных государств.

Круг читателей журнала: государственные служащие, практикующие юристы в сфере правового регулирования цифровой экономики, предпринимательского и конкурентного права, малого и среднего бизнеса, предприниматели, научные работники, преподаватели, аспиранты, магистранты и студенты юридических факультетов вузов, а также читатели, интересующиеся проблемами и актуальными вопросами развития правового регулирования цифровой экономики России и иностранных государств.

Основные рубрики журнала:

- ✓ Государственное регулирование цифровой экономики.
- ✓ Правовое регулирование криптовалюты и майнинга.
- ✓ Краудфандинг (проблемы и перспективы).
- ✓ Правовое регулирование больших данных.
- ✓ Технология блокчейн и криптовалют (bitcoin, Copernicus, Ethereum и т.д.).
- ✓ Интересы и противоречия, связанные с применением блокчейна в финансовой сфере.
- ✓ Финансовые технологии в действующем российском и международном правовом поле.
- ✓ Цифровые технологии в сфере интеллектуальной собственности и инноваций.
- ✓ Правовой статус смарт-контрактов.
- ✓ Защита прав и законных интересов участников цифровых рынков.
- ✓ Информационная безопасность.
- ✓ Консорциумы промышленного Интернета: правовая природа и особенности регулирования.

KUTAFIN LAW REVIEW

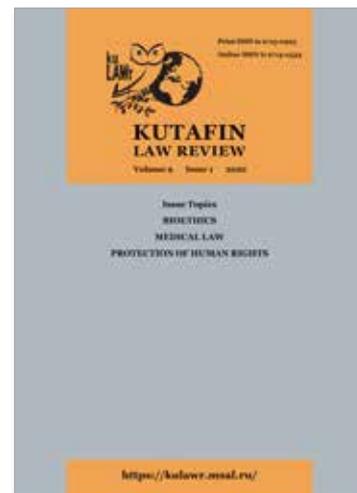
Мультиотраслевой научный юридический журнал, который издается на английском языке с сентября 2014 г. и выходит четыре раза в год. Журнал нацелен на интеграцию российской правовой науки в мировое юридическое сообщество, организацию диалога правоведов по актуальным проблемам теоретической и практической юриспруденции, расширение кругозора и интеллектуальных горизонтов представителей российского правоведения, повышение узнаваемости и авторитета наших ученых-юристов.

Журнал публикует статьи известных и начинающих ученых, юристов-практиков. Главный критерий отбора публикаций — это качество содержания, которое отражает талант автора, его эрудицию и профессионализм в исследуемой сфере, добросовестность и глубину проведенного анализа, использование богатого арсенала научной методологии, актуальность проблематики и новизну результатов проведенного исследования.

Данное издание создает уникальную возможность писать и публиковать научные статьи на английском языке в целях существенного расширения профессиональной читательской аудитории, повышения индекса цитирования, выхода на международный научный уровень.

В качестве авторов, членов редакционного совета и редакционной коллегии с журналом Kutafin Law Review сотрудничают выдающиеся российские и зарубежные специалисты в различных областях юриспруденции.

The best ideas are always welcomed!

Редакционная подписка на журналы Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Журналы Университета распространяются через объединенный каталог «Пресса России» и интернет-каталог агентства «Книга-Сервис».

Подписаться на журнал можно с любого месяца. Подписные индексы журналов:

«Актуальные проблемы российского права» – 11178, Lex russica – 11198,

«Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)» – 40650, «Право и цифровая экономика» – 39492.

Будем рады видеть Вас в числе подписчиков!

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РОССИЙСКОГО ПРАВА

Том 17 № 8 (141) август 2022

Журнал распространяется через
объединенный каталог «Пресса России»
и интернет-каталог агентства «Книга-Сервис».

Подписной индекс: 11178.

Подписаться на журнал можно с любого месяца.

ISSN 1994-1471

9 771994 147002